

СКОМОРОХИ

НА

РУСИ.

„Веселые скomorохи
Сидели на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсеньку...“

К. Даниловъ. Древ. Росс. стих.:
„Гость Терентѣица“.

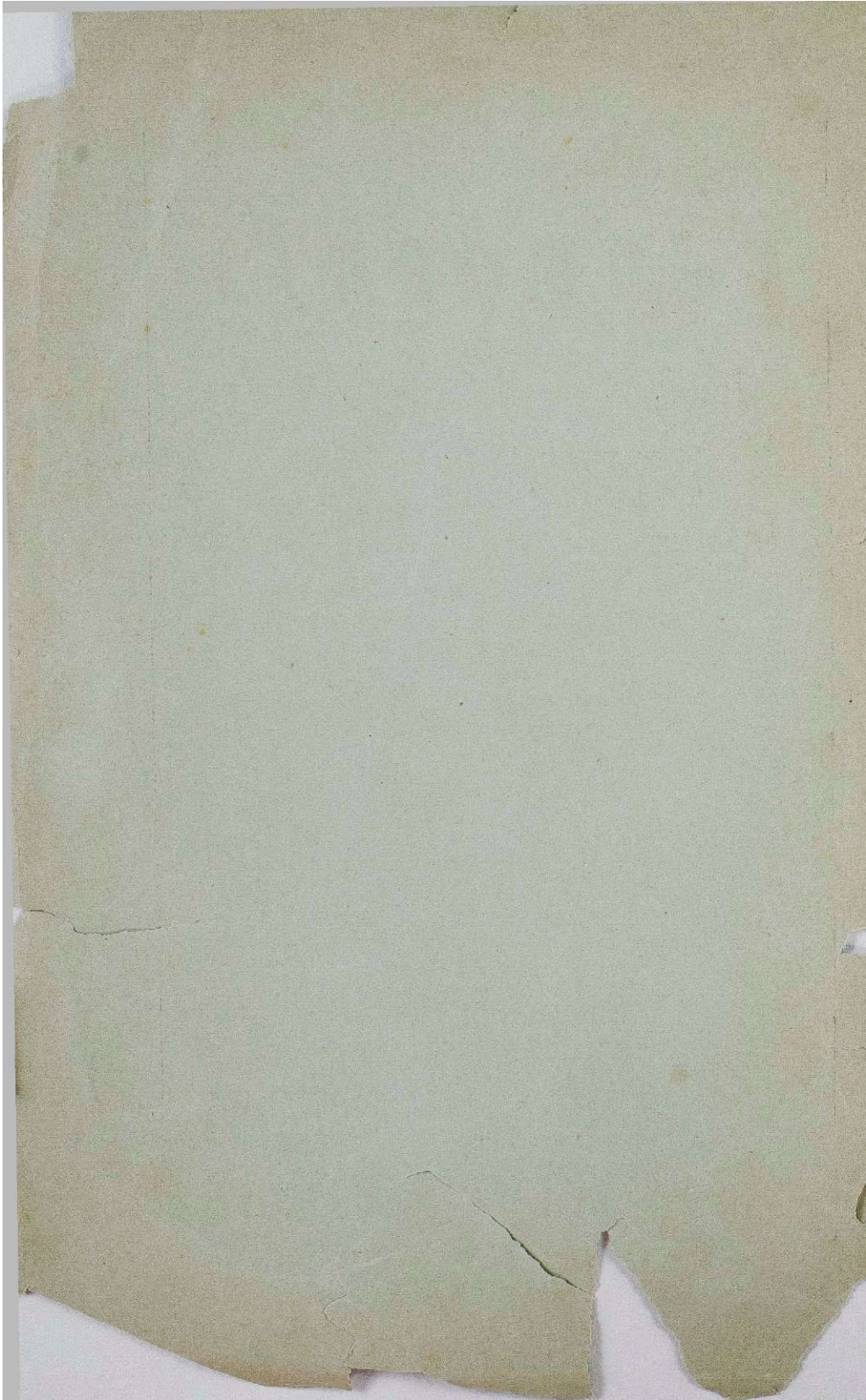
ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Ал. С. Фаминцына

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Аригольда, Лицейный просп. № 59.

1889.

СКОМОРОХИ

НА

РУСИ.

„Веселые скomorохи
 Садилса на лавочки,
 Заиграли во гуслицы,
 Запѣли они пѣсеньку...“
 К. Даниловъ. Древ. Росс. стих.:
 „Гость Терентьевичъ“.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Ал. С. Фаминцына.

С. Д.

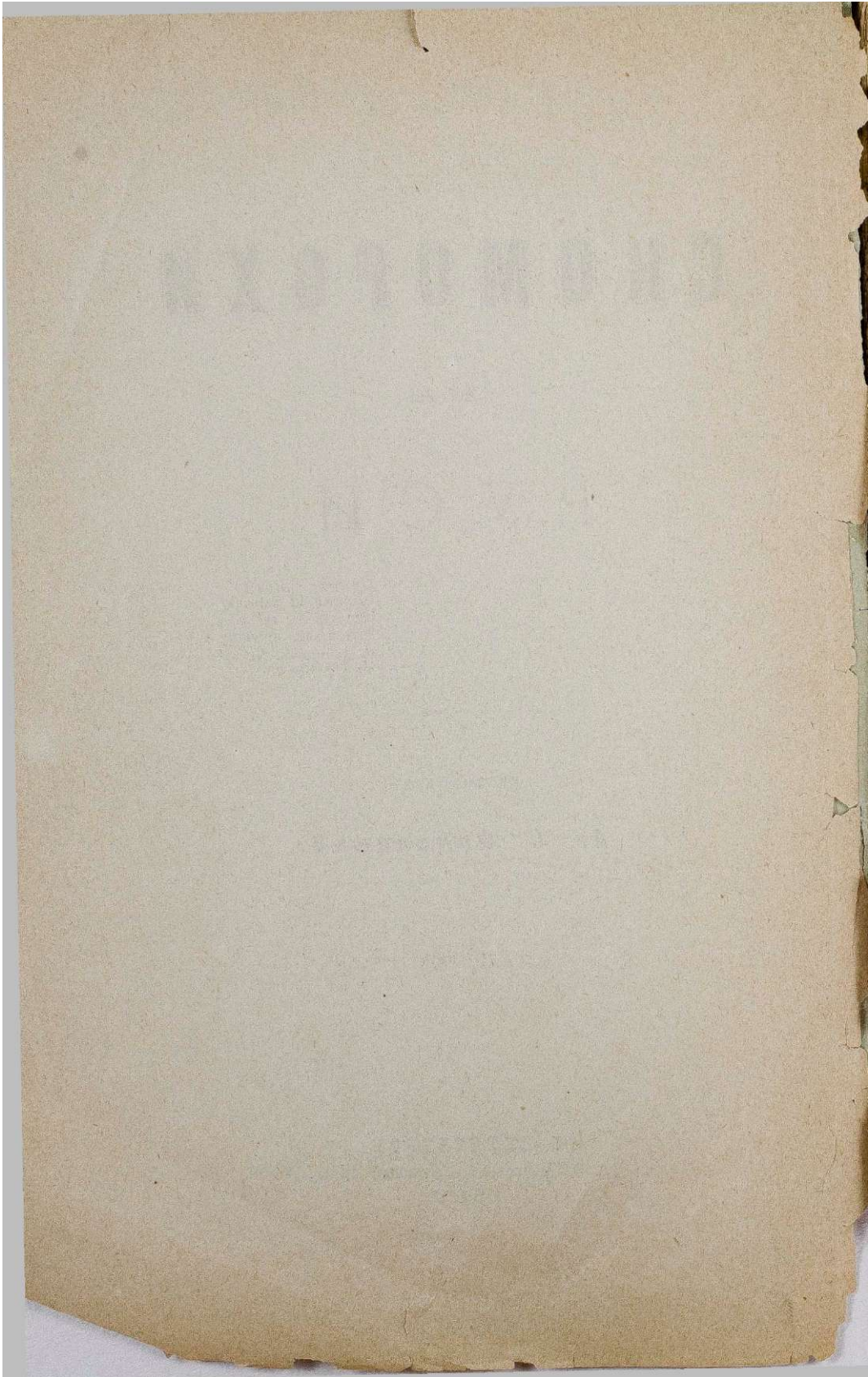
— РОСРАНКЕ —

№ 6149V

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнольда, Литейный просп. № 59.

1889.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
ВСТУПЛЕНИЕ	1
Гл. 1. Скоморохи—«веселые люди»	3
Гл. 2. Искусство скомороховъ.	
а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.	6
б. Участвуютъ въ свадебныхъ торжествахъ.	17
в. Великая игра.	
аа. Боянь-гудецъ и скоморохи. Повествованія про страны далекія и времена стародавнія. Повествованія сказочный и шуточный. Велічаніе и славленіе. — Бахари. Домра- чеи.—«Песни царскія».	27
бб. Игроки непрофессиональные. Дружинники. Добрыня Ни- китичъ. Ставръ Годиновичъ. Соловей Будиміровичъ. Садко. Разные игроки-любители.	54
г. Веселая игра.—Плясовая игра	64
д. Скоморохи—плясуны.	75
е. Увеселяютъ народную толпу.	
аа. Играютъ на улицахъ и площадяхъ городовъ и сель, на кладбищахъ и поляхъ>.	78
бб. Перераживаютеи: Москолудство. — Окрутники. — Скоморохи и русалы.	83
ив. Скоморохи — глумцы и смихотворцы. — Позоры.— «Пещ- ное действо» и «Халдеи». — Скоморохи-кукольники. Ку- кольный ящикъ. Вертеиъ (Ясли). Раёкъ.— Шуты (дура- ки). Ерема и Замазка, бома и Ерема	91
гг. Скоморохи и вожаки медведей и другихъ ученыхъ зве- рей.—Плясуны на каната.	118
ж. Скоморохи—кудесники, знахари.	129
Гл. 3. Скоморохи — люди йрохожіе, гольши, пьяницы. — Скоморохъ побѣждаетъ жида-философа. — Скоморохи — проказники, воры, грабители. (Волочевники. Колядовщики.)	133
Гл. 4. Скоморохи оседлые.	149
Гл. 5. Награжденіе скомороховъ и презрѣніе къ нимъ, какъ къ слугамъ антихристовымъ.	
а. Щедрія награды.—Плата гудочная (мзда).	156
б. Сиоморощество во слушеній дьявола.	159
аа. Игра и музыкальные инструменты.	160
бб. Пляски и песни.	162
вв. Переражванія.	164
гг. Глумы, медвежья комедія и проч..	165
в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ cstrt	166
г. Презрѣніе къ сноморохамъ.	167
Гл. 6. Конецъ скоморохамъ.	174

ЗАМЕЧЕННЫЙ ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано'</i>	<i>Слдууеть читать:</i>
Страница 17	строка 3 снизу: XII.	VII.
61	» 3 сверху: «веселой»	«великой»
77	» 1 1 > Москв®	Новгород*
89	» 4 54	93
91	> 2 » «Русали»	«Русали
129	» 10 снизу; дд. Споморохп--кудес- ника, знахари.	ш. Скоморохи—кудес- ники, знахари,
136	> 13 » напавать	попавать
141	» .. 13 > въ подполье	въ подПОЛЬ®
178	> 2 > дихъ	нихъ
181	» 5 сверху: своим	своими
182	> 10 снизу: «кабылками»	кабылками
187	» 7 сверху: Арбатской	Ирбитской

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представителями светской музыки в Россіи съ древн-Мшихъ время, въ теченіи многихъ столітій, служили искусники или поташники, издавна носившіе названіе скомороховъ. Весь продолжительный періодъ исторіи светской музыки въ Россіи съ XI вѣка (раньше этого времени мы не имѣемъ нисъменныхъ свидѣтельствъ о музыкантахъ и пѣвца-хъ русскихъ) до середины XVII столѣтія можетъ, по справедливости, быть названъ эпохою скомороховъ.

Скоморошество—явленіе, общее всѣмъевропейскимъ народамъ въ средніе вѣка; скоморохи—преемники греко-римскихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ, подвизавшихся частью на сценѣ; или просценіумі театра, частью на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ питейныхъ домахъ. Откуда бы ни пришло въ Россію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Византіи) или съ запада,—но уже въ XI вѣсѣ оно оказывается привитымъ и укоренившимся въ обиходѣ народной жизни русской; съ этой поры оно можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе, на русской почвѣ вполне акклиматизовавшееся и принявшее здѣсь самостоятельное развитіе, сообразное съ местными условіями и характеромъ русскаго народа. Скоморохи—древншіе представители народнаго эпоса, народнаго сценнаго, народнаго музыкальнаго искусства.—Располагая въ хронологическомъ порядкѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о скоморохахъ, мы можемъ проследить и постепенное обогащеніе состава находившихся въ распоряженіи ихъ музыкальныхъ орудій. Къ первоначальному, древнейшему инструменту скомороховъ—гуслиамъ, о которыхъ почти исключительно упоминается въ русскихъ бы-

линахъ Владимірова цикла и преимущественно—въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, сперва присоединяются трубы, бубны, сошбли, ПОНіе—сурны, домры, волынки или дуды, гудки (смыки), лиры, органы, свирели и т. п. инструменты. Предоставляя себѣ въ особой статьѣ рассмотреть эти музыкальныя орудія, обращаюсь теперь къ носителямъ и представителямъ ихъ—«гудцамъ» или «игрецамъ» скоморохамъ; постараюсь наследовать, въ чемъ именно заключалось искусство скомороховъ, рассмотреть характеръ ихъ, разносторонность поташной ихъ деятельности, отношеніе къ нимъ народа, наконецъ—гибель и замѣщеніе ихъ иными представителями музыкальнаго искусства.

Г л а в а п е р в а я .

Скоморохи—„веселые люди“.

Музыкальные искусники—скоморохи, соответственно потешной ихъ деятельности, на народномъ языке, какъ въ песняхъ, такъ и въ исторически.\ъ памятникахъ, нередко именуются «веселыми людьми», «веселымимолодцами». Въ былине о госте Теретьище описываются

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вежливые,
Скоморохи очетливые.

Теретьева жена, завидевъ ихъ изъ окошечка, заводитъ съ ними речь:

«А и вы гой еси, веселые молодцы!»

и вследъ за темъ приглашаетъ войти къ себе въ домъ:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую грядню»... ')

Въ былине о Ставре Годиновиче, Ставрова жена срращиваетъ князя Владѣмира:

Чмъ ты, Владѣмѣрь князь, въ Кіевѣ потішаешся?
Есть ли у тебя веселые молодцы? 2)

Въ другой песне изображается толпа «веселыхъ», т. е. скомороховъ, съ музыкальными инструментами своими расхаживающихъ по улицамъ:

') Кирша Ддниловъ. Древнійя російсвія стійтворенія. 1878 г. Стр. 10, 12, 13.
-) Тамг же: стр. 91.

Веселые по улицам похаживають,
Гудки и вошьши поиативають,...

и далі;е:

Веселые-то ребята злы, догадливы...

Еще въ одной ПЗСНІЗ:

Какъ шли прошли веселые
Два молодца удалые,
Они сръзали по пруточку,
Они сделали по гудочку...²⁾

Въ вариантѣ этой піснѣ вмѣсто «веселые» поется «ско-
морохи»:

Узкъ какъ шли прошли скоморохи,
Сръзали по пруточку и т. д.³⁾

Въ другихъ п'бсняхъ встр'бчаемъ соединеніе обоихъ на
званій: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли скоморохи, прошли молодые.
Молодые веселые...⁴⁾

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрыні; Ники-
тиче, читаемъ:

Обрядился Добрыня скоморошкою веселою...

и далее:

Заиграль тутъ скоморошка да веселая
А во ть ли звонцаты гусли.⁵⁾

По словамъ народной п'бсни:

Сватался на Дунюшкъ веселый скоморохъ.⁶⁾

Въ заключительной прип'бвкѣ къ былид; о Михаиле
Скопшій встречается стихъ:

Еще намъ веселымъ молодцамъ (т. е. скоморохамъ) на потіишень."j

¹⁾ Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. 1841—1849 г. I. ш. стр. 221

²⁾ Тамъ же: I. ш. 87.

³⁾ Шейнъ. Русскія народныя п'бсни. 1870. I. Стр. 218.

⁴⁾ Б'бляевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Москов. Общества асторі и
древностей. 1854 г. Стр. 73.— Ср. выше стр. 3: «веселые скоморохи».

⁵⁾ Гильфердингъ. Онежскія былины. 1873 г. Стр. 1324.

⁶⁾ Якушкинъ. Народныя русскія п'бсни. 1865 г. Стр. 191.

⁷⁾ К. Даналивъ. Древ. росе. стих. 193.

Во второй Новгородской летописи подь 1571 годомъ читаемъ, между прочимъ: «вѣз поры въ Новгороде, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали веселыхъ людейм..., а вследъ за тѣмъ говорится, что «поехали изъ Новгорода на подводахъ, къ Москве. Субота (дьякъ) и съ скоморохами», т. е. съ набранными для Государевой потехи «веселыми людьми»¹. Въ любопытной челобитной, поданной царю Михаилу (Федоровичу крестьянами села Ширинги Ярославской губ., въ 1625 году, на помещика, князя Артемія Шейдякова, обвиняемаго ими въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, между прочимъ говорится, что онъ «веселыхъ (т. е. скомороховъ) держалъ у себя для потехи безрестанно»²). Наконецъ въ одной старинной рукописи читаемъ о пошине (годовщине), взятой въ 1656 году съ «веселыхъ гулящихъ людей», т. е. со скомороховъ³).

¹) Полное Собрание Русскихъ Летописей. III, стр. 167.

²) Он. у Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. IX (1866 г.), стр. 429—430.

³) Известія Императорскаго Археологическаго Общества. VI, стр. 67.

Искусство скомороховъ.

а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.

Въ чемъ же заключалась доставлявшаяся скоморохами народу утѣха? Ответъ на этотъ вопросъ даютъ многочисленные историческіе памятники, народныя песни и поговорки, а также наши былины, въ которыхъ скоморохи являются въ большинстве случаевъ еще въ древнемъ своемъ образѣ, въ видѣ гусельниковъ. Последніе играютъ на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (- - яворовыхъ) гусяхъ и поютъ песни, а иногда и пляшутъ для развлечения слушателей; по одиночке или толпами, облачаясь въ особое «скоморошьѣ платье»¹⁾, они носещаютъ пиры, княжескіе или частныя, и народныя праздники, присутствуютъ на свадьбахъ, всюду внося удовольствіе и веселье.

Терентьева жена, въ упомянутой выше (стр. 3) былинѣ, приглашая скомороховъ къ себѣ въ гридню, обращается

¹⁾ Лѣтописецъ Іереевль-Суздальскій (XIII в.) сравниваетъ одианіе Латинъ съ платьемъ скоморошескимъ: «начаша прпетрати еобі кошули, а не срацици, и межійножіе показывати п кротополие ноенити, и аки гворъ (— мѣшокъ) въ ноговици створше образъ килы имуще и не стыдящеса отгнуд, аки скомраси». Изъ этого заключаютъ, что скоморохи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили особое, короткое платье и узкіе штаны съ нашивкою на межиножи. Сходный въ обихѣ чертахъ костюмъ представляютъ скоморохи игрецы и плясуны на древней фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора (см. ниже, стр. 10). (Ср. Бѣляевъ. О екоморохахъ. 80). О скоморошескомъ платьѣ упоминается въ былинѣ о Добрынь Никитичъ!; въ новости о пляшущемъ бісі (XVI в.), въ грамотѣ царя Алексея Михайловича (1648 г.г. и др. (см. ниже); пзобраяснія екомороховъ и плясуновъ въ шутовскихъ костюмахъ встречаются на русскихъ народныхъ картинкахъ (см. у Ровинскаго. Русскія народныя картинки. 1881 г. №№ 102, 103 и др.).

къ нимъ съ просьбой, «СІСТЬ на лавочки, цриграть во гу-
сельцы и прон'Бть пісенку», и «веселые скоморохи»

Садился на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Зап'бли они п'сенку...

Такимъ яге гусельникомъ, призываемымъ въ дома для
утіхй слушателей, былъ первоначально и герой былинь,
Садко, сдѣлавшійся потомъ богатымъ гостемъ (купцомъ);
сперва Садко не имѣлъ другаго имущества, кром'Б гуслей,
съ которыми и ходилъ по пирамъ; когда же его не звали
на пиръ, онъ скучалъ безъ д'кта:

А прежде у Садкѣ имущества не было:
Одни были гусли яровчаты.
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкѣ.
Садкѣ день не зовуть на почестень пиръ,
Другой не зовуть на почестень пиръ,
И третій не зовуть на почестень пиръ,
Потомъ Садкѣ соскучился

Садкѣ отправляется къ Ильмену-озеру, играетъ на его
берегу и приводитъ въ восторгъ морскаго царя, который
об'бщаетъ ему счастье и богатство. Какъ вернулся Садкѣ
отъ Ильменя-озера,

Позвали Садкѣ на почестень пиръ. ')

Имеются разныя свидетельства о зазываній скоморо-
ховъ въ дома. Такъ въ поученій Грнгорія Черноризца
(XIII в.) предписывается не вводить въ домъ скомороховъ:
«скомороха, ... и гудьця и свирця н'Б уведи у домъ
свой глума ради»²⁾). Въ слові о русаліяхъ, приписывае-
момъ Нифонту, говорится о мужі, который, завидзвъ изъ
палаты своей толпу пляшущихъ вокругъ пляшущаго же
соп'Бльника (скомороха), останавливаетъ ихъ и велитъ
играть, плясать и п'Гть передъ собой³⁾). «Кто ихъ
(скомороховъ) пустить на дворъ добровольно, и они

¹⁾ Рыбников*. П'снй. 1861 г. т. стр. 370, 371.—Ср. Гильфердингъ. Онеж.
был. 384.

²⁾ Орезневскій. Св'д'шя и зам'тки о малоизвестных* и неизв'стныхъ памят-
никах!. 1867. Гл. VII, стр. 56.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, изд. нодъ редакц. Костомарова.
1860 -1862. I, стр. '207.

туть играютъ», говорится въ уставной грамоте бобровыхъ деревень крестьянамъ (1509 г.) Ч. «Въ домъ свой, къ жене и къ дбтемъ приводили скомрахи, плясци, сквернословиин», читаемъ въ одномъ изъ словъ митрополита Данійла(ХУІ в.)³⁾. Въ царской грамоте 1648г. приказывается, чтобы скомороховъ съ домрами и съ гуслими и съ волынками и со всякими играми «въ домъ къ себе не призывали»⁴⁾. «Буде учнуть... мірскіе люди техъ скомороховъ(съгуслими, домрами, сурнамии волынками) и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медведьми въ домысвоапускати». читаемъ въ памяти митрополита Тоны (1657 г.)⁴⁾.

Въ одной изъ былинъ о Добрыне, последній является на пирь, наряженный скоморохомъ:

Накрутился молодець скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестень пирь.

Его приветствуюсь Владѣмѣрь князь и Опраксія королевична и упрекають, что онъ раньше не заходилъ, а напрасно проживался:

Ат же ты, дѣтина прѣзжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешь,
Пробдаешь, пропиваешь,
Нейдешъ къ намъ па почестень пирь.⁵⁾

Въ той же былинѣ, въ разныхъ ея пересказахъ, упоминается и о целой толпѣ «гусельниковъ», «игроковъ», «гудочниковъ», или «скомороховъ», присутствующихъ на пиру. Добрыня проситъ князя, дать ему—гусельнику—местечко; на это князь отвечаетъ, что все места заняты гусельщиками:

Еще всѣ мѣста да попрязаны
У молодыхъ да у гусельщиковъ.

¹⁾ Акты историческоя, собранные и изданные археографическою коммиссіею 1841 — 1842. I, № 150.

²⁾ Беляевъ. О екоморохахъ. 78.

³⁾ Икановъ. Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. Стр. 298.

⁴⁾ Акты, собранные и изданные археографическою коммиссіею. 1836 IT Д' 98

⁵⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143.
Гильфердингъ. Онежск. был. 1029.

Какъ заигралъ Добрыня «въ гуселышки яровчаты» и запѣлъ песню,

На пиру игроки всі приумолкнууй,
Всѣт скоморохи приослушайсь. ¹⁾

Или:

Еще вси то скоморохи приумолкнууй,
Еще вси то игроки то приаслухались. ²⁾

Въ другомъ пересказ-]; Добрыня застаеть на пиру толпу «гудосьниковъ»:

Вси въ гудки играютъ, вси увеселяють. ³⁾

Въ былинѣ о Ставрѣ Годпновиче, во время пира, который князь Владѣмѣръ устроилъ въ честь мнимаго посла,

Собрали веселыхъ молодцовъ яа княженецкой дворъ

или, по другому пересказу: «выпускають загуселыциковъ», которые «все играютъ» ⁵⁾.

Древнейшее историческое свидѣтельство о присутствіи и йтрф гусельниковъ на княжескихъ пирахъ представляютъ Несторовы слова о Святополке (подъ 1015 г.): «лютѣ бо граду тому и земли той, въ немъ же князь гонъ, любяй вино пити съ гуслми», восклицаетъ лѣтописецъ ⁶⁾. Въ жип'ип преп. веодосія, игумена Печерскаго, читаемъ, что однажды веодосій пришелъ къ великому князю Свято-славу Ярославовичу (въ XI вѣкѣ;) и увидѣлъ въ палате, где находился князь, «многихъ играющихъ передъ нимъ: овыхъ гуслныя гласы испускающихъ, иныхъ органичныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикійскія (по другимъ снискамъ: «замърныя»), и тако всехъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Блаженный поникъ головой и потомъ сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свете?» Князь, умилившись словами Оеодосія и немного прослезившись, приказалъ играющимъ прекратить

¹⁾ Рыбнвковъ. Песн.: I, 166.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 498.—«Игроки п іскоморохп»—донвтія тождественныя: Добрыня самъ называется княземъ то «скоморошиной», то «игрокомъ»,

³⁾ Кйреевскій. Песни. 1860—1870. Вып. II, стр. 13.

⁴⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

⁵⁾ Рыбниковъ. песни. II, 110.

⁶⁾ Поли. собр. русс. лет. IX, 74.

игру. Съ того времени, когда играли передъ княземъ, и князь слышалъ о приходе веодосія, онъ ириказывалъ прекращать игру ¹⁾). Изъ этого разсказа убеждаемся, что при Святославе игра, т. е. музыка и пеніе ²⁾, была въ обычае при княжескомъ дворе и, разумеется, сопровождала княжескіе пиры.—Такой же обычай существовалъ въ старину и при сербскомъ царскомъ дворе: «егда же бо и на трапезе предъседеше, тумъпани и гусльми *то обичай* самодержцемъ благородныхъ веселяще», читаемъ въ жйтій св. Саввы: речь идетъ о дворе перваго царя сербскаго, Стефана (1195 — 1228) ³⁾. Подходящей иллюстраціей къ разсказу Нестора можетъ служить старинная фреска Софійскаго Собора въ Кіеве, относимая къ 1073 г.: здесь изображены игроки на флейте, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ и гитаровидномъ инструментахъ, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтщикъ и тарелочникъ изображены, кроме того, пляшущими ⁴⁾. Придворная обстановка требовала, конечно, возможнаго блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно какъ и музыканты-плясуны и потешники, изображенные на фреске Софійскаго собора, и сербскіе придворные игрецы на тимпанахъ и гусляхъ вероятно заимствованы были отъ византійскаго двора ⁵⁾.

¹⁾ Нечерскій Патерикъ. 1806 г. Стр. 55.

²⁾ Подъ словои игра слѣдуетъ понимать не одну игру на инструменте, но и тесно связывавшееся съ нею въ старину пѣаніе,—такъ въ былинахъ обыкновенно понимается игра скомороховъ; известно также народное выраженіе «песни играть». Ср. Терещенко. Бытъ русскаго народа. 1848 г. II, 146.—Аванасъевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

³⁾ См. у Kuliac. Opis i poviest narodnicli glasbala jugosloyjena (оттискъ изъ кн. XXXIII журнала: Rad jugoslav. akad.). Str. 50.

⁴⁾ Закревскій. Описаніе Кіева. 1868 г. Табл. XII.

⁵⁾ Считаю нелишнимъ, вслѣдствіе того, привести описаніе торжественной царской трапезы въ Византіи, устроенной въ честь русской княгини Ольги. Въ время обѣда, кроме двухъ хоровъ соборныхъ пѣвчихъ, воспевавшихъ гимны въ честь императорской фамиліи, разыгрывались разныя представленія, состоявшая изъ плясокъ и другихъ нгръ. Это происходило такимъ образомъ; какъ только царь и все прочіе сядили за столъ, въ палату вступали дружины актеровъ и танцовщиковъ со своими распорядителями. Дѣйствіе открывалось хвалебнымъ въ честь императора гимномъ. После эт.іі пѣснїи префекта, дворецкїи, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на подобіе лучей, то сжимая ихъ. Начинаясь пляска и трійяды обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отделенію стола, где и становились въ своемъ порядкѣ. Тогда певцы оъ хоромъ пѣли духовную песню съ провозглашешемъ многолѣтїя особамъ царскаго дома. Съ такими песнями и представленїями продолжалась церемонїа столоваго кушанья до конца. Каждая перемена кушанья сопровождалась новою пляскою или новою песнью. (Забелинъ. Исторїя русской жизни съ древнейшихъ временъ.

Картину пировъ князей Шевскихъ,—пировъ, на которыхъ собиралась и потешалась княжеская дружина, рисуютъ наши былины, относя эти пиры постоянно къ великому князю Владѣмиру:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Осударя Князя Владѣмира,
Было пированье, нечестной пирь,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Вудеть день въ половина дня,
Вудеть пирь во полу пирь;—
Князи и бояре пьютъ, Бдятъ, потѣшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются ¹⁾.

На такихъ пирахъ Владиміръ, по словамъ былинь, обращается къ дружине, поручая дружинникамъ найти ему невесту, или самъ заботится о сватовстве своихъ дружинниковъ; здесь вызываетъ князь охотниковъ «вырубить Чудь белоглазую» и другіе враждебные народы; держитъ советы съ дружинниками («Гой еси, Илья Муромецъ, говорить Владѣмиръ, пособи мне думушку подумати, здать ли мне, не здать ли Кіевъ градъ...»), или: «Какъ во славномъ было городе Кіеве, у ласкова князя Владѣмира, собирались князья и бояре, сильные могучіе богатыри, собирались думушку думати»); поручаетъ дружинникамъ «настрелять гусей, белыхъ лебедей, малыхъ уточекъ» къ своему «столу княженецкому»; съ дружиной князь забавляется охотой, борьбой, стрельбой въ цель, ристашемъ²⁾; здесь же, на княжескихъ пирахъ, раздается игра скомороховъ-гуслинниковъ. Разказы былинь о дворе и пирахъ Владиміровыхъ въобщихъ чертахъ совпадаютъ съ историческими

1879 г. П, стр. 197—198).—Плясна, разумеется, происходила подъ звуки инструментальной музыки. Что же касается музыкантовъ византийскихъ, то имеемъ язь-!; стѣ, что въ числѣ ихъ, во времена императора Константина Порфиророднаго (въ X в.), были Славяне: «въ день народныхъ игръ — писалъ Константин!—долженъ былъ чиностроитель каждого наряжать къ своему делу и приказать Славянамъ, которые употреблялись про инструментальной музыке, чтобы, оставивъ входы, пошли па оеатр». (Штриггеръ. Известія византийскихъ историковъ. 1770 г. I, стр. 120).

¹⁾ П. Даниловъ. Древ. росс. стих. 85; ср. 36 и др.

²⁾ Тамъ-же: 36 и сл., 58 и сл., 88 и сл., 93 и сл., 133, 141, 147, 148, 155, 168.

свидетельствами. ВъНесторовой летописи читаемъ: «Сенсе паки творяше (Владѣмѣрь) людемъ своимъ по вся неделя (т. е. каждую неделю): уставы на дворе въ гридьнице пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцкимъ, и десятицкымъ, инарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ зверины, бѣше по изобилыю отъ всего (ср. выше: «пированье и столованье на многи князи и бояре, Могуние богатыри и гости богатые»)... Бе бо Владюпръ любя друягину и съ ними думая о строе земельномъ, и о ратехъ, и уставе земленемъ»¹⁾. (Ср. выше въ былинахъ слова Владѣмѣровы къ Илье Муромцу: «пособи мне думушку думати» или: «собирались думушку думати»; ср. также вызовы Владѣмѣровы къ дружинникамъ ополчаться противъ враговъ). Дружину любили и роскошно угощали и тешили также и другіе князья. Такъ напр. Мстиславъ, по словамъ летописца (подъ 1038 г.), «любяше дружину повелику, имения не щадяше ни питья, ни яденья браняше»²⁾. Въ летонисяхъ же находимъ йзвестія о томъ, что князья русскіе, въ особенности южные, любили сами ходить на охоту со своими стольниками, ловчими, псарями, или посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать зверя и птицу³⁾. (Ср. въ былинахъ порученіе княземъ дружинникамъ «настрелять гусей» и другихъ птицъ къ «столу княженецкому»), Княжескіе пиры сопровождались конскимъ рйстаніемъ и другими забавами: «Изяславъ—по словамъ летописца (подъ 1150г.)—обедавъ съ ними (съ братією, съ Уграми и Кіянамі) на велицемъ дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи; тогда же Угре на фарехъ и скокахъ играхуть» (т. е. упряшались въ скачке на коняхъ), на удйвленіе Кдянама⁴⁾. (Ср. слова былинъ о пирующихъ за княжескимъ столомъ богатыряхъ и дружинникахъ: «пьютъ, едятъ, потешаются».) Къ числу княжескихъ забавъ во время иировъ

¹⁾ Полн. собр. русс. л4т. I, 54.

²⁾ Тамъ-же: I, 65.—Ср. у Майкова. О былинахъ Владѣмѣрова цикла. Стр. 23 и сл. (прил.),—сблйжевіе лѣтописныхъ указаній съ упоминаніями въ былинахъ о Владѣмѣрі, Добрыні, Алеші Поповичъ, Ставрѣ.

³⁾ См. у Соловьева. Истор. Росс. 1У, 188.

⁴⁾ Полн. собр. русс. л4т. II, 50.

принадлежала и игра гусельниковъ (по выражению былинъ: «загусельщиковъ», «игроковъ», «скомороховъ»), подтвержденная неопровержимо словами летописца, что былъ обычай передъ княземъ играть на гусяхъ и другихъ музыкальныхъ орудіяхъ, въ свою очередь иллюстрированными упомянутою выше древней фреской Киевско-Софійскаго собора. Сюда же следуетъ отнести пзвістіе, сообщаемое летописцемъ (подъ 1135 г.), о томъ, что князь Вееволодъ Мстиславичъ Новгородскій «възлюбилъ играти и утїшатъся» '). Все вышеприведенныя черты, которыми обрисованы въ былинахъ пиры Владїміровы (т. е. вообще пиры шевскихъ князей) и отношенія князя къ богатырямъ-друзьямъ, въ основе своей подтверждаются, какъ мы вїдїли, историческими свидетельствами, а следовательно заключаютъ въ себе верныя, согласныя съ истиной преданія изъ далекой старины; къ числу последнихъ принадлежатъ и заключающіяся въ былинахъ сведенія объ украшавшихъ и оживлявшихъ княжескіе пиры своей игрой скоморохахъ-гусельникахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнейшему изложенію старинныхъ свидетельствъ о скоморохахъ и доставлявшихъ ими утехъ, необходимо замѣтить, что большинство свидетельствъ не только средневековыхъ, но и позднейшихъ, проникнуто духомъ нетерпимости къ музыкальнымъ и инымъ «скарднымъ», «бесовскимъ», «богомерзкимъ», по выраженію современныхъ писателей, увеселеніямъ, душою которыхъ были скоморохи. Старинныя русскіе писатели въ своихъ поученіяхъ повторяли изъ века въ векъ, иногда даже съ буквальною точностью, заимствованный ими изъ Вїзантїи, раздававшійся тамъ съ первыхъ вековъ хрїстіанства порицанія и запрещенія музыки, пенія, плясокъ, переряжїванія въ комїческія, сатїрскія или трагическія лица, конныхъ рїстаній и иныхъ народныхъ увеселеній, въ Вїзантїи тесно связывавшихся съ языческими преданіями, съ языческими культурами. Вїзантїйскіе взгляды переносились нашими духовными писателями на русскія обстоятельства, лишь некоторый выраженія вїзантїйскихъ подлинниковъ иногда переименовывались, пропуска-

лись или пополнялись, соответственно условиям русской жизни, изъ чего видно, что духовные наставники русские, не смотря на заимствования изъ византійской литературы, имели въ виду действительный обстоятельства, и что поученія ихъ имели действительное отношеніе къ русской народной жизни.

XI вѣкъ (наРуси)—замечаетъ г. Забелинъ—жилъ еще полною силою народнаго творчества и мало сознавалъ, что вещая песня баяна (т. е. певца-гусельника) есть бесовское угодіе, есть идольская служба. На это указываетъ даже и самое посещеніе ШЯзя Святослава преподобнымъ инокомъ (веодосіемъ) во время веселаго песнотворства, которое было остановлено... лишь изъ особой любви къ нему и продолжалось по обычаю въ его отсутствій. Жившій въ томъ же веке, послевеодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый книгамъ и ученю, точно такъ же въ своихъ наставленіяхъ не мнитъ нарушать обычая мірскаго устава и запрещаетъ только мнхамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, где начиналось йграніе, плясаніе, гуденіе... Но то, что въ начале предписывалось только иноческому и іерейскому чину, въ последствій стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина¹⁾. «Іерейскому чину повелевають святій отци благообразно и съ благословеніемъ прійматй предълежащая», говоритъ митрополитъ Іоаннъ; «йграніе и плясаніе и гуденіе входящую въстати всемъ, да не осквърнятъ имъ чювьсва видѣніемъ и слышаніемъ, по очкому повеленію или отинудъ отметатися техъ нировъ, или въ то время отходить, аще деть соблазнъ великъ и вражда несмерена...». Далее говорится, что не возбраняется духовнымъ лицамъ обедать съ мірянама, «кроменацннанія йгранія й бесовскаго пенья и блуднаго глумленія»²⁾. Свидетельство

¹⁾ Домашні бытъ русскихъ царицъ въ XVI в XVII стол. 1872 г. Стр. 409—410.

²⁾ Русскія достопамятности. Изд. Ими. общества исторіи и древн. 1815—1844 г. I, стр. 95, 98.—«Аще кто клирикъ на брака звань будетъ, егда прелестныя (=64-совскія игры) и введутся, да востанетъ и абіе да отходить... Яко не подобаетъ священникомъ и клирикомъ нѣкихъ вѣдиній позоровати на брацьхъ и на вечеряхъ' во прежде входа игрецовъ встати имъ и отходить», говоритъ митрополитъ Даніилъ (1522—1539 г.), цитируя прав. 20-е и 80-е Трульскаго собора (691—692 г.). (Нам. стар. рус. лит. IV, 202). Первообразъ этого постановленія находимъ въ прав. 54-мъ Лаодокійскаго (364 г.) собора: «не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ зрѣти по-

это доказываете, что на пирахъ въ то время происходили йграніе (и҃сень), плясаніе и гуденіе; действующими лицами были конечно скоморохи-игрецы и -плясуны. Кирилль Туровскій (XII в.) порицаеть «плясаніе еже на пиру, на свадьбахъ и въ павечерницахъ»¹⁾; Кирилль митрополитъ Кіевскій (1243—1250) въ числе мытарствъ между прочимъ, называетъ: «плясаніе въ пирахъ... и басни бающе сопели сатанійскія»²⁾. Плясаніе, разумеется, происходившее подъ звуки инструментальной музыки, въ последнемъ случае, можетъ быть, сопровождалось тутъ ясе названными сопелями. Въ слове Христолюбца (по рукоп. XV в.) называются игры бесовскія на пирахъ (и свадьбахъ), игры же эти суть: плясьба, гудьба, песни, сопели, бубны³⁾. По словамъ «устава людемъ о велицемъ посте» (изъ Дубенскаго сборника правилъ и поученій XVI в.), «грехъ есть... пиръ сотворити съ плясаніемъ и сміхомъ въ ностныя дни»⁴⁾. Въ Домострое (XVI в.) говорится о трапезе, сопровождаемой звуками музыки, пляской и глумленіемъ: «и аще начнуть... смехотвореніе и всякое глумленіе или гусли, и всякое гуденіе, и плясаніе и плесканіе и всякія игры бесовскія, тогда якожь дымъ отгонитъ пчелы, такожь отыдутъ ангели божія отъ тоя трапезы и смрадныя бесы предстануть»⁶⁾. О пированій Іоанна Грознаго со скоморохами говоритъ князь Курбскій: «упившись началъ (царь Іоаннь) со скоморохами въ машкарахъ (=личинахъ) плясать и суіціе пируго-Щіе съ нимъ»⁸⁾. Въ XVII столетій скомороховъ во время

зорищныя представленія на бракахъ или на пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ (т.е. комедіантовъ в нузыкантовъ) вставати имъ и отходити, (См. Книга иравиль Св. Апостоль).

¹⁾ Памятники російской словесности XII вѣка, изд. Калайѳовичемъ. 1821 г. Стр. 94.

²⁾ Филаретъ. Обзоръ духовной литературы. 1884 г. Стр. 59.

³⁾ Тихонравовъ. Лѣтопись русской литературы и древностей. VI. ш, 94.—Ср. тамъ-же: 90.

⁴⁾ Срезневскій. Свѣд. и замѣт. LVII, 312.

⁵⁾ Домострой. 1867 г. Гл. 15, стр. 38.—Подходящей иллюстраціей къ этому тексту можетъ служить старинная народная картинка, содержание которой видно изъ следующихъ словъ сопровождающей ее надписи: «Сія трапеза неблагодарныхъ людей л празнословцевъ; кашуниковъ (кошунниками называются нередко скоморохи, см. ниже), скверни голющихъ словъ съ б4совскпхъ... ангель Господень отврати лице свое, отъиде стоя плачетъ, видитъ бісы съ ними...» (Ровпнскій. Гусскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи художествъ. 1870 г. Стр. 139).

⁶⁾ Сказанія. 1868 г. Стр. 81.

пировъ царскихъ и знатныхъ особъ стали вытеснять хоры духовой (и ударной) музыки, состоявшіе изъ трубъ, сурнь, накровъ, бубновъ, набатовъ и т. п. Пиръ у Никиты Ивановича Романова-Юрьева, шурина Иоанна Грознаго, по словамъ былины, оглашался звуками трубъ и барабановъ:

А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны быють по воинскому ¹⁾.

Описаніе это возникло вероятно въ позднейшее время, подъ впечатліишемъ какъ царскихъ, такъ и частныхъ пировъ и празднествъ ХТІІ века. Объ игрѣ въ сурны, трубы и накры во время празднованія свадьбы царя Михаила ведоровича см. ниже (стр. 22). Царь АлексМ Михайловичъ въ 1674 г., по случаю торжественнаго объявленія Оедора Алексеевича наслѣдникомъ престола и рожденія царевны веодоры, задалъ большой пиръ: «а после кушанья изволили великій государь себя тешить всякими игры — читаемъ въ Дворцовыхъ разрядахъ: и его, великаго государя тешили и въ органы играли, а игралъ въ органы немчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били во все» ²⁾.

Впрочемъ, объ игре скомороховъ на пирахъ, въ особенности частныхъ лицъ, и въ ХУІІ столетіи имѣемъ разный свидетельства. Маскевичъ въ Дневнике своемъ (подъ 1611г.) пишетъ, что на московскихъ вечеринкахъ появляются шуты («блазни»), которые тешатъ присутствующихъ русскими плясками, кривляніемъ и песнями, большею частью весьма безстыдными; иногда же приказываютъ играть на лирахъ, подъ звуки которыхъ играющие припеваютъ ³⁾. «Въ домахъ, особенно во время своихъ пиршествъ, Русскіе любятъ музыку», писалъ Олеарій, посетившій Россію въ 30-хъ годахъ ХУІІ столетія. Тотъ же авторъ упоминаетъ о двухъ русскихъ музыкантахъ-певцахъ-плясунахъ, т. е. скоморохахъ, которые забавляли своимъ искусствомъ прибывшихъ въ Ладогу пословъ

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 230—23).

²⁾ Дворцовые разряды. 1850—1854 г. Ш, стр. 1081.

³⁾ Сказанія современниковъ о Дмитрія Самозванце. 1831 г. V, стр. 61.

за ихъ обѣдомъ¹⁾. Пирѣ у москвичей, по свидѣтельству Лизека, описавшаго посольство отъ римскаго императора Леопольда къ царю Алексею Михайловичу (1675 г.), оглашались звуками органа (*organum pneumaticum*) съ двумя регистрами²⁾. Въ повести о прекрасномъ Девгеніи (по рукоп. XVIII в.) читаемъ: «Девгеній... нача веселитися во всю ночь (т. е. пировать) и повелеша лтодямъ своимъ (т. е. игрецамъ) въ тимпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сій речъ трубить, и въ гусли играти». Въ «притче о старомъ муже и молодой девице» (XVII в.) старику влагаются въ уста следующія слова, обращаемыя имъ къ молодой девице, за которую онъ неуспешно сватается: «и сотворю тебе пиръ великій, и на пиру велю всякую потеху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску»³⁾. Въ Третьей, по рукописи библіотекъ проф. Тихонравова, встречается такой вопросъ священника на исповеди: «сотворилъ еси пиръ съ смехотворешемъ и плясашемъ?»⁴⁾. Изъ всехъ послѣднихъ свидѣтельствъ, относящихся до XVII вѣка, ясно видно деятельное въ увеселеніи и потешеніи пирующихъ гостей участіе скомороховъ: гусельниковъ, трубниковъ, сурначеевъ, органниковъ, лирниковъ, песенниковъ, плясунуновъ. На лубочныхъ картинкахъ встречаемъ изображение пировъ, на которыхъ присутствуютъ певецъ или певцы, гитаристъ, балалаечникъ и т. п.⁵⁾.

б. Участвуютъ въ евадебныхъ торжеетвахъ

Какъ пирѣ вообще украшались и оживлялись присутствіемъ скомороховъ-игроковъ и певцовъ, такъ въ особен-

¹⁾ Подробное описаніе путешествія въ Московію. Перев. Барсова. 1870 г. Стр. 26, 209.

²⁾ Lyseck. Relatio eorum quae circa Sac. Caes. Maiest. ad Magu. Mosc. Czarum oblegatos... gesta sunt. 1676. Pag. 97.—Речь идетъ здѣсь вероятно о маленькомъ органе (Positiv), обыкновенно имевшемъ два регистра (Ср. Reissmann. Illustrierte fieschichte der deutschen Musik. 1881. S. 143.)

³⁾ Нам. стар. русск. лит. II, 387, 453.

⁴⁾ См. у Веселовскаго. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XII. II, стр. 197, въ Запискахъ Ими. Авадеміи Паукъ, т. XLV.

⁵⁾ РОВІЙСКІЙ. Русск. нар. карт. ЛІМ 97, 98.

ности пиры свадебные, а равно и свадебные поЗззды. Воспетый въ столькихъ пересказахъ былинь пирь, на который приходитъ Добрыня Никитичъ, одетый скоморохомъ (ср. выше стр. 8),—пирь свадебный: празднуется свадьба Алеши Поповича съ Добрыниной женой, считающей мужа своего погибшимъ. Въ былине о Садке, царь водяникъ обращается къ спустившемуся на дно морское Садку-гусельнику:

Поиграй, поиграй въ гусельшки яровчаты,
Потьшь, потешь нашъ почестень пирь:
Выдаю дочь свою любимую... ')

Следовательно пирь, на которомъ играетъ Садко въ царстве водяника, — пирь свадебный.

Въ былине о Ставре Годиновиче упоминается о свадебномъ торжестве, на которомъ не оказалось скомороха-гусельника и— певца:

Зачали играть свадебку,
Некому играть въ гусли на честномъ пиру,
Игръ играть, напъвокъ напъвать. ²⁾

Сходный мотивъ встречаемъ въ одной изъ свадебныхъ песенъ изъ Пермскаго края:

Какъ во теремъ гусяльцы лежали,
Во высокомъ ввончатя лежали.
И то некому во гусельцы играти,
Некому въ звончатя играти ³⁾.

Одна или две скрипки, или скрипка и дуда составляютъ въ Велоруссiй необходимую принадлежность всехъ брачныхъ церемонiй: оне встречаются и провожаютъ жениха и невесту, даже до самыхъ дверей церкви, и отъ нихъ до дома новобрачныхъ. Если погода хороша, то скрипачъ, сидя въ повозке позади едущихъ къ венцу или отъ венца, безпрестанно пилить смычкомъ по струнамъ, когда едутъ къ венцу— прощальныя песни, а отъ

') Рыбникова песни. И, 369.

Тамъ-же. I, 249.

) Перменiй Сборникъ. 1859—1860. I. п, стр. 55.

в'Ішда —встречныя¹⁾). Замечу, что у белоруссовъпростонародный музыкантъ-скрипачъ носить названіе: «скомороха»²⁾). По старинной белорусской поговорке не бываетъ свадьбы безъ скомороховъ: «что за веселле (свадьба) безъ скоморохи». Въ Белой Руси игрецъ-дударь имеетъ даже серьезное значеніе: онъ заменяетъ родителей у сироты-невесты. Въ Малой Руси свадебные поезды иногда отправляются въ церковь съ музыкой, песнями и даже плясками. Все это въ старину вероятно исполнялось скоморохами, на что указываютъ приводимыя мною ниже историческія свидетельства и старинныя песни. Въ Орловской губерній, передъ отправлешемъ невесты къ венцу, поютъ песню, где речь идетъ о невесте (Натальюшке), нанимающей извозчиковъ для свадебнаго поезда; непременно участникомъ поезда, приносящимъ веселье, т. е. счастье невесте, долженъ быть скоморохъ, играющій, какъ белорусскій скрипачъ —«скомороха», во время езды изъ села въ село:

А какъ бы кто-же скоморошечка да подвезъ?
Играй, играй, скоморошничекъ, въ село до села,
Ужь чтобъ была Натальюшка весела³⁾.

Варианта той же песни записанъ Варенцовымъ въ Самарскомъ Крае:

Запречь-те бы ворона коня,
Чтобы везъ,
Посадить-то бы скоморошничка,
Чтобъ игралъ:
Играй, поиграй, скоморошничекъ,
Съ села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Выла весела⁴⁾.

Имеется и целый рядъ историческихъ свидетельствъ объ участіи на свадьбахъ скомороховъ: Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, порицаетъ пляски (конечно происходя-

¹⁾ Этнографическій Сборникъ, изд. Имя. Географіи. Общ. 1853—1862. II, стр. 190.

²⁾ Сл. у Носовича. Словарь Бѣлорускаго нарѣчія. 1870. Сл.: «свонороха».

³⁾ Беляевъ. О скоморохахъ. 74 и сл.—Ср. Веселовскій. Розыскъ, въ обл. русск. ст. VII, н. 200.

⁴⁾ Варенцовъ. Сборникъ пѣсень Самарскаго края. 1862 г. Стр. 169—170.

іція подь звуки «игры») на пирахъ и на свадьбахъ
Въ упомянутомъ выше (стр. 15) Слове Христолюбца запрещается игратьяигры бесовскія», состоянія въ «плясьбе», «гуденій», «п-Бсняхъ мирскихъ», сопіляхъ и бубнахъ «въ пирахъ и на свадьбахъ»; въ другомъ місте того-же слова читаемъ: «егда^е у кого ихъ будеть бракъ и творять съ бубны и съ сопельми и съ многими чюдеса бесовьскими»²⁾. Запрещешя эти сводятся къ правилу 53-му Лаодокійскаго Собора: «Не подобаеть хриспанамъ, на браки ходящимъ, скакати и плясати, но скромно вечеряти и обедати какъ прилично христанамъ»⁸⁾. Слова этого правила неоднократно повторяются русскими духовными писателями⁴⁾, что указываетъ на прямое отношеніе заключающаяся въ нихъ запрещешя къ дМствительнымъ обстоятельствамъ русской народной жизни. Въ статье о многихъ неисправлешяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душе», приписываемой Кассіану, владыке Рязанскому, жившему въ середине XVI века, говорится между прочимъ: «свадьбы творять и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скомороховъ з дудами»⁵⁾. Въ определеніяхъ Стоглава (1551 г.) читаемъ: «Въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и гусельники и смехотворцы и бесовскіе песни поють, и какъ къ церкви венчатися поедутъ, священникъ со крестомъ будеть. а передъ нимъ со всеми теми играми бесовскими рыщутъ», и далее следуетъ запрещеше: «къ венчанію ко святымъ церквамъ скомрахомъ и глумцомъ предъ свадьбою не ходити»⁶⁾. Последнія два свидетельства въ точности совпадаютъ съ вышеприведенной песней о свадебномъ поезде съ участіемъ играющаго скомороха, а равно и съ удержавшимся еще въ Малой и Белой Руси обычаемъ, сопровождать свадебный поездъ музыкой, песнями и плясками. Олеарій свидетельствуетъ о самыхъ непристой-

¹⁾ Филаретъ. 06s. дух. лит. 59.

²⁾ Тихонравовъ. Лѣтоп. русск. лит. и древ. IV. ш. 92, 94.

³⁾ См. Кн. Прав. Св. Апост.

ПАП 'Рп^{с.)} 'ор^{с.)} евскій. Свід. и замѣт. БУП, 313. — Пап. стар, русс лит IV 202 (Поуч. митр. Даніила) и др.

⁵⁾ См. у Веселовекаго. Розыск, въ обл. русск, дух. стих. УП и 199

⁶⁾ Гл. 41, вопр. 16.

ныхъ шуткахъ (die allergrobsten Zotten), которыми оживляется поездъ въ церковь невесты, сопровождаемой хорошими друзьями и множествомъ прислуги и рабовъ. Въ одномъ изъ французскихъ описаній Московіи²⁾ въ конце XVII столѣтія говорится, что свадебный поездъ невесты въ церковь сопровождается тысячами шуточныхъ песенъ и дерзкихъ выходокъ, исполняемыхъ на улице родственниками, друзьями, слугами и рабами невесты²⁾. Пляски гостей на свадебныхъ пирахъ, также подтверждаемый историческими свидетельствами, происходили въ старину, разумеется, подъ звуки скоморошескихъ игръ и песенъ: ниже (д. «Скоморохи-плясуны») приведены старинныя свидетельства о пляскахъ и рукопескахъ, происходившихъ на свадьбахъ. Англійскій путешественникъ Chancelor, описывавшій Россію въ 1550-хъ годахъ, рассказываетъ, что на свадьбахъ русскаго простонародья, во время свадебнаго пира, играли одинъ или два музыканта, между темъ какъ двое мужчинъ, провожавшіе молодую на пути изъ церкви, пускались передъ собравшимися гостями въ продолжительную пляску³⁾. О гйстріонахъ, т. е. скоморохахъ, плясавшихъ на русскихъ свадьбахъ XVI вѣка, упоминаетъ князь Даніиль фонъ Бухау⁴⁾. По свидетельству Олеарія, на боярскихъ свадьбахъ русскихъ играла разная музыка, между прочимъ на инструменте, называемомъ псалтирь (Psaltir), также трубили въ трубы и били по барабанамъ⁵⁾. Въ царской грамоте 1648 г. читаемъ между прочимъ: «да въ городскихъ ясе и въ уездныхъ людехъ у многихъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими игры»⁶⁾. Приведенныя выше (стр. 17) слова изъ притчи о старомъ муже объ игре гусельниковъ и трубниковъ относятся вероятно до свадебнаго пира. Какъ боярскія, такъ въ особенности царскія

¹⁾ Подр. опис. путеш. въ Москов. 207.

²⁾ Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F. 1712 (первое изданіе 1698 г.) VII. р. 142.

³⁾ См. у Meiners. Vergleichung des alteren und neueren Russlands. 1798. II, S. 186.

⁴⁾ Ср. ниже: «д. скоморохи-плясуны».

⁵⁾ Подр. опис. путеш. въ Москов, 209.

⁶⁾ Пвановъ. Опис. госуд. арх. 296.-Ср. Акты астор. (арх. комм.) IV, № 35.

свадьбы до Алексея Михайловича ознаменовывались игрою на инструментах?, но уже преимущественно громких: духовых и ударных. а А какъ то веселіе (=свадьба) бываетъ—пишетъ Котошихинъ въ 1660-хъ годахъ о царскихъ свадьбахъ русскихъ—и на его царскомъ дворѣ и по сѣнямъ, играютъ въ трубки и въ суренки и бьютъ въ литавры; а на дворе чрезъ все ночи для светлости зажгутъ дрова на устроенныхъ м^астехъ-, а иныхъ игръ, и музыкъ, и танцовъ, на царскомъ веселій не бываетъ никогда». По свидетельству Котошихина, и на свадебныхъ торжествахъ бояръ и другихъ частныхъ лицъ, «въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры»¹⁾. Слова Котошихина подтверждаются свидетельствомъ Дворцовыхъ разрядовъ: музыка, именно игра въ сурны и трубы и удареніе въ накры, продолжалась со времени шествія царя въ мыльню во весь день и ночью. Таисъ было напр. на свадьбе царя Михаила бедоровича (1626 г.): «а въ то время какъ государь (Михаиль бедоровичъ) иошелъ въ мыльню, во весь день и съ (до?) вечера и въ ночи на дворце играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ»²⁾. Но этимъ не ограничивалась свадебная музыкальная потеха: тешили царя Михаила бедоровича на свадебномъ его торжестве еще играми на струнныхъ инструментахъ, а именно: гусельники (Уезда и Богдашка Власьевъ), домрачеи (Андрюшка бедоровъ и Васька Степановъ) и скрипотчики (Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка и немчинъ новокрещеный Арманка)³⁾. Царь Алексей Михайловичъ отменилъ инструментальную музыку на своей свадьбе, заместивъ ее пешемъ церковныхъ песень: «Дана прежнихъ государскихъ радостяхъ (=свадьбахъ)—читаемъ въ современномъ описаніи свадьбы Алексея Михайловича съ Марією Ильинишною Милославскою, въ 1648 г.—бывало въ то время, какъ государь поедеть въ мыленку во весь день до вечера и въ ночи во дворце играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ; а ныне великій государь царь и великій князь Алексей

Ч о Роесій нь царетвовавів Алексея Михайловича. 1859. Стр. 11, 127.

²⁾ Дворц. разр. I. (Описаніе свадьбы царя Михаила Оедоровича).

³⁾ Забѣлинъ. Дои. бытъ русск. цариць 440, 441.

Михаиловичъ всея Русій на своей государевой радости накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вместо трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, нѣтъ своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и демественные большіе стихи»¹⁾).

Воспоминаніе объ йгрѣ на инструментахъ, которою въ старину оглашались свадебныя торжества (свадебные ио'бзды и пиры), уціліло во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ русскихъ: чаще всего упоминаются въ пѣсняхъ гусли, трубы, иногда литавры, бубны, скрипки и цимбалы; напр.:

Великорусе.: Во теремъ гуели лежали,
Ай некому во гусли играти²⁾).

Выше (стр. 18) мы встретили тотъ же мотивъ въ свадебной пѣснѣ изъ Пермскаго края, сблѣтающей ся съ отвѣтствующимъ мѣстомъ изъ былины о Ставрїи Годиновїчї, гдѣ также говорится о гусяхъ на свадебномъ нрѣ; и объ отсутствїи гусельника. Въ другихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о приплывающихъ по водѣ гусяхъ, на которыхъ играетъ уже не скоморохъ, а самъ женихъ, или объ йготовленїи гуслей для невесты, напр.:

Охъ, плыли гусли, охъ, плыли гусли по синю морю.
Приплыли гусѣлушки къ круту бережку.
Охъ, приплыли звончатя къ круту бережку.
Переняль гусли, переняль гусли свѣтъ Изанъ государь,
Переняль гусли, переняль гусли свѣтъ Ивановичь.
Онъ сталъ играть, сталъ играть, во всю ночь не спать...
(Поется на дѣвшипикѣ или когда девушки катаются)³⁾).

Въ другой свадебной пѣснѣ Ивановичь бояринь

Рубиль яблонь подь корень,
Тесаль доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкіе.
Кому эти гусельцы,

¹⁾ Сл. у Сахарова. Сказ. русс. нар. I. vi, 94.

²⁾ Тамъ-же: I. ш, 155.

³⁾ Цальчиковъ. Крестьянскія пѣснї, записанныя въ селѣ Николаевскоѣ Мезлинскаго уѣзда Уфимской губ. 1888 г. Лб 83.

Кому эти звончаты?
Аннушкі гусельцы,
ИвановнѢ звончаты ¹⁾.

Объ йгрі на трубахъ упоминается въ следующихъ свадебныхъ песняхъ:

Ужъ какъ на морі, на морй,
На синемъ камнѣ,
Бояре въ трубу трубятъ, •
Молодые въ золоченую...

(Закричала невестина матушка):

«Не трубите трубы радостны,
Вострубите трубы жалостны,
Отъ меня то *дитя везуть*»...

или:

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты трубаль моя, серебряная!..
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко, жалостно
Къ моему родному батюшкі.
Со двора сундуки везуть,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Прасковьюшку ведутъ,
Со высокаго Тарасьевну.

(Следуетъ повтореніе первыхъ четырехъ стиховъ и далее):

Къ моему свекру батюшкѣ
На дворъ еупдуки везуть,
На крыльцо ларцы несутъ,
Во високъ теремъ дгъвицу ведутъ ²⁾.

Изъ зтихъ песенъ видно, что трубнымъ звукомъ сопровождался въ старину свадебный поездъ. Это опять совпадаете съ упомянутымъ выше (стр. 20 и сл.) участіемт. скomorоха или скomorоховъ въ свадебныхъ поездахъ народныхъ. Въ первой изъ двухъ только что приведенныхъ песенъ играютъ въ трубы уже гости (бояре), а не скомо

¹⁾ Санаровъ. Сказ. русе. нар. I. ш. 131.

²⁾ Тамъ же: I. ш. 179, 189.

рохи, объ игре которыхъ въ свадебныхъ поездахъ свидетельствуютъ другія свадебныя песни и письменные памятники (ср. выше стр. 20 и сл.). Приведу еще две свадебныя песни, въ которыхъ говорится объ игре на литаврахъ и цимбалахъ:

— Съ подкамушка съ подб'лаго, ручеекъ б'жить,
Съ подкамушка съ подб'лаго цимбалами быоть.
Воть знать мою любезную Елизаветушку къв'нчанію ведутъ ¹⁾.

— Во горниц-Ь, во св'тличкй
Два голубя (= эмблема молодыхъ) сидять,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидять любятся,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры быоть,
Во цымбалы играютъ ²⁾.

Галицкорусская свадебная иесня упоминаетъ о бубнахъ:

Ой на двори бубны грають;—
Та до сины (до сбней) зазерають,
А зь сины та до хаты,
Жебы малы де сидаты ³⁾.

Малорусскія свадебныя песни упоминаютъ о «музыкахъ» за столомъ, объ играши музыки, о бубнахъ, звуками которыхъ созываются бояре, чтобы ехать за невестой:

— Іжте, бояре, іжте,
А ви, музики, ріжте...
— Ой заграно, забубнено ранейко,
Ой зберайся, князю Ивасю, борзейко,
Та пійдемо тїхїмъ Дунаемъ до замку...
Чей бы сьмо могли молоду Марисю пуймати.
— Въ неділеньку рано
По всізгь селу заграно,
Заграно, забубнено,

¹⁾ Терешенко. Быть русского народа. 1848 г. II, стр. 160.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. га, 126.—Ср. варіантъ, стр. 177:

И лють а пють,
Иъ цимбалы играютъ.

³⁾ Pauli. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. 1839. I. Str. 119.

Бояры побуждено:
«Вельможе, бояри, встаньте,...
Марусеньку доставати»...

Въ одной изъ нѣсенъ, сопровождающихъ проіцаніе невесты съ дружками, поють между прочимъ:

Велю коникамъ (свадебнаго поезда) вѣса дать,
А музиченьки постоятъ...

Во время обряднаго, сопровождаемаго музыкой, обхожденія молодыхъ, иослі; уяшна въ домъ родителей невесты, кругомъ <дѣжй> (= бочки), поють:

Ои чия жъ то родина
Кругомъ дѣжы ходила,
Зъ скрипками, зъ цимбалами,
Зъ молодыми боярами? ¹⁾.

Въ пbcfffe, поящейся при вызд[^] невесты изъ родительскаго дома, невестина сестра обращается къ боярамъ:

— Грайте, бояре, грайте...
Марусеньки да й не беріте.

Еще въ другой такой же ігбсігъ братъ бзжитъ отбирать сестру, вводимую изъ дома родителей:

Бігъ, біга, братичокъ—не догнавъ,
За боярами не иознавъ,
За музиками не почувъ ²⁾.

Упоминаніе музыкантовъ и игры на инструментахъ въ малорусскихъ пѣсняхъ неудивительно, такъ какъ до сихъ поръ свадебные поѣзды и пиры обыкновенно оглашаются въ Малороссій звуками инструментовъ.

¹⁾ Ср. у Метлинскаго. Народный южно-русскія пѣан. 1854 г. Стр. 133: пісню, сопровождающую завѣваніе свадебнаго вильца (вѣтки):

Не йдитц молодыци,
До насъ вилецъ выты.
Зовѣмо мы самы,
Зъ сврыпками, зъ цымбаламы,
Зъ молодыци боарамы.

²⁾ Труды этнографическо-статвстической экспедиціи въ Западный край. Юго-западный отдѣлъ. Т. IV. ММ 778, 839, 844, 1111, 1139, 1175, 1194.

Съ музыкой провожаютъ домой и старшую дружку:

Дружку горою ведутъ
Зъ скрипками, зъ* цимбалами,
Зъ молодыми боярами.

Въ заключеніи приведу еще два стиха изъ свадебной же пѣсни, по словамъ которыхъ музыка по свадьбамъ волочится:

Во музыка лядащица,
По веселлі волочится ').

Во всѣхъ данныхъ случаяхъ «волочущаяся» по свадьбамъ музыка является наслѣдіемъ старинныхъ «органиковъ», «гусельниковъ», «глумцовъ», словомъ — скомороховъ, непремѣнныхъ участниковъ, въ старину, въ свадебныхъ «радостяхъ».

в. Великая игра.

аа. Боянь-гудецъ и скоморохи. Повѣтвованія про страны далекія и времена стародавнія. Повѣствованія сказочныя и шуточныя. Вѣлчаніе и славленіе.—Бахари. Домрачеи. — „Пѣсни царскія“.

Народное преданіе не дѣдаетъ строгаго различія между пѣвцемъ-гусельникомъ, поющимъ серьезныя геройскія или историческія нѣснй или былины, и пѣвцомъ-потѣшникомъ и плясуномъ, забавляющимъ толпу площадными песнями, шутками и выходками. И тотъ и другой носятъ на народномъ языке одно названіе: «скоморохъ», «гудецъ» (или «игрецъ»), «веселый молодецъ». Наиболее извѣстнымъ представителемъ перваго типа служитъ древній пѣвецъ-гусельникъ,

Боянь.

Высокое, полубогественное значеніе его выражается тѣмъ, что Слово о полку Игоревѣ называетъ Бояна «внукомъ Велесовымъ», «вѣщимъ» пѣснотворцемъ. Боянь слагалъ свои пѣсни, витая мыслию по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ по поднебесью; онъ—«соловей временъ давно минувшихъ»—вспоминалъ стародавнія бра-

«) Тамъ же: 1116 (ср. М 1135), 1295.

ни, воспіваль деІнія Ярослава, Мстислава, славнаго Романа- онъ свиваль древнюю славу съ новой; подъ его вещими перстами струны сами рокотали славу князьямъ '). Между тѣмъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ сказанія о «Задоніи» Боянъ называется просто Шевскимъ гуддемъ («въ городе Кіевѣ горазда гудца»²⁾), т. е. тѣмъ же именемъ, какимъ въ Стоглав¹⁾; называются скоморохи потіпнѣй, увеселявшіе народъ и побуждавшіе толпу, своей игрой, къ пляске (см. нюке).

Русскія былины неоднократно упоминають о

пѣвцахъ-гусельникахъ (скоморохахъ),

во многихъ отношеніяхъ въ художественной деятельности своей совпадающихъ съ гудцемъ Бояномъ. Такимъ певцомъ на княжескомъ пиру является, между прочимъ, перодетый въ скомороха Добрыня. О томъ, какое возвышающее, воодушевляющее впечатленіе производили на слушателей, какое удивленіе и восторгъ вызывали въ нихъ песни такихъ гусельниковъ, можно судить по следующимъ выраженьямъ былины о Добрыне, въ разныхъ ея пересказахъ:

Учель (Добрыня) по стрункамъ похаживать,
Учель онъ голосомъ поваживать,...

(или:

Зачаль (Добрыня) въ гусли играть приговаривать,—)
И всѣ на пиру пріутѣхли - сидять,
Сидять—на скоморошину посматривають.

Или:

Вси на пиру оглянулисѣ,
Вси на пиру ужахнулисѣ.

¹⁾ <Боянъ бо ві]цій аще кому хотяше ниснь творити, то растіікашется мысдію по древу, счрѣмъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ поды облакъ... О Бойне! соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ поды облакъ, свивая славы оба поды еего времени... (и раньше:) своя вііція прьсты на живаа струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокоташу». Русс, Достоп. III, 6 и сл.

²⁾ Извѣстія И Огдѣлешя Имп. Академіи Цаукъ. Т. VI, стр. 345.

Въ другихъ пересказахъ произведенное песнью Добрыни-скомороха впечатлѣннѣе описывается такъ:

Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры (т. е. игрецы) прислушались...

Или:

На пиру игроки всѣ пріумолкнули,
Всѣ скоморохи пріослушались:
Эдакой игры на свѣтъ не слыхано,
На б^лоемъ игры не видано.
Князю Владѣмиру игра весьма слюбилася

Или:

Какъ дивилися цари цари царевичи,
Короли дивились королевичи,
Ужъ какъ сильнѣе могучѣе богатыри,
Какъ вельможи, поляницы да удалый...

Или:

Заигралъ Добрыня по уныльнѣму,
По уныльнѣму, по умильнѣму.
Какъ всѣ то вѣдь ужъ князи и бояре-ты,
А ты эти русійскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.

По другому же пересказу, на пиру «все позаслушались», и князь, въ восторгѣ отъ песни, восклицаетъ:

«Ай же, мала скоморошина!
<За твою игру за великую,
«За утѣхи твои за нѣжныя,
«Безъ мѣрушки пей зелено вино,
«Безъ расчета получай золоту казну!»¹⁾»).

А между темъ исполнитель этой «небывалой», этой «великой игры»,—певецъ, приковавшій къ себе всеобщее вниманіе, вызвавшій всеобщее удивленіе и восторгъ князя, въ глазахъ послѣдняго не более какъ «удалой» или «мала скоморошина», или «детина пріезжая, скоморошная, гусельная», помещающійся, на равне съ прочими кня-

¹⁾ Рыбников*. Мѣня. I, 136, 166; II. 31.—Гильфердингъ. Онеж. был. 45, 136, 250, 972, 1030.

жескими поташниками, «на печке — на запечке». (Ср. ниже Гл. 5, г.)

Сходного характера была и игра Садка-гусельника на берегу Ильменя-озера (ср. выше стр. 7). Вышелъ изъ озера Царь морской и говорить:

«Ай же ты Садкѣ, Новгородский!
«Не знаю чѣмъ буде тебя пожаловать,
«За твои за утѣхъ за великія,
«За твою-то игру нужную:
«Аль безсчетной золотой казной?» *).

Въ чемъ же заключалась эта «игра» (т. е. *utnie*, сопровождаемое игрой въ гусли), — игра, приводившая въ такой восторгъ слушателей? Ответъ на этотъ вопросъ даютъ опять наши былины. Въ послѣднихъ установились известныя формулы, которыми характеризуется широкій кругозоръ пѣвца и обусловливаемое темъ разнообразіе напева и содержанія песни. Еогда речь идетъ о чудесной «игре» того или другаго пѣвца, былины употребляютъ выраженія: игра, выигрышь, сыгрышь, припевокъ, тонцы и т. п., — слова, точный смыслъ которыхъ въ своемъ разлѣчій непонятенъ даже самимъ сказателямъ былинъ, нынѣ ихъ употребляющимъ, но более или менее сводящаяся очевидно къ одному содержанію; эти выигрыши, припевки, тонцы вѣдуться пѣвцомъ (или что означаетъ одно и то же, имъ «натягивается» или «заводится струна») изъ странъ далекихъ: изъ Царяграда, изъ Ерусалима, изъ за синя моря Волынскаго, изъ за Лукоморья зеленаго и т. п., или изъ одного места въ другое, отдаленное. Эти выраженія применяются, какъ высшая аттестація, къ игре разныхъ лицъ: Добрыни (въ образѣ скомороха), Соловья Будиміровича, Садка гусельника, Ставра въ роли веселаго молодца. Такъ напр.:

Добрыня

а) играетъ,игру играетъ, беретъ выигрышь, воспеваешь,
выигрываетъ наигрыши, въ томъ или другомъ месте
или изъ одного места до другаго:

*) Рыбников!. Писни. I, 371.

- Играеть-то въ Царигради,
А на выигрышь беретъ все въ Клевѣ...
- Играеть ѣнь во Кіеві, восил;ваетъ отъ Еросалима .
- Заиграль Добрилюшка въ гусельшки,
Онъ игру играетъ все хорошевьку,
И выигрываль наигрыши все хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царяграда,
Ивъ Царягряда до Еросолиму,
Съ Еросолиму ко тою къ земль да къ Сорочииской.
- Ёнь съ К&ева играль все до Новаграда,
Ай съ Новагорода играль все до Кіева.

Р) Ведеть тонцы или натягиваетъ струны, или припіваетъ припевки отъ того или другаго места:

- Тонды повель отъ Нова города,
Другіе повель отъ Царяграда...
- Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягиваль, будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда
И третью съ Еросолима,
Тонцы онъ повель-то велікіе,
Припівки-то онъ припіваль изъ за синя моря.
- Ёнь відъ началъ гуселка налаживать,
Ёнь відъ началъ струночки натягивать.
Ёнь перву наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнь другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнь вѣдъ третью изъ каменной Москвы *).

Обозревая этотъ сводъ техническихъ выраженій, которыми въ былинахъ характеризуется искусная игра, замечаемъ, что все эти, на первый взглядъ, непонятныя слова йміють целью восхвалить разносторонность певца, ведущаго свои игры, выигрыши, тонцы (т. е. рассказы), припевки, наигрыши и проч. изъ далекихъ местъ, или изъ места до места, по всему лицу известной певцу земли; въ повествованіяхъ нынешнихъ, северно-русскихъ певцовъ или сказителей былинъ называются Ерусалимъ и Царьградъ какъ отдаленнейшія, Клевъ, Москва, Новгородъ, Черни-

*) Рыбниковъ. Н4они. I, 136, 144; II, 31. Гилы|>ердингъ. Онеж. был. 45, 214, 356, 498, 1058, 1096 а др.

говъ. какъ далекія, но все нее относительно более близкія м^ста. Въ качестве пріезжаго скомороха (мы увидимъ ниже, что скоморохи по преимуществу были люди прохожіе, бродячіе), Добрыня въ своей «игре» могъ рассказывать про дальнія страны, подобно Бояну пробегать мыслью по всему міру, повествовать о чудесахъ заморскихъ, связывая эти рассказы съ повествованіемъ о собственныхъ своихъ похожденияхъ, о томъ что онъ самъ испыталъ начуяібйне. И действительно, въ целомъ ряде пересказовъ данной былины Добрыня рассказываетъ, повествуетъ, по словамъ же былины—«играетъ» или «выигрываетъ свое рожденіе», «свои похояденія», «играетъ» или «натягиваетъ струну» про свое похояеденіе, про свои разъезды, «заводитъ струны» отъ разныхъ местъ, при чемъ «идутъ наценки Добрынины», «выигрываются егопохожденія»'), напр.:

— Первый разъ игралъ отъ Царя-града,
Другой равъ отъ Еросалима,

') Нельзя не указать на родственныи приведеннымъ* вырашенія: «струна молвить», «струна говорить», встрѣчающіяся въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ святочной пѣснь:

Заигралъ милый въ гусли,
Какъ струна струнь молвить:
«Пора молодцу жениться».

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 33.)

Въ другой (хороводной) пѣснь ноутъ:

Заиграю во струну.
Струну серебряную.
Вы послушайте робята,
Что струна-то говорить...

(Балакиревъ. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень. № 39.)

Иногда гусли отождествляются съ мыслями:

Разыграйтесь гусли, мысли,
Я вамъ нѣсенку спою...

(Тамъ-же: № 29.)

Въ другихъ пѣсняхъ «говорить» другія музыкальный орудія, напр.:

Какъ струна-то загула, загула,
Л дуда-то выговаривала.

(Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 84.)

Въ балалаечку набрякиваетъ,
Балалайка выговариваетъ.

(Пальчиковъ. Кресть. віс. № 114.)

Въ «Задонцигъ» встрѣчаемъ выраженіе «гусельныя словеса». (Ср. нвж .)

- Третій разь сталь паигрывать,
Все свое похождение рассказывать ').
- Ень игришо игралъ отъ Царя-града,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третье играе отъ Іііева,
А похождение выигрывалъ Добрынины.
- Струночку играетъ отъ синя моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третью отъ Ерусалима,
А всё похождение Добрынюшкино.
- Натягалъ онъ струну про Шевъ градъ,
Другую про похождение,
Выигрывалъ свое рождение.

(О рожденій Добрыни см. ниже).

- Сталь Добрынюшка въ гусельшка поигрывать.
Ужъ онъ струночку играетъ что я Кіевской,
Какъ въ другую играть отъ Еросолима,
Еще въ третью про разьезды про Добрынюшкины.
- Онъ первую (очевидно: струну) завель отъ Кіева,
Онъ другу завель отъ Еросолима да до Царяграда,
А вей пошли напѣвкн ты Добрынины ²⁾).

Здѣсь всюду рѣчь идетъ о повѣствованіи, сопровождае-
момъ звуками струнъ. Предметомъ же повѣствованія яв-
ляются событія изъ далекихъ мѣсть, переплетаемыя раз-
сказами о собственной судьбе, собственныхъ походешихъ
и разъѣздахъ пѣвца-гусельника. Въ другихъ вариантахъ
говорится о веденій пѣвцомъ «наигрышь отъ Добрыни», о
ніній имъ «напѣвочекъ Добрынюшки», по которымъ при-
знаеть, въ лиці; пѣвца, своего мужа Настасья Микулична:

- Игралъ онъ во гусельшки тутъ яровчаты,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
- Напѣвочки поетъ все къ Настасье Микуличной.
Какъ услышала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица... ³⁾).

И такъ подѣ словами: выигрышь, наигрышь, тонцы,
напѣвки. припевки и т. п. сѣдуетъ понимать содержа-

<) Рыбников*. Пѣсн. Ш, Лб 16.

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 950, 1021, 1096, 1254 (ср. 1261), 1305.

³⁾ Тамъ-же: 165, 737.

ніе песни, можетъ быть въ связи съ известными характеристическими напевами [?], подобно тому, какъ нодь более общимъ словомъ «игра» нередко понимается песня, сопровождаемая игрой на инструменте.

После всего сказаннаго о песняхъ Добрыниныхъ, становится понятнымъ смыслъ нижеследующихъ сходныхъ выражений былинь, относительно «игры» и другихъ певцовъ:

Соловей Будиміровйчь

Струну къ струночкѣ патягиваетъ,
Тонцы по голосу налаживаетъ,
Тонцы онъ ведеть отъ Новагорода,
А другіе ведеть отъ Еросолима,
А всѣ малые припѣвки за (:=ивъ-ва) синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ за того Кодольскаго острова,
Изъ за того Лукоморья зеленаго ¹⁾.

Въ терему, воздвигнутомъ Соловьемъ Будиміровйчемъ,
«играють во гуселка яровчаты»:

Тонцы ведутъ отъ Новагорода,
Другіе ведутъ-то отъ Еросолима,
Припѣвы прпнѣВаіоТѣ хорошіи.

Или:

А въ третьемъ терему-то гудки гудять,
Игры играють Царя-града,
Напѣвки напѣвають Еросолима ²⁾.

Ставрѣ

сталъ гуселокъ налаживать,

Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать:
Струночку натягиваль отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью съ Еросолима;
Повель онъ та(о)нцы веліиіе,
Припѣвки то прин^валь изъ за синя моря.³⁾

¹⁾ Рыбниковъ. Пѣснй. I, 324.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 370, 954.

³⁾ Рыбниковъ. Пѣснй. II, 101.

Или:

И зачалъ тутъ Ставрѣ поигрывать,
Сыгрить сыграль Царя-града,
Та(о)нцы навель Іерусалйма...¹⁾

Садко

поигрываетъ во гуселышки,

Играеть-то Садкѣ въ Новѣ-городѣ,
А выигрышь беретъ отъ Царя-града²⁾.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ должно понимать повѣствованія о событіяхъ и обстоятельствахъ, касающихся далекихъ местъ: Іерусалйма, Царяграда, Новгорода (по отношенію къ поющему въ Кіеве) и т. п.—Нельзя не обратить вниманія еще на неоднократно встречающееся выраженіе: «припевы», «припевки» («хорошіе», «изъ за синя моря», «Добрынины» и т. п.). Подъ этими словами слѣдуетъ вероятно подразумевать вплетаемыя певцомъ въ песню мудрыя, поучительныя изреченія, нравоученія, поговорки. Веіцій Боянь, по выраженію Слова о полку Игореве, изрекъ «припевку» про князя Всеслава: *«ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божгя не минутит* (будь хитерь, будь гораздъ, обернись хоть птицею, суда Боягія не миновать). И другое изречете Бояново: *«тяжко ти голот, кромп пленю; зло ти тгьлу кромгь головы»* (тяжело голове безъ плеча, горе телу безъ головы), примененное авторомъ «Слова» къ Игорю («Русской земли безъ Игоря», прибавлено въ «Слове»), было вероятно такой же «припевкой». Не были ли и упомянутые выше «напевочки» и «наигрища Добрынины», по которымъ узнаеть Настасья Микулична переодетаго въ скомороха мужа своего, такими же знакомыми ей изреченіямъ, поговорками (припевками) Добрыниными? Въ некоторыхъ случаяхъ подъ словомъ напгрышекъ очевидно понимаются изреченія, поговорки, заключающая въ себе известный

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. рос. стих. 91.

²⁾ Рыбниковъ. ДтсНВ. I, 369.

скрытый смысл, известные намеки, обращаемые пѣвцомъ только къ извѣстнымъ изъ присутствующихъ лицъ. Такъ Добрыня, въ образе скомороха, наигрываетъ два наигрышка, предназначенные имъ очевидно для своей ясны, собирающейся выходить за мужа за Алёшу Поповича:

...сталь наигрышки наигрывать:
«Охъ вы гусли мои, гуелицы,
Гусли мои звончатые!
Вы лежали со ряду шесть лѣтъ,
А еще лежали ровно три года,
А еще лежали ровно круглый годъ,
На десятомъ году играть стали».

(Намекъ на десятилетнее отсутствіе Добрыни изъ дому.)

И другой наигрышекъ сталь наигрывать:
«Гдѣ это видано, еще гдѣ же слыхано,
Отъ жива мужа за мужъ итти?»¹⁾

(Опять намёкъ на то, что Добрыня еще яшвъ.)

Въ одномъ изъ пересказовъ данной былины Добрыня «натягаль струну про свое похождение, выигрываль свое рожденьице»:

Ни кто-то въ пиру не догадается,
Одна Катерина (= жбня его) догадалосе²⁾.

Все приемы Добрыни, все его напевки и наигрыши направлены къ тому, чтобы жена узнала его, для нея онъ играетъ свои «наигрышки» и «припевки».

Въ былинѣ «Молодецъ у короля на службѣ» выраженіе «наигрышки наигрывать» опять употреблено въ смыслѣ восклицанія, специально обращеннаго къ сидящей въ светлицѣ, любящей молодца королевне:

Онъ и сталь тутъ наигрышки наигрывать:
«Бывало меня Король любиль-жаловаль!
А нынче на меня скоро прогневался,
Ведеть молодца ко повышенно».³⁾

¹⁾ Кирѣевскій. Пѣни. II, 9; ср. 16.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 1096.

³⁾ Кирѣевскій. Песви. V, 168.

Изъ всего вытесказаннаго видно, что древній скомо-рохъ-гусельникъ пов-ѣствовалъ о мѣстахъ далекихъ, по которымъ странствовалъ, переплетая свои повѣствованія разсказами о собственныхъ походехъ, а равно и припе-вками (наигрышами, напѣвочкамй), т. е. йзреченіямй и поговорками, то имеющими общій смыслъ, то заключающими въ себе известные намѣки, обращаемые имъ къ тому или другому изъ слушателей.

Подобно тому, какъ, по словамъ певца Игоревоу рати,

*скакала по мысленному древу, возносился
подъ облака, мчался черезъ доли и горы втцѣй
Боянь (гудецъ Кіевскій),*

и старинные певцы-гусельники, давая волю своему во-ображенію, витая мыслию по лицу вселенной, вещая свои чудесные разсказы о странахъ далекихъ, уносили внима-вшихъ имъ слушателей мысленно за «сине море», въ землю Сорочинскую (= Сарацинскую), въ Іерусалимъ, въ Царь-градъ, къ морю Волинскому, къ Лукоморью зеленому, въ Новгородѣ Смоленскѣ, Черниговѣ, въ леса Брынскіе, въ омуты Днепровскіе и т. п. Воспоминаніе о такомъ паре-ній или вѣтаній мысли певца по безпредельной шири все-ленной, по морямъ, полямъ, лесамъ и поднебесью, сохра-нилось во вступительной къ некоторымъ былинамъ фор-муле, въ разныхъ случаяхъ являющейся то более, то ме-нее развитой:

Высота пи, высота поднебесная,
Глубота, игубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Дн'ѣпровскіе.

Въ иныхъ случаяхъ эта формула продолжается такъ:

Чудень крестъ Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочинскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстры рѣки понизовскія ').

') К. Данилов*. Древ. росс. стих. 1, 271.

Встречается и такое вступленіе:

Рьки-то озера ко Новугороду,
Жхи-то болота ко Бьлоозеры,
Широки раздолья ко Опскому,
Темные лйса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусалиму

Подобно Бояну,

*соловьѹ времянь давно минувишихъ, вость-
вашему дѣянгя князей и стародавнѣя брани,*

и певцы-гусельники нашихъ былинъ воспевали старья
деянія. На свадебныхъ пирахъ гусельники пели

Про старья времена и про нынешни
И про всѣ времена доселюшни ²⁾).

Соответственно тому, въ былинахъ встречаются вступ-
ленія, въ которыхъ предстоящее повествованіе прямо на-
зывается старымъ, бывалымъ, стародавней стариной:

Кто бы намъ сказаль про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Ильѹ про Муромца ³⁾).

Или:

Благословите, братцы, старину сказать ⁴⁾),
Какъ бы старину стародавнюю.

Въ новейшихъ былинахъ старыми временами почи-
тается уже эпоха Іоанна Грознаго, напр.:

Да въ старые годы прежніе,
Во гь времена первоначальныя,
Когда воцарился царь государь
А грозный царь Ивань Васильевичъ ⁵⁾).

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 704.

²⁾ Рыбниковъ. Писнй. I, 249.

³⁾ Кйреевскій. Песни. I, I'.

⁴⁾ Сказать старину значить тоже, что нѣтъ старину: въ былинахъ неоднократно сменяются выраженія «старину поють» или «старину скажутъ». См. тотчасъ ниже соотвѣстуйте примеры.

⁵⁾ К. Даниловъ. Древ. росе, стих., 219, 226, — Ср. вступленіе къ песне о взатій Казани:

Ужъ вы ли люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы да-воль послушати,

Въ п/бдомъ ряде былинь находимъ и заключительные формулы о «сказаній» или «ПШЙИ старины» про того или другаго героя былины, «людямъ на послушанье», напр.:

- Тутъ вйкъ про Добрыню старину поють:
А синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ тымъ людямъ, на послушанье.
- Тутъ в'бкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю и т. д.
- А съ той поры да съ того времени
А стали Дюка стариной сказать.

Въ сходной форме «скажутъ старину» про Настасью Королеву, про Михаила Потыка, про Добрыню Никитича, про Кострюка Темриковича и т. п.¹⁾

Певцы, касаясь въ своихъ песняхъ далекихъ странъ и былыхъ временъ, рисовали и фантастическія, сказочныя картины изъ стародавняго прошлаго. На это опять указываютъ былины. Однимъ изъ главнейшихъ сюжетовъ былинь служатъ чудесные, баснословные подвиги русскихъ богатырей, поборающіихъ разныхъ чудовищъ: дышащаго пламенемъ змея Горынчича, бабу Горынкину, Тугарина Зміевйча, Соловья разбойника и др.²⁾ Былина, начинающаяся вышеупомянутой формулой: «Высота ли высота поднебесная», после такого вступленія переходитъ къ описанію беззаконія, господствовавшаго въ старинное, первоначальное, басновловное время царя Давида:

При царзз Давидъ Евсбевичз;
При старці Макарьъ Захаръевичъ,

Еще а вамъ расскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича.
(«Отечеств. Запски» 1860 г. Апрель, стр. 68).

Эпитетъ «стародавній», относимый въ другихъ пісенныхъ вступленіяхъ къ «старине», въ прошедшимъ временамъ, здесь является уже перенесеннымъ на пожилыхъ слушателей.

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 750, 784, 794, 811, 817, 826, 831, 932, 1116.—Въ былинахъ у К. Данилова (Древ. росе, стих.) неоднократно встречается заключительный стихъ:

А и то старина, то и деяніе
(стр. 69, 132, 153, и др.), или:

Тінь старина и кончилась
(стр. 181).

²⁾ К. Данилов*. Древ. росе. стих. 44, 126 и сл., 241 и сл., 246 и сл., 251 и сл.

Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцомъ на судъ идти... *)

Въ другихъ былинахъ действующими являются баснословный лица: «премудрый царь Саламонъ» и «прекрасная царица Саламонія»²⁾, Дунай и Настасья, превращающееся въ реки³⁾-упоминается о чудесномъ, красующемся за синимъ моремъ, за Глухоморьемъ зеленымъ, славномъ городе царя заморскаго, Леденце, откуда выплываетъ на своихъ фантастически разукрашенныхъ корабляхъ богатый гость Соловей Будншровичъ⁴⁾, и т. п.—Въ сходномъ же смысле следуетъ понимать и выраженіе Слова о полку Игореве о «замышленій Бояновомъ». Певецъ Слова хочетъ начать свою песню «не по замышленію Бояиа», а «по былинамъ сего времени», т. е. воспеть быль, йсторическіе факты, между темъ какъ Боянъ, творя песню, «растекался мыслію», давалъ волю своему воображенію, своему «замышленію», вымыслу, сплетая действительность съ чудеснымъ, облекая, подобно нашимъ былинамъ, действительность въ фантастическую форму.

Такіе фантастическіе рассказы или «сказки» легко могли принимать и шуточную форму, подобно былинамъ-сказкамъ: «Старина о большомъ быке», «Кострюкъ», «Небылица», «Птицы» и т. п. Некоторые изъ этихъ сказокъ-старинъ начинаются призывомъ слушателей ко вниманію, чтобы послушали старинушку, напр.:

Да князья послушайте,
Да бояре послушайте,
Да мужики ты земскіе,
И старички деревенскіе,
Да ребяташки махотные,
Да крестьянушки пахотные,
И не шумите—послушайте.
Да я вамъ старинушку скажу

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 271.

²⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. П, 277 я сл.

³⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. Си. несколько пересказовъ о «Дунаі»

⁴⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 1.

Про тово-де большово быка
Рободановика...

Или:

А не тките то дѣвушки,
Не ирядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди,
И про того Кострюка Кострюкановича,
Про того Дебряка Дебрякановича...

Или:

Старина сказать да стародавняя,
Стародавняя да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати...

послі чего ел'ѣдуетъ цізлый рядъ не былидъ:

Да не курица жа ступы соягниласе,
Корова на лыжахъ покатиласе,
Да свинья въ ели-то відъ гнездо свила...
По поднебесью, братцы, аедвідъ летить,
Да медведь летить, да онъ хвостомъ вертить,
А по чисту полю у насъ корабъ бѣжить,
На синѣмъ мори у насъ овинь горить,
Да овинь горить и то съ рііюю... ')

Боліе или менізе сходные съ выше приведенными, фантастическіе, баснословные (вероятно и шуточные) рассказы очевидно пелись и старинными русскими певцами-гусельниками. На это указываютъ, кромѣ нриведеннаго раньше (стр. 40) выраясенія автора Слова о полку Игоревй, о замышленій бояновомъ, еще и слова Кирилла Туровскаго (XII в.), порицавшаго т-ѣхъ, «иже басни бають и въ гусли гудуть»²⁾, Кирилла митрополита Кіевскаго (XIII в.), называющаго въ числ'ѣ мытарствъ: «плясаніе... и басни бающе»³⁾, наконецъ митрополитъ Фотія (1410 г.),

' Гильфердингъ. Онеж. был. 1132—1133, 1272, 1329.

Нам. росс. слов. XII в. 95.

') Филаретъ. Оба. дух. лот. 59.

увілицевашаго Новгородцевъ басней не слушать .—Воз-
вращаюся къ серьезной «игре».

Подобно Бонну,

*величавшему князей, подъ вчъщими перста-
ми которого струны сами рокотали славу
князьямъ. - Вояку, свивавшему древнюю славу
съ новою,*

и старинные «веселые молодцы» славил и величали
героевъ времянь минувшихъ, а равно и современ-
ныхъ имъ князей, по примеру Бояну свивая, такимъ
образомъ, древнюю славу съ новой. Мы видели выше
(стр. 38), что певцы гусельники пели песни

Про старья времена и про нынѣшни,
И про веб времена доселюшни..,

т. е. соединяли повествования о старыхъ и новыхъ вре-
менахъ. Кроме того, въ былинахъ повѣствоваша нередко
заключаются возгласеніемъ славы или хвалы герою
или героинѣ былины, напр.:

- Тутъ-то Настасье славу поють.
- Да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ.
- А тутъ Кострюку славы поють,
Славы поють, старину скажутъ...
И царицы славы поють,
Славы поють, старину скажутъ.
- А еще тутъ поганому (Идолишу) славы поють²⁾.

i

Пѣвецъ Слова о полку Игореве, неоднократно вспо-
миная о Бояне и какъ будто подражая местами складу
Бояновыхъ песенъ или «старымъ словесамъ», заключаетъ
свое произведете славлетемъ Игоря, Всеволода, Вла-
дѣмира Игоревича, напоминающимъ только что приведен-

¹⁾ Акты (арх. эксп.) I, № 369.

²⁾ Гвльферцвягъ. Онеж. был. 624, 646, 932, 1038.—Въ нѣкоторыхъ были-
нахъ въ заилвчительномъ стѣхѣ провозгласается слава старпні, т. е. стародавнимъ
вреневамя и событїямъ:

Да тутъ ли старинуний славу поемъ.

(Тамъ-же: 662, 671, 676, 689.)

ные заключительные стихи былинь- но здѣсь, кромѣ князей, величается и дружина, которой провозглашается слава и здравіе вмѣстѣ съ князьями: «Шзти слава Игорю Святъславича. Буй туру Всеволод-!;, Владѣмѣру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья пльки. Еняземъ слава, а дружинзз Аминь!»¹⁾. Обычай величать и славить на пирахъ въ п-бсняхъ не только воснѣваемыхъ въ ней князей и героевъ, но и присутствующаго князя (или боярина, хозяина дома), а также и другихъ присутствующихъ лицъ, отразился и въ былинахъ: Ставръ, въ роли «веселаго молодца» или «загусельщика»,

Сыгрышь сыграль Царя-града,
Та(о)нцы навель Іерусалѣма,
Величалъ князя со княгиней²⁾.

Былина о смерти Михаила Скопина свидѣтельствуетъ о «великой слав-ѣ», которую пѣлъ Окопину во время пира:

На великихъ на радостяхъ пиръ пошель
И ниръ пошель и велѣкій столъ
И (У?) Скопина князя Михайлу Васильевича
Про весь православный мѣръ,
И велику славу до вѣку поють
Скопину князю Мѣхайлі Васильевичу...

На этомъ пиру, по обычаю, идущему отъ временъ Владиміровича, каждый изъ гостей ч-бмъ нибудь похваляется. Очередь доходитъ до хозяина:

«Я Скопинъ Мнхайло Васильевичъ
Могу князь похвалитися,
Что очпстилъ Царство Московское
И великое Государство Россійское,
Еще ли мнѣ славу поють до вѣку,
Отъ стараго до налаго,
Отъ малаго до вѣку моего»³⁾.

¹⁾ Русс. Достон. Ш, 254.

²⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

³⁾ Нослѣдніе два, стиха напоминаютъ соответствующее ибсто наъ былины о Добрыи!;, который «выигрываль», т. е. воспеваль, славиль

Отъ стараго да вѣкъ до малаго,

и какъ будто предтавлать лишь механическое повтореніе старинной формулы въ искаженном* смысле. Ср. ниже стр. 45.

Та же былина заканчивается припевкой, т. е. заключительной формулой общего характера, в менее развитом виде повторяющейся и в конце некоторых других былин. Вот эта припевка:

То старина то и дьянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рькамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на нерениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потишенье,
Сидючи въ бесидѣ смиренныя,
Изпиваючи медь, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову ¹⁾.

Какъ Боянь воспѣвалъ хвалу князьямъ, какъ авторъ Слова о полку Игореве воспевалъ походъ Игоря, возглашаетъ славу князьямъ и дружине, какъ Ставрѣ, въ качествѣ скомороха, за пиромъ у князя вплетаетъ въ свою пѣсню величаніе князя и княгини, такъ и въ последней припевкѣ воздается честь хозяину пира, боярину великому, такими же какъ Ставрѣ-скоморохъ «веселыми молодцами». Эта припевка замечательна и важна въ томъ отношеніи, что она подтверждаетъ предположеніе о томъ, что авторами былинъ были старинные нѣвцы-гусельники, скоморохи: «то старина то и дьянье... намъ веселымъ молодцамъ на потишенье»; следовательно поютъ былину они, веселые молодцы-скоморохи, себе на потешенье, добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ молодцамъ на нерениманье: «гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ... хозяину»; следовательно вплетаютъ славленіе, чествованіе хозяина въ пѣсню-былину те же веселые молодцы-скоморохи. Точно такъ и Добрыня, переодетый скоморохомъ, на свадебномъ пиру въ своей пѣснѣ «выигрываетъ», т. е. очевидно славить, величаетъ всехъ, отъ стараго до малаго, поименно:

¹⁾ И. Даниловъ. Древ. росс. стих. 391.

Онъ повиыгралъ во гради во Кіевѣ
Онъ во К&евѣ да всѣхъ поименно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго ').

Замечательную аналогію представляетъ послѣдній стихъ съ выраженіемъ пѣвца Слова о полку Игоревѣ: Добрыня повиыгралъ всѣхъ отъ стараго до малаго, а пѣвецъ Слова слздууетъ примеру тѣхъ, кто величаетъ князей, сперва старшихъ, а потомъ младшихъ («пѣвше нѣснѣ старымъ княземъ, а потомъ молодымъ» ²). Непосредственнымъ доказательствомъ тому, что пѣвцы-гусельники действительно величали князей (позже царей) можетъ служить разсказъ Олеарія, который еще въ первой половинѣ ХУІІ стол'ѣтія слышалъ въ Ладогѣ п'гъвцовъ-скомо-роховъ, славившихъ за носольскимъ столомъ царя Михаила Ведоровича: «Въ Ладогѣ — пишетъ Олеарій — услышали русскую музыку: когда мы сид'бли за об'домъ, пришли двое Русскихъ съ лютней (Laute) ³) игудкомъ (Geige) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и п'гътъ въ честь великаго государя и царя Михаила ведоровича (точнее: «о великомъ государе» и т. д.)⁴).

Прославленіе царя и историческихъ лицъ встр^чаемъ и въ малорусскихъ думахъ, напр.:

Дай, Боже, честь и хвалу
Свѣтъ праведному Государю,
Та й Семену Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу християнъ на поталу!... ⁵).

Форма славленія царя, князей и бояръ, царскихъ слугъ (ср. выше славленіе друяшны княжеской), сохранилась до сихъ поръ въ нашихъ святочныхъ — подблюдныхъ — ігфс-няхъ, при чемъ нынѣ славленіе иногда начинается съ Бога:

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему, слава!

¹) Гильфердингъ. Онеж. был. 757.—Ср. выше стр. 43 нрвиѣч.

²) Русс. достоп. ІІІ, 254.

³) Подъ именемъ лютни слѣдуетъ здѣсь понимать не собственно лютню, а какой-то лютнеобразный струнный инструменту вероятно домры.

⁴) Подроб. опис. путеш. въ Ыосков. 26.

⁵) Кулишъ. Записки о южной Руси. 1856 г. І, стр. 195.'

Чтобы нашему государю не стариться, слава!
Его цветному платью не изнашиваться, слава!
Его добрым коням не изъезживаться, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не йвминиваться, слава! и т. д.

Или:

Вился, вился ярый хмель, слава!
Около тычинки серебряныя, слава!
Такъ бы вились князья и бояре, слава!
Около царя православнаго, слава! *).

Въ Галицко-русской свадебной шбснѣ находимъ возглагошеніе чести и хвалы Богу, Богородицѣ хозяйевамъ дома и всѣмъ домочадцамъ, по старшинству (ср. выше стр. 45 славленіе сперва старшихъ, а потомъ младшихъ):

Встаньте бояры, встаньте!
Честь, фалу (=хвалу) Богу дайте:
На самый передъ Господу Богу,
Прысвитый Діви, господареви,
Господинойці и кухаройці
И всѣмъ посполу
Що сут въ томъ дому ²⁾.

Въ Сербскихъ колядкахъ также провозглашается слава и честь хозяину дома и членамъ его семьи, напр.:

— Слава и част домаѣину! Слава и честь домохозяину!
Тебѣ на част господине!.. Тебе на честь, господинь!..
— Слава и част домаѣину! Слава и честь домохозяину!
Тебе на част стара мајко! ³⁾ Тебе на честь, старая матушка!

Въ Малорусскихъ іцедривкахъ встрічаемъ сходное славленіе, напр.:

Славень, славень пань Олександра,
Щедрий вечір'ь!
Ой чимъ же вінь славень? Трома городами,
Щедрий вечір'ь!
Трома городами, своїмъ синами
Щедрий вечір'ь! и т. д. ⁴⁾.

⁴⁾ Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники. П, стр. 70, 79.—Ср. Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш: «Піснй подблюдня».

²⁾ Pauli. Pies. ludu rusk. w Galie. I, 83.

³⁾ Карацѣвъ. Сръске народне іїјесте. I, стр. 115, 116

¹⁾ Кулишь. Зап. о юж. Руси. I, 196.

Форма славленія въ приведенныхъ русскихъ (и сербскихъ) святочныхъ пѣсняхъ близко сходна съ заключительнымъ славленіемъ князей и дружины въ Слов!; о полку Йгореви (ср. выше стр. 43); таковымъ же было вероятно въ общихъ чертахъ и обычное величаніе князей въ пѣсняхъ скомороховъ-гусельниковъ (ср. стр. 42: выраженія былинь: «славу» или «славы поють»),

Кромѣ йровозглашенія славы, хвалы, чести, въ народной литературѣ нѣрѣдко встречается величаніе того или другаго лица, посредствомъ лестныхъ для него сравненій съ небесными светилами, зарей, маковымъ цвѣтомъ и т. п., — сравненій, вероятно такъ же применявшихся въ величальныхъ пѣсняхъ старинныхъ певцовъ-гусельниковъ. Такъ въ русскихъ колядкахъ весьма распространена твердо установившаяся форма славленія хозяина дома и его семьи, посредствомъ уподобленія ихъ солнцу, месяцу и звѣздамъ, напр.:

Великорусе.: На дворъ у него (Устина, хозяина) да три терема:
Въ первомъ терему да свѣтель мѣсяць,
Во второмъ терему красно солнышко,
Въ третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтель мѣсяць, то Устиновъ домъ (т. е. самъ Устинь),
Что красное солнце, то Улита (жена) его,
Что часты звѣзды, малы д'ѣтушки 'j.

Малорусе.: Ясный мѣсяць—самъ господарь,
Ясне сонце—його жинка,
Яснее зирки—його дитки ³⁾.

Бѣлорусс.: Ясенъ мѣсяць—панъ Иванъ,
Красно соунце—яго жана,
Дробны звезды—яго дзѣтки ³⁾.

Хозяинъ обыкновенно сравнивается съ мѣсяцемъ, а хозяйка—съ солнцемъ; но иногда сравненіе делается и наоборотъ, напр.:

¹⁾ Абевага русский суевірій. 1786 г. Стр. 224.

³⁾ Метлпнсвій. Народные южнорусскія нѣспи. 1854 г. Стр. 342.
Шейль. В'ѣлорусскія народныя ініснй. 1874 г. Стр. 43.

Великорусе.: Красно солнце—то хозяинъ въ дому...,
Свѣтель мѣсяць—то хозяйка въ дому... ¹⁾).

Нельзя не заметить, что точно такое же величаніе встречается и въ былинахъ и сказкахъ русскихъ, гдѣ князь Владимірь нередко называется солнышкомъ, ласковымъ солнцемъ, краснымъ солнцемъ, напр.:

Отъ того ли отъ солнца Владиміра...

или:

«Солнышко ты, Владимірь стольно-Кіевскій!»

или:

«Гой еси, государь ты мой батюшка,
Ласково солнце, Владимірь князь!»

или:

Запечаловаль князь Владимірь,
Красное солнышко, свѣтъ Святославьевичъ ²⁾).

Въ словѣ о полку Игорев¹⁾; встречается сходное сравненіе героя поэмы съ солнцемъ на небе:

Солнце светится на небесахъ, Игорь князь въ Русской земли ³⁾).

Приведу еще несколько примеровъ величанія того или другаго члена хозяйской семьи въ колядкахъ:

Малорусе.: У нашего пана хороша пани (=хозяйка)
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть (=восходитъ),
По синьцямъ ходыть, якъ заря сходыть.

Или:

А въ тій свѣтлыцѣ стоить Орышечка (=хозяйская дочь),
Убиралася, то-жь и наряжалася;
До церкви пошла, якъ зоря вѣйшла,
У церковь вѣйшла, и засіяла.
Тамъ паны стоялы да їй пыталы:
Чы ты царивна, чы королівна?... ⁴⁾).

Великорусе.: Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка очи ясныя,

¹⁾ Снегиревъ. Русс. прост. ираздн. II, 67.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 1261.-Рыбников*. П*сни Т 143 Ср П 13 і доо «Р-7¹¹-Д^{анн} «^{ар} - Древ-росс. стих. 134, 249—Сахаровъ. Песни русс. нар. 1839 г. V. Приміч. 1-е къ былинамъ, стр. 396

³⁾ Русс. Достой. III, 252.

⁴⁾ Метльнскій. Южнорусс. нар. іс. 331, 332—Ср. Радченко. Сборникъ білорусскихъ и малорусскихъ народныхъ пѣсень Гомельскаго уѣзда. I. Колядия X 28.

У Степанушки (хозяйского сына) кудри русы
По шгечамъ лежать,
Точно жаръ горять 'j.

Въ заключение, какъ дальнѣйшій примѣръ народного славленія, приведу еще свадебную величальную нѣсню, исполняемую въ честь свата:

Слышишь ли, чуешь ли,
Петръ свѣтъ Даниловичъ?
Мы тебѣ ПѢСНЮ поемъ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдь лежитъ,
Что сахарный кусъ на тарелочкѣ,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоить,
То сватушка нашъ за столомъ сидитъ ²⁾.

Повторяю, что о величаній и славленій царей, князей, бояръ и хозяевъ, въ старинныхъ нѣсняхъ скомороховъ, молено составить себѣ некоторое понятіе по приведеннымъ примѣрамъ изъ русскихъ былинъ и народныхъ нѣсень, вероятно въ данномъ отношеній близко сходствующихъ съ величальными песнями скомороховъ.

Чудные рассказы про далекия мѣста, «игра изъ за моря» ³⁾, чудныя повѣствованія «про старыя времена и про нынѣшныя и про всѣ времена доселюшныя», про странствованія и подвиги богатырей (позже—про дѣянія князей, царей) ⁴⁾, про собственное рожденіе, собственные развѣзды и походы пѣвца въ далекой чужбинѣ ⁵⁾, величаніе и славленіе князей и бояръ, «отъ стараго до малаго»—вотъ очевидно главное содержаніе «тонцевъ великихъ» въ игрѣ старинныхъ пѣвцовъ-гусельниковъ, «игры великой», которая вызывала такой восторгъ и удивленіе въ слушателяхъ и такъ щедро награждалась княземъ.

¹⁾ Владыірскія Губ. Вѣдом. 1860 г. № 8.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш. 156.

³⁾ Про Царьградъ, Иерусалпмъ, Сарацинскую землю, Вольнское море, Новгороду Москву, Черниговъ и др.

⁴⁾ Ср. былины: «Илья Муромецъ и Соловей разбобникъ», «Илья Муромецъ и Идолице», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змій», «Добрыня и Алѣша Поповича» и т. п. изъ Владимірова цикла; позже героями былинъ сделались Грозный Царь Пванъ Васильевичу Ермакъ Тимофеевичу Гришка Отрепьевъ, Царь Алексей Михайловичу Царь Петръ, Стенька Разинъ и др.

⁵⁾ Ср. повѣствованія «о рожденьице», «похожденьице», «развѣздахъ Добрыниныхъ» въ былинѣ о Добрыне.

Историческія свидетельства о княжескихъ придворныхъ музыкальныхъ искусникахъ, начиная съ конца XI и до конца XV столітія, почти вовсе умолкають. Упомянется въ Ипатьевской летописи подъ 1241 года лишь вскользь о какомъ-то знаменитомъ певце Митусе, не захотевшемъ изъ гордости служить князю Даніилу¹⁾. Затемъ сохранились лишь йзвестія о забавахъ князей охотою на дикихъ зверей, о пирахъ, продолжавшихся до глубокой ночи и которыми обыкновенно ознаменовывались брачныя торжества. Мы знаемъ далее, что митрополитъ Кирилль (XIII в.) упрекаль ростовскаго епископа Игнатія за то, что онъ ель, пшгъ и веселился съ княземъ Глебомъ Васильковичемъ; но въ чемъ именно заключалось это веселье, и вообще, забавлялись ли музыкой князья съ конца XIII до конца XV века, никакихъ сведеній не существуетъ. О великомъ князе Литовскомъ Ольгирдѣ (XIV века) летописецъ выражается съ особой похвалою: «премудръ бе зело... и воздержаніе имаше веліе... потехи и йгранія и прочихъ таковыхъ не внимаше»²⁾, изъ чего нетрудно заключить, что другіе князья того времени внимали играмъ и потехамъ, Неупомынаніе о музыкальныхъ забавахъ не значить, однако еще, чтобы ихъ совсемъ не было, темъ более, что съ конца XV столетія появляются йзвестія о царскихъ музыкальныхъ потехахъ, въ которыхъ, рядомъ съ отечественными, выдаются уже иноземные искусники-инструменталисты. Такъ въ царствованій Іоанна III, въ 1490 г., выписанъ былъ, вместе съ другими иностранными художниками, органнй игрецъ. При царе Іоанне Грозномъ были въ Москвѣ німецкіе музыканты, прійбывшіе съ другими иноземными мастерами, но деятельность ихъ прошла безследно: сохранилась лишь запись о несколькихъ немецкихъ музыкантахъ въ одной изъ немецкихъ церковныхъ книгъ въ Москвѣ³⁾. При царе Оедора Іоанновиче прібываютъ изъ заграницы органы и клавикорды съ соответствующими музыкантами; при царе Михаиле ведоровиче къ нимъ при-

¹⁾ Поди. собр. рјсс. лбт. XI, 180.

²⁾ Древній літописецъ. 1747. г. 1, 167.

³⁾ Stalilin. Nachrichten von der Musik in Russland, въ Haiffold's Bevlaczen zum neu veranderten Eusslaud. 1770. II, S. 75.

соединяются скрипотчики и цимбальники; а въ частныхъ домахъ появляются на вечеринкахъ игроки на лирахъ. Подробнее объ этихъ музыкантахъ я буду говорить въ другомъ месте.

Въ тоже время находимъ и свидетельства о бахарахъ, въ теченіи XVI и XVII столітій, къ которымъ въ XVII вѣдї присоединяются и домрачеи. И т-і; и другіе служили очевидно представителями, въ позднейшее время, рассмотренной выше «великой игры». Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утехъ въ долгіе осеніе и зїмніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну, замечаетъ г. Забелинъ, была сказка и по всему вероятно не въ специальномъ ея значеніи, какое определила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повести, какъ небылицы, такъ и действительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Сказка въ такомъ более широкомъ смысле слова отождествляется съ теми баснями, противъ баянїи, т. е. сказыванїи или пенїи которыхъ возвышали свой голосъ, какъ противъ скоморошескаго искусства вообще, духовные писатели XIII вѣка: «иже басни бають и въ гусли гудуть», «плясанїе... и басни бающе»; выражеся эти мы встретили уяге выше (стр. 41) и сравнили это «баянїе басней» съ «замышлешемъ Бояновымъ», съ повествовашемъ древними скоморохами фантастическихъ, басноявныхъ разсказовъ. Бахари были очевидно такими ваятелями басепь, сказителями сказокъ. Немцы, описывая монашескую жизнь царя Ивана Васильевича въ Александровской слободе, говорятъ, между прочимъ, что после вечерняго богослуженїа, царь уходилъ въ свою спальню, где его дояотдались трое слепыхъ старцевъ (бахарей); когда онъ лояшлся въ постель, одинъ изъ старцевъ начиналъ говорить сказки и небылицы и когда уставаль, то его сменялъ другой ит. д. Царь отъ этого скорее и крепче засыпаль. У царя Васїлія Шуйскаго былъ бахаръ Иванъ. Въ первые годы царствованїа Михаила Оедоровича баяли басни, въ качестве государевыхъ бахарей, Климъ Орефинъ. Петръ Оапоговъ и Богданъ Путята. Не только въ царскихъ

хоромахъ, но и въ каждомъ зажиточномъ русскомъ доме бахарь былъ въ старину необходимымъ лицомъ. Должность бахарей состояла въ томъ, чтобы, когда боярину скучно, или когда онъ ляжетъ въ постель, сказывать ему сказки, повести, прибаутки, чтобы боярина или развеселить, или усыпить. У старозавѣтныхъ людей и въ начале нашего столѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени ¹⁾. Бахари, въ отлїчїе отъ праотцевъ своихъ—гуляровъ, сказывали (или распевали?) свои повествованія уже безъ сопровожденія музыкальнаго инструмента. Въ одной изъ белорусскихъ колядокъ «бахорь» йзобраяіається ленивцемъ въ домашнемъ быту, какъ и подобаеть профессиональному разсказчику и краснобаю:

По-Бау бахорька по дрова, по дрова,
А яго ськира тупа, тупа,
А яго кобыла лънива, лъпива.
Не стали дрова рубиться, рубиться,
Та задумау ёнь жениться, жениться,
Щобъ за дїткамй лениться, лъниться ²⁾.

Вместе съ бахарями въ памятникахъ временъ Михаила Оедоровича упоминаются домрачеи, т. е. певцы, сопровождавшіе свои песни звуками домръ. Имена домрачеевъ встречаются въ документахъ первой половины XVII вѣка. Съ 1614 г. находимъ имя домрачея Богдана Путяты, въ 1626 г. во время свадебнаго праздника царя Михаила Оедоровича тешили его, между прочимъ, домрачеи Андрюшка бедоровъ да Васька Степановъ. Затемъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII вѣка въ дворцовой потешной палате являются уже домрачеи слепые: Таврило («нотешникъ домрачей»), Яковъ, Лукьянъ Никифоровъ, Наумъ, Петръ («игрецы домрачей»), действовавшіе преимущественно на царицной половине и получавшіе, по приказанію царицы, деньги, то въ награду, то на домерныя струны. Искусство бахаря и домрачея соединялось иногда въ одномъ лицѣ. Такъ упо-

) Заблльнвъ. Дои. бытъ русс, царичъ. 433, 438 и сл.—ЭнциклопедическШ Лексикон. 1836 г. Т. V. «бахарь».

²⁾ Безсоновъ. Білорускія нѣм. 1871 г. I, стр. 84. Бахорь, у білоруссовъ, во объясненіе проф. Безсонова, значить: балагуръ, шугъ; волокита; баятель, 'обаятель-відунъ, ДЩФ.

мянутый выше Богданъ Путята называется то бахаремъ, то домрачеемъ. Независимо отъ бахарей и домрачеевъ тешили Михаила ведоровича и гусельники: гусли, следовательно, еще не совсѣмъ утратились изъ употребленія народныхъ п'ѣвцовъ и сказителей, но, на сколько возможно судить по имеющимся скуднымъ сведеніямъ, въ значительной степени уступили место домрамъ. Г. Забелинъ высказываетъ весьма правдоподобное предположеніе, что бахарь, домрачей и гусельникъ были представителями художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ века. Это были, по выраженію его, «поэты, если и не творцы, за то хранители народного поэтического творчества. Но не можемъ сказать, прибавляетъ г. Забелинъ, что они не были и творцами, ибо есть ноложительныя свидетельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ яшвостью воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ отношеніи для насъ неоценимы песни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Оне воспеваютъ событіе только что совершившееся въ томъ году, пріездъ въ Москву изъ плена государя отца, Филарета Никитича; оне поють смерть недавняго народного героя Скопина-Шуйскаго (1610 г.), оне поють участь царевны Ксеніи Годуновой. (См. у Киреевскаго. Песни. VI, 202, 203, 207). Мы можемъ основательно полагать, что это только незначительный крохи того, чемъ обладало наше старинное песнотворство» *). Въ послѣдствіи на месте домрачеевъ и гусельниковъ встречаемъ какъ при дворе, такъ въ особенности въ русскихъ знатныхъ домахъ, вошедшихъ въ моду въ XVIII веке малорусскихъ бандуристовъ, о которыхъ я буду говорить въ другомъ месте.

Вероятно сходны съ серьезными песнями только что рассмотренныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ были песни, въ одной изъ позднѣйшихъ былинъ именуемая царскими: въ былинѣ «Молодецъ и Королева» русскій молодецъ попадаетъ въ пленъ къ Шведскому королю; отвѣденный въ конюшню.

Забѣлонъ. Дои. бытъ русс. царвцъ. 434—435, 439 -440.

Запль молодежь ігьснй царскія,
Пьени царскія, п&сни умильняя ¹⁾).

Пленительныя песни, которыя поеть райская птичка надъ чудесной кроватью, снаряженной царемъ Васильемъ Окульевичемъ, для прельщенія прекрасной царицы Саламоній, называются также «царскими»:

На той на орленой грядочкѣ
Сидитъ птицынка райская,
Поеть-то пьсенкп царскія ²⁾).

Песни царскія^ песни умильняя (ср. «песню заунывную») пліннаго молодца напоминають Добрыню «игру по уныльнему, по умильнему», его «игру великую», Садкову «игру нежную», доставившія князю Владѣмиру «утехи нежныя», царю морскому—«утехи велѣкія» (ср. выше стр. 29, 30).

бб. Игроки непрофессиональные. Дружинники. Добрыня Никитичъ. Ставрѣ Гоудиновичъ. Соловей Будѣмировичг. Садко- Разные игроки-любители.

Приписывая стариннымъ скomorохамъ-гусельшкамъ («игрецамъ», «веселымъ молодцамъ») созданіе разсмотрѣнной выше «великой игры», воспоминаніе о которой сохранилось въ устахъ нашихъ сѣверныхъ сказителей былинъ,— игры, заключавшейся въ пѣнїи, при звукахъ гуслей, пѣсень, дошедшихъ до насъ, разумеется не безъ йзмененій, въ образъ нынѣшнихъ былинъ, нельзя однако не заметить, что не одни скomorохи, т. е. игроки по профессїи, должны считаться представителями этой игры: рядомъ съ профессионалыымй гусельниками упоминаются въ былинахъ и певцы-любители изъ среды знатныхъ особъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, частью группировавшіеся около вели-

*) Гильфердингъ. Онеж. был. 1321,— Въ одномъ изъ пересказовъ былины «Князь ВолкиНСКІЙ и Ваня ключиигъ», родственной по содержанию съ былиной «Молодецъ и Королева», Ваня (соответствующей «молодцу») восклицаетъ:

Ну подайте мнѣ гуселькп звончатые,
Заиграю я песню заунывную.

(Кйреевскій. Песни. V, 137).

²⁾ Рыбниковъ Песни. II, 280.

кокняжескаго престола — витязи-дружинники, частью стоявшіе самостоятельно, сами образуя центры кружковъ, называемыхъ въ былинахъ дружинами. Такими певцами быля упоминаемые въ былинахъ: Добрыня Никитичу Ставрѣ Годиновичь, Соловей Вудиміровичь, наконецъ Садко, едѣлавшійся изъ простаго гусельника богатымъ гостемъ.

Добрыня

во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ поетъ и играетъ въ образѣ скомороха, въ который онъ нарядился, чтобы неузнаннымъ войти на свадебный нирь. Онъ поетъ не только не хуясе всякаго профессиональнаго играца, но даяге искусство его превосходить скоморошескую игру: все на пиру, даже игроки-скоморохи, приумолкли и заслушались, когда заигралъ Добрыня,

Эдакой игры на свете не слыхано,
На бѣловмъ игры не видано ¹).

Добрыня и «до своего странствованія занимался игрой», у него дома «гусельки яровчаты» лежать

Въ новой горешл все на столике,

ИИ висять

Во глубокомъ погребѣ на гвоздикѣ.

По одному изъ пересказовъ былины о Добрынь, гусли введены были даже въ лукъ, изъ котораго онъ стрелялъ:

Въ тотъ тугдй лукъ разрывчатый, въ тупой конецъ,
Введены были гусельшки яровчаты ²).

Изъ другаго пересказа видно, что Добрыня своей игрой на гусяхъ славился и до появленія въ одежде скомороха: когда заигралъ Добрыня-скоморохъ, дивились игре его цари и царевичи, короли и королевичи,

Еще не было молодаго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,

*) Ср. выше стр. 29.

¹) Рыбников!,. Нѣсна. I, 135, 143, 158.

Ай находится молодой гусельщикокъ (т. е. самъ же Добрыня)
Ёнь не хуже да Добрыни добра молодца ¹⁾).

Добрыня, по словамъ былинь, былъ витязь, богатырь.
Самое рожденіе его ознаменовывается чудеснымъ двиясе-
ніемъ стѣхій. Не туча тупится, говоритъ былипа, не те-
мень темнится, выбегало зверей стадо, въ томъ стадѣ
левъ, а шерсть у льва золоченая,—

Крыцьяль лёвъ по звериному,
Посеypались тутъ круты-красны берёжоцки,
Смутиласе мать Н4пра-рѣка:
Заслышали рожденьпцѣ Добрынино.
Даць въ тоѣ время родился Добрыня кнезь ²⁾).

Въ другомъ мѣстѣ описывается пргбздъ Добрыни въ
Кіевъ: онъ Ёдетъ «издалеча» со слугою своимъ Таропомъ,
пргбзсаеть ко двору Владѣмірову, остаётся здѣсь несколь-
ко лѣтъ, а потомъ отправляется «погулять»; вслѣдъ за
тѣмъ начинаются разныя его нохожденія и подвиги:

Издаlechа, издаlechа во чистомъ полѣ,
Какъ далѣ того на Украйкѣ,
Какъ Ёдетъ побдетъ добрый молодець,
Сильный могучъ богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь-то братцы Никитѣевичъ,
А съ нимъ вѣдь 4детъ Тароиъ слуга.

(Добрыня прибываетъ въ Кіевъ ко двору Владѣміра:)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго осударь князя Владѣміра,
Три года Добрынюшка стольничаль,
Онъ стольничаль чашничаль девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ...

Въ качествѣ богатыря, онъ рубить Чудь, Сорочину
долгополюю, Черкесь, Калмыкъ съ Татарами и пр., уби-
ваетъ Змѣя Горынчица, побораеть бабу Горынкину и т. п. ³⁾).
Свое рожденіе, свои похожденія и разъ-Бзды Добрыня вос-

¹⁾ Гильфердингъ. Онеж, был. 1030.

²⁾ Кірѣевскій. Писнй. II, 11.

³⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. XII, 4!, 134 и сл., 240 и сл. 251

пѣваетъ на неоднократно упомянутомъ выше пиру, въ родѣ скомороха. Онъ удивляетъ и восхищаетъ слушателей своей игрой, но уже и раньше, въ качествѣ дружинника, онъ славился въ этомъ отношеніи какъ великій мастеръ своего дѣла: «не было молодаго гусельщика супротивъ Добрынюшки Микитица».

Такимъ же музыкальнымъ искусникомъ былъ и другой дружинникъ,

Ставрѣ Годиновичѣ.

Онъ выводится въ былинѣ передъ мнимымъ посломъ, подобно Добрыне, въ качествѣ^ будто бы «веселаго молодца» или «загусельщика», т. е. скомороха, но на самомъ дѣлѣ онъ бояринъ, принимающей въ началѣ былинны участіе въ почестномъ пирѣ Владиміровомъ, вместе съ прочими князьями, боярами и богатырями. Онъ попадаетъ въ немилость у князя за то, что похваляется своимъ дворомъ, гриднями и светлицами, которые будто бы не хуяіе города Кіева, по другому пересказу—своей молодой женой. Владиміръ приказываетъ сковать Ставра боярина и посадить его «въ погреба глубокіе». На выручку мужа является его жена. Она щіѣзясаетъ ко Владиміру въ богатомъ платьѣ посольскомъ, выдаетъ себя за грознаго посла изъ Золотой Орды и требуетъ «даней, выходовъ за двенадцать леть». Владиміръ старается угодить послу и на вопросъноследняго, нѣтъ ли у него кому въ гусли поиграть, сначала велитъ вывести «веселыхъ молодцевъ» или «загусельщиковъ», но игра ихъ не веселитъ посла. Вспоминаютъ о Ставре боярине:

Старѣ Ставрѣ сынѣ Годиновичѣ,
Онѣ мастерѣ играть во гусли яровчаты,

или:

Онѣ гораздѣ играть въ гусельшки яровчаты.

Посоль удовлетворяется Ставровой игрой и, прощая Владиміру «дани и выходы», проситъ пожаловать его «веселымъ молодцомъ»¹⁾. И такъ Ставрѣ уже раньше, т. е. еще будучи членомъ друясины великокняжеской, изве-

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 85 и сл.—Рыбников*. Пѣсн. II, 101, 111-

стенъ былъ какъ мастеръ играть въ гусли, и можетъ, следовательно, быть сопоставленъ съ другимъ членомъ дружины, такимъ же мастеромъ—Добрынею. Не имея прямыхъ, непосредственныхъ указаній былинъ на то, что Ставръ и Добрыня играли и пели за Владиміровымъ столомъ, въ качестве дружинниковъ, мы однако видимъ, что они пользовались при Владиміровомъ дворе большою известностью, какъ искусники и мастера игры непрофессиональные, т. е., по новейшему выраженію, были искусными игроками-любителями; могли же при дворе узнать искусство ихъ не иначе, какъ по игре ихъ, раздававшейся здесь, следовательно, еще до отъезда изъ Кіева Добрыни и до заточенія Ставра.

Въ Несторовой летописи читаемъ о «похвале великой», которую дали Андрею Боголюбскому друягинники его отца после войны 1149 г.: «мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всехъ бывшихъ ту». Въ другомъ месте летописи говорится о «песне славной», петой князьямъ Галицкимъ Данійлу и Васйлію за ихъ победу надъ Ятвягами въ 1251 г.: «и песню славну пояху има, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою...»¹⁾. Это была очевидно хвалебная песня, возглашеніе славы князьямъ, какъ пели таковую Боянь-гудецъ, извещъ Слова о полку Игореве²⁾, певцы-гусельники или веселые молодцы, велйчавшіе князя (или царя, или боярина, хозяина). Въ первомъ изъ только что приведенныхъ свидетельства, возгласителями похвалы или славы прямо называются дружинники— можетъ быть то же самое имело место и по отношенію къ князьямъ Данійлу и Васйлію, — летопись умалчиваетъ о томъ, кто именно пель имъ «песнь славну». Славу князьямъ действительно могли воспевать дружинники, между которыми бывали столь искусные, прославленные игроки и певцы, какъ воспетые въ былинахъ Добрыня и Ставръ. Оба последніе умели величать и славить, какъ видно изъ бы-

¹⁾ Поли. собр. русс. лет. I, 140; II, 187.

²⁾ «Слово», хотя и есть произведеде литературное, книжное, т%мъ не менее въ заключительномъ* сламеній князей и дружины сждуетъ примеру, подлаживается подъ тонъ невцовъ-славельниковъ, которые, среди вееелія, по поводу возвращешя изъ похода Игоря, величаютъ князей, «сперва старшихъ, а потомъ младшихъ».

линь: Добрыня «повыигралъ» всѣхъ, отъ стараго до ма- лаго, а Ставрѣ «величалъ князя со княгинею» (ср. вы- ше стр. 43, 45). — Въ позднѣмъ памятникѣ* — «За- донщин-ѣ» — складъ дружинной поэзіи, прославлявшей кня- зей, по замѣчанію г. Хрущова¹⁾, обозначенъ выражетею «гусельныя словеса»: «Той бо віицій Боянь, воскладая свои златыя персты на живыя струны — читаемъ въ наз- ванномъ памятникѣ* — пояше славу Русскимъ княземъ.... восхваляя ихъ ибснми и гуслеными буйными словеса. Азь же восхваляю пбснми и гуслеными словеса господина Рускаго, господина князя Дмитрія Ива- новича и брата его князя Володимера Ондреевича²⁾).

Подобнымъ же, какъ Добрыня и Ставрѣ, непрофессио- нальнымъ гусельникомъ является въ былинахъ и пребы- вающей въ Шевѣ изъ заморскаго города Леденца, на своихъ корабляхъ, съ цѣлю свататься на княженицкой (Влади- міровой) племянницѣ, Запаві; Путятишнѣ, богатый и знат- ный гость.

Соловей Будиапровичъ.

Чудная игра Соловья описывается въ тѣхъ же стерео- типныхъ выраженіяхъ, которыя применяются сказителями былинъ ко всѣмъ вообще искуснымъ гусельникамъ (ср. вы- ше стр. 30 и сл.); новой чертой оказывается лишь то, что Соловей то увеселяетъ игрою свою матушку, то самъ за- бавляется со своею дружною:

Играетъ Соловей въ звончаты гусли...,
Звеселяетъ государыню онъ матушку,
Молоду Ульяну Васильевну.

¹⁾ О древне-русскихъ историческихъ новостяхъ и еказаніяхъ. 1878 г. Стр. 209.

²⁾ Извѣстія II отд. Ил. Акад. Наукъ. VI, 345. — Въ Воскресенской летописи подъ 1242г. (Полн. собр. русс. лет. УП, 151) читаемъ о пбнн славы князю Александру, при возвращеніи его въ городъ Псковъ, после победы его надъ Немцами и Чудью: «яко же нрблизиса великій князь Александръ къ граду Пскову, и сретоша его съ кресты игу- мени и попове въ ризахъ и народъ много предъ градомъ, поющи Господеви славу и великому князю Александру Ярославичу». Летоисецъ даже сообщаетъ текстъ гимна, который нелъ при этомъ случае народъ: «Иисобивый, Господи, кроткому Давыду победить иноплеменника и верному князю нашему оружіемъ крестнымъ, свободы градъ Псковъ отъ иноязычныхъ и отъ иноплеменникъ рукою великаго князя Александра Яро- славича». Здесь славленіе князя получило характеръ религіознаго гимна, благодар- ственной молитвы, въ исполненіи которой участвовали и народъ и духовенство.

Дальше сущность игры точнее обозначена:

Песни поеть и гусли играет
Младь Соловей сынъ Будиміровиць.

Забава его съ дружиною описывается такъ:

Туть-то въ терему скачуть-пляшуть,
пѣсне поють, въ гусли наигрываютъ.
Туть-то младь Соловей сынъ Будиміровиць
Со своей дружинужкой хороброй;
Онъ сидитъ Соловей на стулѣ; черленоемъ,
На черленоемъ стулѣ, золоченоемъ,
Играетъ молодець, забавляется
Со своими дружинами хоробрыми ¹⁾.

Въ терему прѣзжаго знатнаго гостя идетъ пирь, веселится его дружина, т. е. прибывшіе съ нимъ «гости корабельщики и целовальники любимые», скачуть, пляшуть, поють пѣсней. и среди Дружины, на золоченомъ стуле, сидитъ и играетъ въ гусли и песни поеть самъ Соловей. И такъ, и могучій богатырь Добрыня, и бояринъ Ставръ, и знатный и богатый купецъ Соловей изображены въ былинахъ, какъ прославленные игроки.

Остается назвать еще богатаго Новгородскаго гостя

Садко,

который, правда, пока не разбогатель, былъ профессиональнымъ гусельникомъ и ходилъ играть по пирамъ (см. выше стр. 7), но, и сделавшись купцомъ и разбогатевь, не покинулъ своего искусства. Любовь его къ игре выражается меяду прочимъ въ томъ, что, когда выпалъ ему жребій быть выброшеннымъ въ море, онъ еще въ последній разъ, передъ смертью, хочетъ поиграть въ гусли и обращается къ своимъ людямъ:

Аи же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты
Поиграть-то мне въ остатнее:
Больше мне въ гуселки не нгравати ²⁾.

¹⁾ Рыйяиковъ. Нѣснй. I, 319, 331.

²⁾ Тамъ-же. I, 377.

Когда же приходится ему спускаться въ море, онъ берега гусли съ собой.

Создателями, представителями «веселой игры», следы которой сохраняются еще въ былинахъ северно-русскихъ сказителей, были, следовательно, кроме профессиональных игроковъ-скомороховъ, еще и игроки непрофессиональные, витязи или бояре-дружинники, знатные гости и вообще одаренные талантомъ частные люди, не делавшіе своего искусства предметомъ промысла, какъ скоморохи.

«Игра», т. е. йішіе песенъ и инструментальная игра, издавна составляла любимое занятіе частныхъ людей, подобно вышеупомянутымъ дружинникамъ и вообще знатымъ игрокамъ, не практиковавшимъ игры въ качестве ремесла, но упражнявшимся въ ней какъ любители. Въ русскихъ народныхъ песняхъ неоднократно поется о миломъ, о женихе, несущемъ, налаяшвающемъ гусли, играющемъ на гусяхъ (иногда и на другихъ инструментахъ), о хозяине дома, о молодомъ муюлѣ, о приѣзжемъ госте (купце), о казаке, о старомъ и молодомъ, играющихъ на гусяхъ, на гудке, на дудке, на скрипке и т. п., напр.:

а) О хозяинѣ дома:

— По Дунаю по р'ѣкѣ
По бережку по крутому
Лежать гусли неналаженные,
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевбю Андреяновичу
Коляда!
и т. д.

б) О молодомъ мужьѣ:

А у нихъ (молодыхъ) въ головахъ
Звончаты гусли лежать.
И кому въ гусли играть?
Играть въ эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тешить, утйшать

Молоду свою жену
Оксиньюшку свою душу.

Или:

Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудовъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати...

в) Объ удаломъ молодцы.

— ...Позывали удалца

Какъ во пирѣ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть...
Заигралъ онъ во гусли
Заигралъ онъ во звончатые свои...

в) О лобезномъ молодцѣ:

Идетъ любчикъ мой горой,
Несетъ гусли подъ полой.
Самъ въ гусли играетъ...

г) О старомъ и молодомъ:

Во бесѣдушкѣ сидитъ старой
ой люли, постылой!
На койняхъ держитъ гусли
Ой люли, лубяные!
На гуслицахъ струны
Ой люли, мочальня!
Старой въ гусли заиграетъ...

Отъ его игры сердце ноетъ, ноги подломились и пр.; за тѣмъ описывается игра молодого:

Во бесѣдушкѣ сидитъ молодой
Ой люли, мой лобезной!
На кол[^]няхъ держитъ гусли
Ой люли, звончатые!

На гуслицахъ струны
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграеть...

Отъ его игры сердце радо, ноги расплясались и пр.

д) *О боярахъ (свадебныхъ гостяхъ):*

Бояре въ трубу трубятъ
Молодые въ золоченую.

(Ср. сказанное по поводу этой игры выше, стр. 24—25).

е) *О загъжемъ гости (купецъ):*

...Забъжій гость,
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невъсту себѣ.

ж) *О Донскомъ казатъ:*

Ходилъ, гулялъ Донской казакъ, самъ во скрипку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ¹⁾.

Въ сказці объ Йвані Пономаревйчі; читаемъ: «Нача (сынъ пономаря) въ гусли играть преславны игры, і уди-
вися турской посоль игранію тому, и красотѣ, і разу-
му, и премудрости». Изъ поученія митрополита Даніила
усматриваемъ что и лица духовнаго званія упражня-
лись въ йгрі: «Нынѣ же суть нѣцци отъ священныхъ,
яже суть сій пресвитеры и діаконъ, уподіаконъ, и
чтеци, и півцй, глумяся, играютъ въ гусли, въ
з(д?)омры, въ смыки... и въ п-ѣснехъ бісовскйхъ...²⁾».

Разлічїе исходныхъ точекъ игроковъ-любителей: дру-
жинниковъ и вообще лицъ, стоявшихъ на боліе высококомъ
умственномъ уровне, съ одной стороны,—и игроковъ про-

¹⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 17, 30, 41, 50, 97—98, 99, 179, 262; ср. 33, 96, 120 п др.—Ср. выше стр. 23: «Неренялъ гусли свѣтк йвановичъ,—онъ сталъ играть, во всю ночь не спать», также стр.54: слова Ванн ключника: «ну по-
дайте мнѣ гусельки звончатые, заиграю в нѣсню заунывную!».

²⁾ Нам стар. русс. лит. D, 319; IV*, 201.

фессиональныхъ, снискивавшихъ себ* пропитаніе своимъ искусствомъ или в*рн*е — ремесломъ,—съ другой, должно было до известной степени отзываться и на характер* ихъ игры. Въ то время какъ игроки непрофессиональные, а такяе и профессиональные, проявлявшіе свое искусство при княжескихъ дворахъ, могли свободно следовать высшимъ идеаламъ, игроки профессиональные непридворные, углублявшіеся въ толпу народную, отъ которой полупали средства къ жизни, невольно должны были подлаживаться подь бол*е грубые, ч*мъ въ княжескомъ кругу, вкусы и требованія массы, делались въ полномъ смысл* слова «поташниками», увеселителями толпы, при чемъ естественно игра ихъ должна была принимать бол*е вульгарный, площадной характеръ, утрачивая велйчіе стилиа игры придворной. Надо полагать, что разлйчіе въ характер* игры т*хъ и другихъ было приблизительно то же, какое представляло на запад* искусство трубадуровъ (знатныхъ, независимыхъ п*вцовъ-поэтовъ) съ одной стороны и ясонглёровъ (игрецовъ и иот*шниковъ по ремеслу, проявлявшихъ свое искусство не только при княжескихъ дворахъ, но и на улицахъ и площадяхъ въ народ*)—съ другой '). Впрочемъ, какъ видно изъ былинъ, и при великокняжескомъ двор* не одно велйчіе стилиа п,*нилось въ искусств* игреца: едва ли не выше еще почиталось веселье игры.

г. Веселая игра.—Плясовая игра.

Князь Владймръ особенною почестью награждаетъ Добрыню-скомороха за игру его веселую, саяіая его за столь рядомъ съ собою:

Говоритъ Владймръ стольно-кйевскій:

«Ахъ ты ей, удалой скоморошина!

«Опускайся изъ печки изъ запечки,

іСайеь-ко еь нами за дубовъ столь хлЪба кушати,

«Станемъ білыя лебедушки мы рушати.
«За твою игру за веселую
«Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
«Перво мѣсто сядь подли меня,
«Друго мѣсто суиротивъ меня,
«А третье мѣсто, куда самъ захошь».

Или:

«Ты садись-ко съ нами на почетней пирь на золотъ стуль,
«А въ особину гдѣ мѣсто е понравится» *).

Въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ былины
о Добрыиѣ, сей ПОСЛѢДНІЙ велить принести на свадебный
пирь «гусельшка яровчаты»,

Звеселить свое сердечко богатырское,
и далізе, какъ заиграль Добрыня въ гусли,
Звеселиль-то онъ лаековаго князя да Владиміра..,

или:

Всихъ да на пиру и извеселиль,
И всихъ да на пиру игрой утѣшилъ въдъ ²).

Поигравъ на свадебномъ пиру и приведя слушателей
въ йзумленіе и восторгъ, Добрыня просить княгиню, чтобы
она поднесла ему, скоморошин-ѣ, чару зелена вина въ пол-
тора ведра, примолвивъ:

«Еще повеселяе стану играть въ гусли звончатя» ³).

Въ другомъ пересказѣ той же былины, на Олешиной
свадьбѣ

Вси въ гудки играютъ, и вси увеселяють ⁴).

Въ былинѣ о Ставрѣ Годѣновѣчѣ, по просьбѣ; посла
выпускають на пирь загусельщиковъ:

Всѣ они играютъ—все не весело..,

¹ Рыбниковъ. Писнѣ. I, 136.—Гильфердингъ. Онеж. был. 136.

² Гильфердингъ. Онеж. был. 135, 136, 179, 608.

*) Рыбниковъ!., Песни. II, 19.

4) Кир'евскій. Песни. II, 13.

или, по другому пересказу:

Вот на пиру пьяны-веселы,
Столько (=только) не весель былъ грозень посоль да Василюшша.
Говорить какъ солнышко Владѣмѣрь князь:
«Кто бы могъ развеселить
«Грозна Посла да Василюшка?..»
— Развеселить ли одинъ старъ Ставеръ...
— Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты ¹⁾.

Чурила Плепковипъ, поступивъ въ постельнипы къ князю Владпміру, им*ль обязанностью спот*шать, т. е. увеселять игрою княжескую чету:

Стелеть (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьиде высокое,
И сидитъ у зголовьица високаго,
Играеть въ гусельшки яровчаты,
Спотъшаетъ князя Владишра,
А княгиню Опракею больше того ²⁾

Точно такъ и Соловей Будѣмѣровѣчъ увеселяеть игрою свою матушку:

Играеть... въ звончаты гусли...
Звеселяеть государыню онъ матушку
Молоду Ульяну Васильевну ³⁾.

Нельзя, разумеется, во вс*хъ только что приведенныхъ случаяхъ принимать слова: «развеселять», «увеселять» и т. п. въ буквальномъ смысл*,—они могутъ выражать и доставленіе худои-сественнаго удовольствія вообще, какое давала и «великая игра» т*хъ же гусельниковъ; но въ н*которыхъ случаяхъ уже очевидна склонность автора былинъ къ выражение данными словами разгульнаго, плясоваго, близкаго къ пьяному веселья: «вс* на пиру пьяны-веселы», невесель одинъ посоль, надо его развеселить—говорится въ былин*, средствомъ къ тому служить мастерская игра стараго Ставра. Добрыня просить угостить его чарой вина, тогда еще повесел*е

¹⁾ Рыбняковъ. Меля. П., 100, 110.—Ср. Гальфеддингъ. Онеж. был. 73

²⁾ Рыбняковъ. Песни. I, 265.

³⁾ Тамъ же: I, 319.

будеть играть (ср. выше стр. 65, 66). Дуда, или волынка, одно из наиболее употребительных музыкальных орудий поздних скоморохов, в малорусской свадебной и белорусской плясовой песнях называется веселухой (см. ниже стр. 75). По словам другой малорусской песни, игра на дуде способна разгонять горе, развеселять: девушка

За три копы селезня продала,
А за копу дударика наняла:
«Заграй, заграй, дударик по дуду,
«Нехай же я свое горе забуду »).

Веселая, в буквальном смысле слова, игра естественно связывается с пляской. Так в терему, где забавляется с дружиной и играет Соловей Будимирович, пляшут и поют:

Тут-то в терему екачуть-пляшуть,
песни поють, в гусли наигрывают ²⁾.

Или:

Там все скачуть, пляшуть они, песни поють,
Во музыки да во скрипочки наигрывают ³⁾,

Ставрова игра увлекает к пляске много посла: Ставр натягивает струночку от Киева, другую от Царяграда и т. д., прибавляет пружинки из за синя моря,

Какъ сталъ тутъ грозень посоль Василюшка похаживати,
Сталъ онъ поплясывати,
Какъ сталъ да выговаривать... ⁴⁾

Садко своей игрой в подводном царстве «спотышил» и «развеселил вслех» на почетном пиру игра его прямо возбуждает к пляске:

Сталъ онъ (Садко) в гусельшки поигрывать...
Сталъ царь Водяникъ поскакивать,

⁴⁾ Рубець. Сборник украинских народных песен. Вып. III, № 9.

²⁾ Рыбниковъ. Песни. I, 331.

³⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 287.

⁴⁾ Рыбниковъ. Песни. II, 101.

⁵⁾ Там же: 386, стр. 878.

А царица Водяница поплясывать,
Красныя девушки хороводъ водять,
А мелкая четь въ присядку пошла ¹⁾.

Или:

Береть онъ (Садко) гусельшки яровчаты:
Тутъ поддонный царь распотешился
И началъ плясать по палаты белокаменной,
Онъ подами бьетъ и шубой машеть,
И шубой машеть по бълмы стЗшамъ ²⁾.

Въ плясовой пѣсн* «ходила младешенька по борочку» изображается домашнее веселье, подъ звукъ инструментовъ:

У мепя квартирушка веселая...
Играють два хлопчика на гусяхъ,
А я добрый молодецъ на скрипицѣ;
Ты будешь, душа моя, танцоватц,
А я добрый молодецъ припѣвати ³⁾.

Белорусская плясовая пѣсня восиѣваетъ дуду (во-
лынку), какъ направительницу ногъ при пляскѣ:

Ой безъ дуды, безъ дуды,
Ходюць нязки ня туды;
А якъ дудку почуюць,
Сами ноги танцююць ⁴⁾.

Игра въ гусли, по словамъ былинь, приводитъ въ движение и стѣхій: Садко-гусельникъ, соскучившись, что его не зовутъ на пиръ играть, отправляется къ Ильмену-озеру, садится на горячь-камень и начинаетъ играть. Отъ звуковъ его игры море приходитъ въ волнение, песокъ поднимается со дна:

Ай волна ужъ въ озерѣ какъ сходиласе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутилосе ⁵⁾.

⁴⁾ Рыбников!,. Утай. I, 369.

²⁾ Кнріевсвій. Пѣсн. Т, 39.

³⁾ Рйаскій-Корсаковг. Сборн. русе. нар. литр., I, Д4 37.

⁴⁾ Шейнъ. Белорусе. нар. пѣс. 265.

⁵⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 385.

Басовская, по мнѣнію средневѣковыхъ, отчасти и позднѣйшихъ, хриспанскихъ писателей, неотразимая сила гудьбы, т. е. игры на инструментахъ, неволью увлекающая слушателей въ пляску, изображена въ нѣкоторыхъ сказатяхъ и иоучетяхъ, направленныхъ противъ ненавистой этимъ писателямъ, какъ наслѣдія язычества, музыки: въ Несторовой летописи (по Лаврентьевскому списку, подъ 1074 г.) описано видѣніе великаго постника и затворника, преподобнаго Йсаакія, которому явились бѣсы, снабженные музыкальными орудіямъ; противъ звуковъ послѣднихъ не устоялъ и самъ Йсаакій: «Възмите сопілѣ. бубны и гусли и ударяйте; ать ны Йсакій спляшетъ», вскричалъ старшій бѣсъ, «и удариша въ сопели, въ гусли и бубны, начата имъ играти; и утомивши ѿ, оставиша ѿ оле яшва и отыдоша, поругавшеса ему»... «Се уже прелстилъ мя еси бѣль, дьяволе», воскликнулъ въ послѣдствіи Йсаакій, намекая на увлекшую его въ пляску игру бѣсовскую¹⁾. Аналогичную картину изображаете одна изъ песенъ Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи). Въ кельізъ лежитъ старица, слуга возвѣщаетъ ей, что къ обѣднѣ звонятъ. но старица не въ силахъ встать: руки и ноги у нея болятъ, перекреститься не можетъ. Во второй половинѣ; той же игьснѣ картина меняется:

Въ кольи старица лежитъ,
Передъ ней слуга стоитъ,
Таки р'ѣчи говоритъ:
«Ужъ ты старица встань,
«Снасеная душа встань,
«Скоморохи вонъ идуть,
«Всяки игры несуть».
— Ужъ и встать то бы мнѣ,
— Понлясать-то бы мнѣ>,
— Стары ноги норазмятъ,—²⁾.

<) Полн. Собр. Русс. Лѣг. I, 82,84.—Въ жлѣтій сн Нсамія видѣніе это описывается такъ: явились къ нему бѣсы въ видѣ прекрасныхъ юношей, «ихъ же лица бяху аки солнце», и «удариша (бѣсы) въ сопели, типаны и гусли, Йсакія же поелше, начата съ нимъ скакати и илясати на иногъ часъ, и утрудивше его, оставиша елѣ жнаа суша, и тако поругаашеса ему ичезоша». (Печер. Патер. 110).

¹⁾ Цальчиковъ. Крест. «Бс. № 29.

Подъ игры скомороховъ немощь старицы, следовательно, исчезаетъ, и она готова пуститься въ пляску.

На одной изъ народныхъ картинокъ изображены шутъ (= скоморохъ) и шутиха, оба въ шутовскихъ костюмахъ. Шутъ играетъ на волынк*, а шутиха, подбоченясь, танцуетъ. Въ подписанномъ текст*, между прочимъ, шутиха выражается объ игр* шута такъ: «куда мн* сия музыка приятна и кплесанію по ней веема задорна»

Въ слов* «о Нед*л*» Епископа Евсевія (XIII в*ка) изображается народное игрище въ воскресный день: взгляните въ этотъ день на игрище, говоритъ авторъ слова, «и обрящете ту овы гудуши, овы пляшуши»²⁾. Въ слов* «о Русаліяхъ» описывается, какъ по улиц* н*кій челов*къ «скача съсоп*лми, исъ нимъ идяше множество народа, послушающе іего, ини же плясаху и пояху»³⁾. Ниже мы встр*тимъ описаніе неотразимаго, возбуждающаго къ скаканію и плясанію д*йствія на толпу народную игры въ бубны, соп*ли и струны—въ посланій Памфила (1505г.), игры гудцевъ и скомороховъ—въ постановлешяхъ Стоглава (1551 г.).

Понятно, что искусники или пот*шники, способные такъ «взвеселять» слушателей, получили издавна характеристическое прозвище «веселыхъ людей», «веселыхъ мододцовъ» (или «ребячь»). Есть даже основаніе полагать, что и старинные исполнители «великой игры» не гнушались «веселой игры»; напротивъ, посл*дняя служила для выраженія страстей, разгула, душевныхъ порывовъ п*вца-гусельника, нер*дко почерпавшаго свое веселье и вдохновеніе изъ «чары зелена вина въ полтора ведра» (ср. выше стр. 65). О томъ, какъ въ одномъ лиц* могло соединяться искусство великой и веселой (плясовой) игры, можемъ судить, независимо отъ вышеприведенныхъ прим*ровъ изъ былинъ, гд* названнымъ славнымъ гусельникамъ приписывается то великая, то весе-

¹⁾ Ровинскій. Русскія народныя картинки (Сборникъ отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. т. XXIII). Кн. I, стр. 317.

²⁾ Сревневскій. Свід. и snirti. XLI, 34/

³⁾ Пам. стар. русск. лит. I, 207.

лая игра ¹⁾), еще и по следующему пересказу былины о Добрыи-},; играющемъ сперва «по уныльному, по умильному», а вслѣдъ за тѣмъ—«по весѣлому»:

Становился тутъ Добрыня ко порогу,
Повель онъ по гусельшкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по уныльному,
По уныльному, по умильному.
Какъ вей то вѣдь ужъ князи и бояри ты,
А ты эти русійскіе богатыри
Какъ вси они тутъ пріослушались.
За тымъ заигралъ Добрыня по весѣлому;
Стало красно солнышко при вечери,
А сталь то тутъ почетной пирь при весели...
Играть-то всё Добрыня по весѣлому,
Какъ всѣ оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ веб оны затымъ вѣдь росплясалисе,
А скачуть пляшуть вей промежу собой ²⁾.

Такой же переходъ певцовъ отъ серьезной или великой игры къ веселой засвидетельствовать Олеаріемъ. Упомянутые имъ два ладожскіе музыканта (домрачей [?] и гудочникъ, см. стр. 45), за столомъ иностранныхъ пословъ воспевавшіе Государя Михаила Оедоровича, т. е. исполнявшіе «великую игру», когда «заметили, что ихъ хорошо приняли (послы), начали—по словамъ Олеарія—выделявать разныя шутки и пустились плясать (мы тотчасъ увидимъ, что скоморохи-музыканты нередко въ одно и тоже время, были и плясунами) всякимъ способомъ, какимъ пляшуть у нихъ (Русскихъ) обыкновенно мужчины и женщины» ³⁾.

Какъ выше, на основаній дошедшихъ до насъ въ былинахъ сведеній о «великой игре» скомороховъ-гусельниковъ, мы пришли къ заключению, что, по крайней мірі

⁴⁾ Добрыня награждается Владишромъ то за великую, то за веселую игру; Ставрѣ то играетъ про Царьградъ, про Юевъ и т. и., величавтъ князя в княгиню, то своей игрой увлекаетъ носла къ пляскѣ; въ терему Соловья Будѣмировича слышится его игра про Новгороду Ерусалимъ и проч., и тутъ же «скачуть-нзяшуть» при звуки пісевъ и гусельной игры; парь морской въ одномъ случай называетъ Садкову игру «важною», доставляющей ему «утѣхи великія», а въ другомъ—онъ подь звуки Садковой-же игры пускается въ пляску со всей сівоей свитой.

³⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 250.

³⁾ Подроб. опис. путеш. въ Мог.ков. 26.

отчасти, имъ можетъ быть приписываемо созданіе пѣсень-былинъ (къ которымъ мною причислены были и шуточные былины-сказки), такъ нынѣ, после только что изложенныхъ извѣстій о возбуждаемыхъ игрою скомороховъ веселье и разгул!; о непосредственномъ отношеніи скоморошней игры къ пляскамъ и сопровождающимъ послѣднія плясовымъ пѣснямъ, о тѣснѣйшей связи ея съ плясовыми пѣснями, — само собою возникаетъ предположеніе, что скоморохи же были и авторами многихъ разгульныхъ и плясовыхъ пѣсень, изъ которыхъ некоторыя, быть можетъ, дошли и до нашего времени. Действительно въ числѣ нынѣшнихъ веселыхъ, разгульныхъ, плясовыхъ пѣсень, мы встречаемъ и ѣсни, стоящія несомненно въ близкой связи съ дѣятельностью скомороховъ, напр, песни «о Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, «о Госте Терентьщце» и т. п., въ которыхъ въ юмористической формѣ и съ очевиднымъ оттенкомъ самодовольства воспеваются проказы и проделки скомороховъ (ср. ниже)-, кроме того плясовыя песни, въ которыхъ упоминается «о веселыхъ молодцахъ», строящихъ себе «по гудочку», — песни, где вообще неоднократно говорится о волынкѣ, гудкѣ, балалайкѣ, гуслихъ, скрипкѣ, принадлежности скомороховъ-плясуну или скомороховъ-игроку для пляски, объ изготовленіи музыкальныхъ орудій и игрѣ на нихъ. Сюда же следуетъ отнести и некоторыя изъ свадебныхъ пѣсень, въ которыхъ отразилось обрядное участіе въ свадебномъ пиршествѣ скомороховъ съ дудами, домрами и прочими музыкальными орудіями. Разумеется, отнести подобныхъ пѣсень, нынѣ распѣваемыхъ народомъ, къ эпохѣ скомороховъ, или даже одно только сближеніе ихъ со скоморошескими пѣснями, не выходитъ изъ пределовъ простаго предположенія. Таковы напр. слѣдующія песни, изъ которыхъ привожу некоторыя отрывки:

(Плясовая): Какъ шли прошли веселье,
Люли, люли, веселье ¹⁾.
Два молодца удалые.
Они срезали (съракитовагокусточка) по пруточку,
Они сделали по гудочку ²⁾.

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждого стиха.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 87,—Мотивъ странствовала «веселыхъ молодцовъ. или «гудцовъ» и сріізыванія или съ дерева (ракиты, березы, явора) прутьевъ

Сходный мотивъ вплетается и въ шуточную, снабженную т*мъ яге принѣвомъ: «люди», плясовую лее пѣшо, въ которой проявляется необузданная до нахальства веселость, столь свойственная скоморохамъ. Слова иѣсни влагаются въ уста молодух*:

Срѣжу съ березы три пруточка,
Люди, люли, три пруточки ¹).

Сделаю три гудочка,
"Четвертую балалайку,
Стану въ балалайку играти,
Пойду на новья сѣи,
Стану я стараго будити,
Встань мой старый—пробудися,
Воть тебѣ помои—умойся,
Воть тебѣ онучи—утрися,
Воть тебѣ лопата—помолися,
Воть тебѣ камень—удавися ²).

или срубаша дерева, чтобы сделать изъ него гусли, весьма распространен! въ иііснѣя какъ Русскихъ, такъ и западныхъ Славянъ, при чемъ этотъ мотивъ въ западно-славянскихъ нѣсняхъ связывается съ другимъ, мистическимъ—предварительнымъ превращеніемъ дѣвушки въ срубаемое дерево, напр.:

(Моравск.) Putovali hudci,
Tri vtrni mladenci.
Putovali polem,
RozmluTali spolem.
Uhjedli tam drevo,
I)revo jaborove
Na liuslicky dobre...

(Sušil. Moraysk̄ narodni pisn̄. №146,—Ср. Koželucha. Kytice r narodni-1. ЧЧШ morayskych val'ichiv. 1874. № 46.)

(Словак.) Isli hudci horou,
Horou jayorojou.
Našli drevo krasno
Na liuslicky hlasno...

(Slovensk̄ spevy. yyd. priat. slov. spevov. 1880. № 53,—Ср. Kollar. Narodie Spiewanky. 1834—1835. II, 4.)

(Чешек.) Vandrovali hudci,
Dva pekni mla'denci и т. д.

(Erbey. Pjsne nirodnj w Cechach. 1842—1845. III, 221.)

Не объясняется ли распространенность въ пѣсняхъ данного мотива странствованія («путованія», «вандрованія») «гудцовъ» или «веселыхъ мододцовъ», и срѣзываютъ дерева на гусли, действительнымъ, странствовашемъ по славянскимъ землямъ «прохожихъ скомороховъ» или «гудиозъ», изыгъсень которыхъ этотъ мотивъ могъ переходить въ народный песни, где и сохранился до нашего времени?

¹) Прійіівъ поел!» каждаго стиха.

РимскШ-Горсаковъ. Сбор. русс. нар. пѣ'. I, № 39 —Ср. Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 85.

Хороводная песня, по содержанию своему близко сходная с только что приведенной плясовой, начинается с возгласа, обращаемого к волынке, и притом с притяжательными «моя» (волынка), что подает повод думать, что автором ее был скоморох-волынщик, хотя дальние слова песни, как и в предыдущем примере, влагаются в уста женщины, в данном случае—снохи:

Заиграй моя дубинка,
Завалий моя волынка,
 Любо, любо моей дочке,
 Заиграй моя волынка ¹⁾.
Свекорь с печки свалился,
За колоду завалился.
Кабы знала, возвестила,
Я повыше бь подмостила,
Я повыше бь подмостила,
Свекру голову сломила,
За колоду завалился,
Говядиной подавился ²⁾.

В плясовой песне, записанной г. Римским-Корсаковым, изображается бегущий «по травке по муравке» гусельник—«легонькой детинка»; одетый «не в шубе, не в кафтане», а «в полушелковом халате», онь

Подь полою несеть гусли,
Подь правую звончатя:
«Заиграйте мои гусли,
«Заиграйте звончатя!...» ³⁾.

Своеобразно одетый гусельник, обращающийся к «своим гусям» (ср. выше: «моя волынка»), воспеваемый в плясовой песне, представляет вероятно воспоминание о скоморохе-гусяре, и самая песня, воспеваящая гусельника, подобно названному выше (стр. 72) песням о «веселых», о «Госте Терентьище», прославляющим проказы и подвиги скоморохов, может быть предположи-

¹⁾ Прійітв уосіт вашдаго двустійія.

²⁾ Балакирев!. Сбор. русс. нар. пѣс. № 25.

³⁾ Сбор. русс. нар. піс. I, X 26.

тельно причислена къ категорій песень, сближающихся съ песнями скомороховъ.

Следующая малорусская свадебная песня такъ и просится въ уста разгулявшагося скомороха-дударя, восхваляющаго потерянную свою дуду:

На поповскомъ лугу, ихъ! вохъ!
Потерявъ я дуду, ихъ! вохъ!
То не дудка была, ихъ! вохъ!
Веселуха была, ихъ! вохъ! *).

Въ родственной белорусской плясовой песне, гораздо шире развитой, повторяется тотъ же мотивъ: У отца три сына, — первый пасеть овецъ, второй плететь «ходаки» (обувь), А третій—дударь. ПОСЛѢДНІЙ поетъ, подобно малорусскому дударю предыдущей песни:

Якъ повѣсиу я дуду
Да й на зеленомъ лугу,
Моя дудка звалилася,
На кусочки разбилася.
Чи ня дудка была,
Вяселушка была,
Вяселила меня
На чужой стороні ²⁾.

д. Скоморохи плясуны.

Изъ приведенныхъ выше свидетельствъ видно, что скоморохи на пирахъ и собрашяхъ играли на инструментахъ, пели, нередко возбуждая своей «веселой игрой» присутствующихъ къ пляске. Упоминаемая и порицаемая въ старинныхъ памятникахъ «плясба» на пирахъ и свадьбахъ, разумеется, происходила подъ звуки скоморошьей игры и плясовыхъ песень: «плясаніе» на пирахъ нередко называется вместе съ «играшемъ» и «гуденіемъ». «Йграніе

¹⁾ Рубецъ. Сбор. упр. нар. н4с. III, Л? 2.

²⁾ Шейнь. Білорусс. нар. н5с. 265.

П плясаніе и гуденіе входящемъ вѣстати всемъ (со стола), да не осквърняютъ имъ чувьсва вѣдиніемъ и слышаніемъ», предписывается іерейскому чину въ посланіи Іоанна митрополита русскаго¹⁾. Кирилль Туровскій вооружается противъ плясанія на пиру, и на свадьбахъ, и въ павечерницахъ, и на транезахъ, и на улицахъ²⁾. О пир* съ плясаніемъ и смехомъ говорится въ устав* «о велицемъ пост*» (въ Дубенскомъ сборник* правилъ и поученійXIVв.), а въ правилахъ «отъ Левгитика» (изъ того яге сборника) читаемъ: «крестіаномъ позваномъ бывшимъ на бракъ не подобаеть плескати (=бить въ ладони или рукоплескати) или плясати»³⁾. Душою большинства этихъ илясокъ, а равно и плясовыхъ увеееленій, о которыхъ упоминается въ выписанныхъ раньше (стр. 70) свид*тельствахъ, были, разум*ется, скоморохи, необходимые участники пировъ и свадебныхъ торжествъ, нер*дхсо сами пускавшіеся въ скачъ и въ пляску. Я упомянулъ выше (стр. 10) о древней фреск* Кіевско-Софійскаго собора, на которой изображены пляшуіціе музыканты (одинъ йграющій на флейт*, другой—на тарелкахъ). Въ слов* о русаліяхъ говорится о челов*к*, скакавшемъ съ соп*льми, т. е. о плясавшемъ соп*льник* (музыкант*) или скоморохе. Въ повести «о пляшущемъ.бесе» (XII в.) старецъ рассказываетъ, что виделъ «отрока въ скомрашь одеяси», т. е. одетого скоморохомъ, который передъ нимъ «нача плясати» вопрошая его: «старче! добро-ли я пляшу?»⁴⁾. Симеонъ Юродивый, котораго, по словамъ жїзнеопїсанія его (по рукоп. XIV в.), граягдане называли игръцомъ, т. е. скоморохомъ, плясалъ на игрише⁵⁾. По определенно Домостроя (XVI в.), дело скомороховъ--«плясаніе и сонели, песни бесовскія»⁶⁾. Плясцы, свирельники, гусельники и смычники упоминаются Паладіемъ мнихомъ-, плясуны и волынщики называются рядомъ, въ качестве грешниковъ, въ русскихъ духовныхъ стихахъ⁷⁾; о песняхъ плясцовъ

¹⁾ Русск. достопам. I, 95.

²⁾ Нам. рос. слов. XII в. 94.

³⁾ Срезневскій. Свід. и замѣт. LVII, 312, 313.

⁴⁾ Нам. стар. рус. лат. I, 202, 207.

⁵⁾ Срезневскій. Древніе славянскіе памятники юсоваго пїсьмі. 222 Гл. 26.

⁶⁾ См. у Всеселовскаго. Розыск, въ обл. рус. дух. стих. VII, и, 197.

и скомороховъ говорится въ Стоглаве 'j. Князь Даншль фонъ Бухау, бывшій въ Москве, въ качестве посла отъ императора Максѣмиліана II, въ царствованіе Іоанна Грознаго, описывая московскіе нравы, говоритъ, что на свадьбахъ юношамъ не дозволялось водить, взявшись за руки, хороводы вместе съ девушками, такъ какъ это подавало бы поводъ къ разжиганію страстей: «одни только гйстріоны (*histriones*, т. е. скоморохи), выгоды ради, исполняли публично некоторый пляски съ нелепыми тілодвиженіямъ»²). Кельхъ рассказываетъ, что на происходившей въ Москве свадьбе Магнуса Голштинскаго съ русской княжной Маріей (въ 1573 г.) присутствовалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ, который былъ очень веселъ и, въ честь немецкихъ гостей, устроилъ разнообразныя и отчасти срамныя пляски (*yielerley und eines theils schandliche Tiintze anstellte*, т. е. вероятно велелъ плясать скоморохамъ)³). О пляскахъ въ «машкарахъ» (т. е. въ маскарахъ), которыми предавался, вместе со скоморохами, царь Іоаннъ Васильевичъ, свидетельствуетъ князь Курбскій⁴). При великокняжескихъ дворахъ русскихъ встречаются и спеціальныя плясицы, представлявшія собою одинъизъ видовъ скоморошества⁵). Вечеринки московскихъ жителей, по словамъ Маскевича (1611 г.), оживлялись плясками и кривляніямъ шутовъ («блазней»)®). О пляскахъ скомороховъ говорится и въ Наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.): «повелевающе... скомрахомъ... руками плескати и плясати»⁷). Ладожскіе музыканты-скоморохи, упоминаемые Олеаріемъ (см. выше стр. 71), сперва славили царя, а потомъ пустились плясать. Тотъ же авторъ говоритъ о безстыдныхъ пляскахъ странствующихъ русскихъ коме-

<) Гл. 93.

²) D. P. G. I. z. o. V. i. s. h. a. u. *Moscoviae ortus et progressus*, вв *Scriptores rerum Iltoci carum*. И (1853). Pag. '23.

³) Kelch. *Lieflandische Historia*. 1095. S. 311.

⁴) Скаванія. 81.

⁵) Въ описаніи выхода великой княгини Елены (супруги в. кн. Василія Іоанновича) съ невістой великокняжескаго брата (князя Андрея Іоанновича) читаемъ: «И какъ великая княгиня сошла къ великому князю, и передъ нею шли плясицы». (См. у Соловьева. *Ист. Росс. V*, 476 пр. 395.)

⁶) Сказ, соврем, о Димитр. Сяя«ав. V, 61

⁷) Акт. (арх. эксп.) Ш, № 264.

діантовъ, т. е. скомороховъ¹⁾). Въ слов* «о корчмахъ и пьянств*» говорится объ играцахъ съ гуслими, екршгблями и др. музыкальными орудіямй, игранщихъ, бесящихся, скачущихъ и ноющихъ песни²⁾). Въ слов* о в*р* христіанской и жидовской (по редакціи XVIII в.) скоморохъ, победившей въ преній яшдовскаго философа, «нача плясати и играти»³⁾). На одной изъ народныхъ картинокъ представляются плясунъ и скоморохъ, собственно—два скомороха: одинъ пляшуіцій, а другой йграюіцій на волынке⁴⁾). Въ песне о «Веселыхъ» т. е. скоморохахъ, деятельность ихъ изображается такъ:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать⁵⁾.

Наконецъ, народный русскія поговорки: «не учи плясать, я и самъ скоморохъ», или: «всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ»⁶⁾),—окончательно устанавливаюсь за скоморохами репутацію спеціальныхъ плясуновъ.

е. Увеееляють народную толпу.

аа. Играють на улицахъ и площадяхъ сель и городовъ, на кладбищахъ и поляхъ.

Не только на пирахъ и на свадьбахъ, не только въ княжескихъ налатахъ, въ боярскихъ хороммахъ и домахъ частныхъ людей, показывали свое искусство скоморохи, но и на улицахъ, на площадяхъ, на поляхъ, отправляя обыкновенно по воскресеньямъ и въ иные празднич-

•) Подр. опис. путеш. въ Москов. 26, 178.

¹⁾ Си. у Забелина. Опытъ йвученія русскихъ древностей и йсторій. 1872 г. I, стр. 187.

²⁾ Тихонравовъ. Лет. русс. лит. и древ. I, 78. (Ср. ниже гл. 3).

³⁾ Ровинскій. Русс. нар. карт. I, 317.

⁴⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I, ш, 221.

о) Шуты и скоморохи. «Йсторич. Вбстн... Т. XXXII, 462.—Велнивъ. О скоморохахъ. 92.

ные дни свои «игры», для увеселенія народа. Если уже на пирахъ и свадьбахъ скоморохи были главными зачинщиками песенъ и плясокъ, то темъ более среди многочисленныхъ народныхъ сборищъ они своимъ весельемъ, гудьбою, песнями и плясками не только развлекали толпу, но и увлекали ее къ подражаніюсебѣ: песни, игры, пляски, рукоплесканія, смѣхъ, вообще необузданная веселость и разгуль толпы, все это сливалось въ одну пеструю, шумную картину, въ которой благочестивые ревнители христіанскаго ученія видели остатки ненавистнаго имъ язычества, называя народныя игрища и потехи «бесовскими», «жертвой» или «службой идольской», «лестью дьявольскою» и т. п. Уже Несторъ, порицая игрища, на которыя стекались народныя толпы, такъ поименовываетъ «дьявольская лести»: трубы, скоморохи, гусли, русалья: «схожахуся на игрища—пишетъ онъ—на плясанье и на вся басовская игрища» (или: «песни»), и въ другомъ мѣстѣ: «но сими дьяволь лѣститъ и другими нравы, всячьскими лѣстми, пребавля ны отъ Бога, трубами и скомрахи, гусльми и русалья. Видимъ бо игрища утолчена и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры деюще отъ беса замышленнаго дела»¹⁾). О плясаній, имеющемъ место, не только на пирахъ, на свадьбахъ и въ павечерницахъ, но и на игрищахъ и на улицахъ, упоминаетъ и Еирилль Туровскій²⁾). Въ толкованій къ апостолу Павлу (XIII в.) говорится: «егда играютъ русалия ли скомороси ли пьянице кличуть, или како сборище идольскихъ игръ, ты ясе въ ть часъ пребуди дома»³⁾). «Не подобаетъ крестьяномъ (хриспанамъ) игръ бесовскихъ играти, еяге есть плясанье, гуденье, песни мйрьскія и жертвы идольскія» читаемъ въ слове христолюбца⁴⁾). О составе въ старину народныхъ игрищъ получаемъ понятіе изъ слова св. епископа Евсевія (по рукоп. XIII в.). Въ воскресный день («въ неделю»), по словамъ поученія, «обрящеши ту

¹⁾ Ноли. собр. русс. лѣт. I, 6, 73.

²⁾ Глав. русс. словен. XII в. 94.

³⁾ См. у Mililovich. Die Rusaliq. 1864. S. 5.

⁴⁾ Тихонравовъ. Дѣт. русс. лит. IV. III. 90. Ср. 94.

(на игрищ*) овы гудуши, овы пляшуши, а другыя сѣ-
дяща и о друз* клеветюща, а другыя борющася, а дру-
гыя помавающа и номизающа другъ друга на зло». Но
центромъ толпы служатъ игроки на трубахъ и гуслихъ,
т. е. скоморохи, на звукъ инструментовъ сбегается толпа
народа: «издавать бо ся, слышавше гласъ трубный и
гусельный, текуще къ нимъ и аки крылати обрящуть-
ся ту»¹⁾. Въ правил* митрополита русскаго Кирилла (ум.
въ 1280 г.) порицается соблюдете въ божественные празд-
ники «б*совскихъ обычаевъ треклятыхъ Еллинъ», т. е.
обычаевъ языческихъ: «въ Божествениыя праздни-
ки некакы бесовьскыя творити съ свйстаніемъ и съ кли-
чемъ и въплемъ съзывающе неки скаредныя пъяница
(подъ именемъ носледнихъ узнають призывавшихся, для
развлеченія толпы, разгульныхъ скомороховъ), и бьющеся
дрьколеемъ до самыя смерти (ср. выше: «а другыя бо-
рющася»²⁾). Въ 1358 г. Новгородцы, по словамъ лето-
писца, «утвердишася межи собою крестнымъ п*ловашемъ,
что имъ йгранія бесевскаго не любити». Здесь, впро-
чемъ, не ясно, о какихъ именно играхъ идетъ речь. Въ
повести объ «Алексій Митрополите всея Русій» (у 1378 г.)
читаемъ, что еще будучи отрокомъ, онъ «на позорище не
хожаше, со отроки не играше и всяческихъ кощунъ и
глумленій отб*гаше»³⁾. Эти, хотя и отрицательныя сви-
детельства подтверждают!, суѣществованіе позорищъ, игръ,
глумленій въ XIV веке. О томъ, что главный действующая
лица такихъ игръ и позорищъ, скоморохи, ходили
играть и потешать народъ по городамъ и селамъ, заклю-
чаемъ изъ неоднократныхъ запрещеній имъ играть въ томъ
или другомъ месте, или играть вообще, — запрещеній, изда-
вавшихся въ XV, XVI и XVII столетіяхъ. (См. ниже гл. 6.)
Въ посланій игумена Памфила (1505 г.) описывается на-
родное сборище въ ночь на праздникъ рождества св. Иоанна
Крестителя,—сборище, центромъ котораго опять является
инструментальная музыка; представителями же последней
были, конечно, скоморохи: «во святую ту ночь—читаемъ

*) Срезневскій. Свѣд. и ааміт. XLI, 34.

²⁾ Рус. Достоин. I, 114.

¹⁾ Древн. Лѣтописецъ. I, 223, 307.

въ названномъ посланій — мало не весь градъ (Псковъ) взмется и взбесится, бубны и сопели, и гуд-Ъшемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ,... стучать бубны и гласъ соігълій и гудуть струны, ясенамъ ясе и девамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ накйваніе, устамъ ихъ непріязнь кличь и вопль, всескверненныя песни, бавовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вйхляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»¹⁾. По свидетельству Стоглава, связанное съ поминовешемъ мертвыхъ въ Троицкую субботу гореваніе народа на могилахъ усопшихъ сродниковъ заканчивалось веселыми плясками, скаканіемъ, руисоплесканіямъ и песнями, поднимавшимися при появленій толпы гудцовъ-скомороховъ: «Въ Троицкую субботу—говорится въ Стоглаве—по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаемъ и егда начнутъ играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и песни сотонинскія нети»²⁾. Въ извете патріарха Іова (1604 г.) предписывается не пьянствовать, не браниться, не чинить скаредныхъ и смехотворныхъ укоризнь, не играть и не драться на кулачкахъ³⁾. Здесь очевидно речь идетъ о скоморошескихъ играхъ и позорищахъ, подробнее и точнее определяемыхъ въ другихъ па-

¹⁾ Дополненія къ акт. истор. (арх. комм.) 1846—1875. I, 18.

²⁾ Гл. 41, воир. 23.—Нечто подобное сохраняется до нашихъ дней въ Малой Руси, гдѣ номинки по умершмъ справляются съ музыкой: «музыка! вуже заиграйте, да такъ щобъ плакало усе на взрыдь», говоритъ вомипающій. Скрипачи играютъ заунувныя или похоронныя песни, и все плачуть. «Годв! чи перестанете жъ вграты? Не бачете, якъ вси взрыдали, мовъ сызнава ридного хоронють». Скрипачи начинаютъ играть веселый, и все, забывъ горе, бросаються въ присядку. (Беляевъ, Оскоморохахъ. 72—73.)—Непосредственная смена гореванія и плача объ усопшихъ сродникахъ неистовымъ весельемъ, на первый взглядъ кажущаяся неестественною, можетъ находить себе объясненіе въ следующихъ словахъ арабскаго писателя XI вѣка, Ал-Бекри, о Славянахъ: «Они (Славяне) радуются и веселятся при сожвганій умершаго и утверждаютъ, что ихъ радость и ихъ веселость (происходить) отъ того, что его (покойника) господь сжалился надъ нимъ». (Записки Императ. Акад. Наукъ. т. XXXII. п. 55). И такъ, въ данныхъ случаяхъ сначала горюють и плачуть объ утратѣ люоимаго человека, а потомъ радуются о судьбѣ покойника.—Ср. свидетельство Козьмы Пражскаго (XII в.) о сценическихъ представленіяхъ и играхъ ряженныхъ, совершавшихся еще въ XI столетій Чехами на могилахъ ихъ покойниковъ. (Cosmas. Chronicon Bohemorum. Scriptores rer. Bohem. I, pag. 197). Проявленіе радости и веселья наблюдается въ номинальных!, обрядахъ разныхъ народовъ.

³⁾ Акты (арх. эксн.). Ш, Л5 223.

мятникахъ. Въ наказной памяти патріарха Іоасафа (1636 г.) говорится о томъ, что народъ въ праздники Господни ходитъ по улицамъ, «повел*вающе медв*дчикомъ и ско-мрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распу-тіяхъ сотонійскія игры творити и въ бубны бити и въ сурны рев*ти и руками плескати и плясати и иная неподобная діятъ»¹⁾. Въ грамот* царя Алексея Михайловича отъ 1648 г. тахаке встр*чаемъ описаніе увеселеній народа скоморошескими играми, въ воскрес-ные и другіе праздничные дни: «умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бісовское дей-ство, глумнініе и скоморошество со всякими басов-скими играми... Многіе люди, забывъ Бога и православ-ную крестьянскую віру, т*мъ прелестникомъ и ско-морохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелще-ніе сходятся по вечеромъ и во всенощныхъ позори-щахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ п*сней и всякихъ б*совскихъ игръ слу-шаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ мла-денцевъ.» Дал*е порицается «безчинное схгаканіе, пле-саніе» и пініе «б*совскихъ пісень»²⁾. Вс* эти и по-добныя имъ свидетельства служатъ нодтверженіемъ вы-сказаннаго выше предположенія, что скоморохи были и

¹⁾ Акты (арх. эксп.). Ш, № 264.

²⁾ Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл. Ср. почти буквальное повтореніе этой грамоты въ памяти Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго. (Акты истор. [арх. комм.]. IV, XI35). Въ обоихъ документахъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ: извете патріарха Іова (1604 г.) и памяти патріарха Іоасафа (1636 г.), кроме бесовскыхъ игръ, пісень, плясокъ, запрещаются еще и обычные въ числе народныхъ празд-ничныхъ увеселеній кулачные бои («многіе люди—говоритъ Іоасафъ—не токмо что младае, но и старые, въ толпы ставятся, и бывають бои кулачные великіе и досмерт-наго убойства»). Ср. выше (стр. 80) въ свидѣтельствахъ XIII века: сбыошесе дръко-льемъ», или: «а другія борюшася...—Ср. замѣчанія г. Ровинскаго о борцахъ и ку-лачныхъ бояхъ русскихъ. (Русс. нар. карт. IV, 302—308; Т, 219—224). аЕще въ не-давнее время—заклучаете свой обзоръ г. Ровшійскій—кулачные бои происходили у насъ почти повсеместно: на Оке и на Волге собирались партіи человеке по пятисотъ в бо-лее; въ Костромѣ Дебряне ходили стена на стіну противъ Сулянь (жители двухъ сло-бодъ); а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ «цеплянку-свалку». Саха-ровъ называете имена Тульскихъ бойцевъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и полу-чившихъ большую известность. Партей или стѣны для боевъ приготавливались заранее; охотники купцы ездили, разыскивали голіаеові, поили, кормили ихъ и выхаливали ко дню судному. Не смотря на все запрещена производить кулачные бои, они всетаки производятся зачастую и въ наше время... Кончається себе бой темъ, что молодцы (но народному выраженіе), на добромъ морозце, другъ другу бока нагрюють, да носы под-румянят*».

авторами многих русских плясовых песен: упоминаемые в этих свидетельствах «всесквервенныя песни», «вопли», «кличи», «свйстаніе» и т. п. означают очевидно плясовые песни съ сопровождавшими их крикливыми припевами, возгласами, гикашемъ и взвизгиваніемъ (ср. выше стр. 73, 75 песни съ возгласами: «люли!», «ихъ! вохъ!» и т. п.); главный тонъ задавали, конечно, распивавшіе веселія, разгульный свои песни скоморохи— «прелестники», которымъ, по словамъ вышеприведенной царской грамоты 1648 г., «иослйдствовали», подражали, сходясь на ихъ «безчинное прелщеше», мужчины, женщины и даже младенцы.—Воспоминаніе объ игре скомороховъ, ходившихъ по одиночке, показывать свое искусство на улицахъ и площадяхъ и увеселять народъ своей игрой, находимъ въ следующемъ отрывке изъ «старинны о большомъ быке»:

Да былъ нЗасаковъ волынщикекъ,
Да молодой-отъ гудошничёкъ...
Да какъ сталь онъ на рынокъ гулять,
Да какъ сталь онъ въ волынку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали ').

66. Переряживаются: Москолудство.—Окрутники.—Скоморохи и русалки-

Игра на музыкальныхъ инструментахъ, песни и пляски естественно роднятся и связываются съ обычаемъ переряжйванія, народнаго маскарада. Последній обычай ведетъ свое начало изъ древнейшихъ временъ. Обрядное нереодеваніе мужчины, въ ясенцинь и женщинъ въ мужчинъ известно было ужеудревнихъ Семитовъ, вызывало норицаніе уяге въ книгахъ ветхаго завета; обрядное переряжйваніе и въ древнемъ греко-римскомъ міре составляло непременную

') Гильфердингъ. Онеж. был. 1288.

принадлежность празднествъ, отправлявшихся въ честь Діониса, Либера, Сатурна; обычай, въ пору святокъ на-давать на лица маски и рядиться въ разные костюмы и звериные и иные чудовищные образы, издавна распростра-нился и глубоко укоренился и въ народномъ обиход* оби-тателей средней и северной Европы: «Не пустота-ли и не безуміе-ль—воскликаетъ въ У в. поел* Р. Хр. Мак-симъ Турнинскій—все, что въ эти дни (январскихъ ка-лендъ) совершается, когда мужчина, скрывши крепость своихъ силъ, всего себя превращаетъ въ женщину, и такъ старается выдержать принятый видъ и въ походк*, и во всемъ поведеній. что какъ будто ему жаль, что онъ муж-чина? Не пустота-ли и не безуміе-ль, когда созданные Богомъ люди превращаютъ себя то въ скотовъ, то въ ди-кихъ зверей, то въ какія либо чудовища?»¹⁾ Подобно тому, въ 62-мъ правил* Трулльскаго собора читаемъ: «ни-какому мужу не од*ватися въ женскую одежду, ни жен* въ одежду мужу свойственную: не носите личинъ коми-ческихъ или сатирическихъ или трагическихъ»²⁾. С*го-ванія духовныхъ писателей, въ поученіяхъ и нрпов*дяхъ обличавшихъ народный маскарадный игры, неустанно, но безусп*шно раздавались въ теченіе многихъ вековъ. На-родъ не отставалъ отъ своихъ исконныхъ привычекъ, отъ лгобимыхъ святочныхъ увеселеній, естественно притянув-шихъ съ себе деятельность скомороховъ. Ряженіе и ма-ски были¹ въ ходу, какъ у нашихъ скомороховъ, такъ и у западныхъ пот*шниковъ-жонглеровъ, сделавшихся въ ука-занныхъ увеселеніяхъ народныхъ главными действующими лицами. И те и другіе одевались въ разные наряды, въ которыхъ исполняли родъ йнтермедій, бытовыхъ сценъ; наряжались въ звериные образы, надевали личины, под-вязывали бороды, вместо личинъ, иногда окрашивали себе лица (на западе) или чернили ихъ сажей (въ Византш)³⁾. Самое имя «скоморохъ» вероятно находится въ связи съ ряженіемъ, маской: ср. арабское maskhara -см*хъ, на-

¹⁾ См. «Воскресное Чтеніе., 1880 г. № 2.

²⁾ См. въ Книгѣ Прав. св. Апост.—Названные здѣсь три рода личинъ очевидно имствованы изъ древне-греческихъ драматическихъ представленій, распадавшихся на отвѣтствующіе три рода: комедію, сатарову игру и трагедію.

³⁾ Веселовскій. Розыскъ, въ обл. русс. дух. стих. VII. п. 161 и сл.

см'Бшка, глумъ: на запад* слово это получило значение: буффонъ, пот'Бшникъ; μάσκα (среднегреческ.), умашри (новогрѣч.), mascara (румын.), maška (чеш.), маскара (серб., хорват., малорусс.), maszka (польск.), отсюда и машкара (русс.). Перестановка буквъ, въ особенности въ иноземныхъ словахъ, явленіе обычное, напр. лира (Leier) въ Малой Руси нередко называется рыли или рели, накрачи (играюще на накрахъ) въ старину нередко назывались наркачяи, гусли яворовыя обыкновенно въ былинахъ именуется яровчатыми, глина въ нѣкоторыхъ местахъ Псковской губерніи народомъ называется гнила; такъ и маскарасъ (рао^арЦ, раахарас) легко могло въ устахъ русскаго народа превратиться въ скамарасъ и обруситься въ форму скомрахъ или скоморохъ. На возможность такого производства послѣдняго названія указаль уже г. Заб^линъ¹⁾, а подробнее развилъ эту мысль проф. Веселовскій²⁾.

Письменные свидетельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XI или XII вѣка: «Москолудство вамъ братіе нелепо имети», поучаль архіепископъ Лука³⁾. «Москолудство» производять отъ маска (= личина) и луда⁴⁾ (= повязка или платье). Несторъ, говоря о народныхъ увеселеніяхъ, перечисляетъ главные ихъ факторы: трубы, гусли, скомороховъ и русалыи. Подъ именемъ русалій должно понимать игры, сопряженныя съ маскарадомъ (см. ниже стр. 89 и сл.). Маски, которыя надевали на свои лица скоморохи и вообще ряженные, носили въ Россіи разныя названія: личины, облічія, наличники (въ смысл* масокъ, надеваемыхъ на лицо), хари (вероятно въ смысле масокъ, надеваемыхъ на голову, ср. греч. уара = голова, серб. [болг.] харач[ъ]=по-

¹⁾ Домашній бытъ русскихъ царицъ. 410.

²⁾ Розыскъ, въ обл. русс. дух. стих. VII. II, 181—182. Здѣсь же (стр. 179 и сл.) разсмотрѣны и некоторый другія предположенія относительно производства слова «скоморохъ».

³⁾ Русс. достоп. I, 9.

⁴⁾ Ср. у Нестора: «бе Якунь сл4иъ, луда бе у него золотомъ исткана». Летопись иреп. Нестора по Лаврентьевскому списку 1864 г. (подъ 1034 г.).—Дюкинъ (Glossarium mediae Latinitatis) приводитъ изъ одного древняго словаря: Ludix—yement iеjeu. (См. Русс. Достоп. I, 12, прим.). Упоминаемая въ Патерике [Иечерскомъ «Луда на бесе въ образе ляха»] означаетъ личину или маскарадное платье. (Снегиревъ. Русс. прост. иразд. II, 31).

головная подать), скураты (ср. scurra [латин.]—шутъ), машкары (ср. выше) и т. п. Обычай надѣвать на себя личины очевидно западнаго происхожденія: «Наличники, яко же въ странахъ Латинскихъ зле обыкоша, творять, различныя лица собі; претворяюще», говорится въ Номоканоне, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1624 г.¹⁾ Въ Кормчей (рукоп. XIII в.) маски называются «обличьями игрѣць и ликѣственникъ», т. е. личинами игроковъ, комедіантовъ, скомороховъ. Царь Іоаннъ Грозный во время разнужданныхъ пировъ своихъ любилъ маскироваться и плясать вместе со скоморохами: «упившись началъ (Іоаннъ) со скоморохами въ машкарахъ плясати и суіце пирующее съ нимъ», пишетъ князь Курбскій, и далее рассказываетъ, какъ царь понуждалъ къ тому и князя Репнина, «глаголюще: «веселись и играй съ нами!» и взявши машкару (по другому списку—личину), класти началъ на лицо его»²⁾. Древніе языческіе народные обычаи, въ известные праздничные дни, именно въ пору зимняго поворота солнца, которой соответствуют!, рождественскіе святки, водить животныхъ, снабженныхъ символическимъ, значешемъ (коня или кобылицу, козла или козу, медведя и т. п.), въ рукахъ скомороховъ превратились въ маскарадныя игры: они изображали козла или козу (ср. повторившееся въ некоторыхъ русскихъ поучешяхъ и постановлетяхъ запрещете Трулльскаго собора [прав. 62]: «козлогласовая ходити»³⁾, «козлогласованія творити»⁴⁾, «ни въ козлогласованій» [образъ показати собою] и т. п.), «бесовскую кобылку», медведя и т. п. Въ одной изъ дополнительныхъ статей къ судебнику (1636 г.) приказывается, чтобы (на святкахъ) съ кабылками не ходили и на игрища мірскіе люди не сходились⁵⁾. Объ этихъ кобылкахъ упоминается и въ другихъ свидѣтельствахъ. Такъ въ грамоте царя Алексея Михайловича

¹⁾ См. у Снегирева. Русс. прост. праздн. II, 32.

²⁾ Сказанія. 81.— Тамъ же: 56, читаемъ и о Сигизмундѣ Августѣ, королѣ скомъ, что онъ надѣвалъ на себя «преиспещренныя машкары».

³⁾ Поученія митроп. Данила (XVI в.), съ Нам. стар. русс. лит. IV 201

⁴⁾ Стоглавъ. Гл. 93.

⁵⁾ Соборный приговоръ 1551. Акты (арх. экскв.), I, 232.

⁶⁾ Акты истор. (арх. комм.) III, М 92, х.

(1648 г.) читаемъ: «накладываюся на себя личины и платьѣ скоморошское, межъ себя наряда басовскую кобылку водять», а далее предписывается, чтобы «личинъ на себя не накладывали и кобылокъ бесовскихъ не наряжали», въ числе же атрибутовъ этой скоморошеской потехи называются: «домры, сурны, гудки, гусли, хари и всякіе гудебные бесовскіе сосуды» Гизель ([- 1685 г.) выражается о рождественскомъ народномъ маскараде такъ: «йній лица своя и всю красоту человеческую, по образу и по подобію Божию сотворенную, некіймъ лярвами (ларва = личина, маска) или страшилами на діавольскій образъ пристроенными, закрываютъ, страшаше или утешающе людій, Творца жъ и Зиждителя своего укоряюще»²⁾.

Несколько более подробную картину святочныхъ маскарадныхъ игрощъ, въ которыхъ, разумеется, въ старину первенствовали ряженые скоморохи, даетъ патріархъ Іоакимъ, указомъ 1684 г. занреіцавшій бывшія на Москве «скверная и бесовская действа и играща въ навечерій Роягдества Хрістова». «Тогда—пишетъ онъ —ненаказанній мужескаго полу и женскаго, собрався многимъ числомъ, отъ старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и девки ходять по улицамъ и переулкамъ къ бесноватымъ и бесовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ ими, многія сквернословія нрисовокупляютъ, и плясаніе творять, на разженіе блудныхъ нечистота и прочихъ грехопаденій, и преображающеса въ неподобная отъ Бога созданія, образъ человеческій нременяюще, бесовское и кумирское личать, косматые, и иными бесовскими ухищренъми содеянные образы надевающе, плясанъми и прочими ухищренъми православныхъ Хрістіанъ прелыцають; такожь и по Рождестве Хрістове во 12 днехъ до Креіценія Господа нашего І. Хріста таковая жъ бесовская игралища и позорища содеваютъ»¹⁾.

¹⁾ Ивановъ. Опис. госуд. арх. 296 и сл.—Ср. Акты истор. (арх. коми.) IV, 35.

²⁾ Синописъ пли краткое описаніе отъ различныхъ летописцовъ о началѣ сдаваскаго народа. 7-е изд. 1785 г. Стр. 49—50.

³⁾ См. у Снегирева. Русс, прост, праздн. I, 37—38.

Современные наяр святочныя народныя маскарады могут служить къ пополненію картины старинныхъ скомо-рошеашхъ перерясаиваній. «Въ Новгород*—пишетъ Снегиревъ — святки известны подъ именемъ Округниковъ, которые со втораго дня праздника Р. Хр. до Богоявленія наряженныя ходять по городу въ т* дома, гд* въ знакъ приглашенія ставятся на окнахъ зажженныя св*чи, и тишать хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, п*снями и плясками. Въ Тихвин* о святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на н*сколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидять верхомъ округники. Сю лодку занимають подъ разноцв*тными флагами святочники въ разныхъ личинахъ и нарядахъ... Во время но*зда они поють, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разные штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточныя граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ»¹⁾. Для святочного наряда народъ приб*гаетъ къ самымъ простымъ уборамъ, по большей части употребляется въ д*ло вывороченный тулупъ и длинная льняная борода- наряжаются охотно въ звфриныя образы: быками, баранами, козлами, лисицами, медв*дями и т. п., наряжаются Бабой-Ягой (в*дьмой) или чертями. Представляющій чорта натягиваетъ на себя что нибудь косматое, лицо обмазываетъ сажею, къ голов* приставляетъ рога, а въ зубы беретъ горячій уголь. Въ такихъ нарядахъ округники б*гаютъ по улицамъ шумными вереницами, пляшутъ и кривляются, расп*ваютъ громкія п*сни и бьютъ въ тазы, заслонки и бубны. (Не такіе ли примитивныя ударныя инструменты подразум*ваются въ упомянутой выше [стр. 87] царской грамот*, подъ словами: «и всякіе гудебныя б*совскіе сосуды»?) Слово округникъ производится отъ крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести перешло къ опред*ленію понятій од*вать, парялгать -). Въ такомъ же смысл* и родственныя слова: крута (=нарядъ), накрутиться (=нарядиться) употребляются и въ

¹⁾ Снегиревъ. Русск. прост. праздн. И, 33—34
Аванасьева. Поэт. возр. I, 718; III, 526.

былинахъ, напр.: «крута каличья» «накрутился молодецъ (Добрыня) скоморошиной»²⁾. (О сценическихъ представлешяхъ и импровизацияхъ ряженныхъ говорится в тке стр. 54 и сл.)

Народные маскарады не ограничивались зимней порой, но имели место и весною, около времени нашихъ Троицкихъ святокъ, которые у западныхъ и отчасти у южныхъ Славянъ именуется русальными святками или русалиямъ, а у Русскихъ непосредственно слѣдуютъ за праздникомъ воскресенія русалки или русалокъ («русалкинъ великъ день» [малорусс.] = четвергъ передъ днемъ св. Троицы = семикъ [великорусе.]) и предшествуютъ проводамъ русалокъ, имеющимъ место въ первый день Петрова поста. Въ коментаріи Вальсамона (XII в.) къ 62-му правилу Трулльскаго собора русаяіямъ называется запрещенный церковью (языческой) праздникъ после Пасхи. По свидетельству греческаго писателя Дмитрія Хоматіона (XIII в.) праздникъ русалій, «по древнему обычаю», отправлялся (въ местности, соответствующей нынешней южной Болгаріи) на неделе, следовавшей за Троицынымъ днемъ, и ознаменовывался хождениемъ молодежъ изъ дома въ домъ за полученіемъ подачекъ, плясаниемъ и скаканіемъ, а равно и маскарадными шествіямъ³⁾. У западныхъ Славянъ въ русальные святки также издревле происходили маскарады, что видно изъ запрещеннаго ХUI столетія западнымъ Славянамъ, въ пору русальныхъ святокъ исполнять непристойныя пляски, ставить «по старому обычаю» королей, облекаться въ старые косягухи, другими словами, переряживаться. Остатки такихъ обычаевъ сохраняются до сихъ поръ въ Чехіи и Моравіи: здѣсь въ Духовъ день отправляются конныя процессіи, въ которыхъ на первомъ месте фигурируетъ поставляемый король съ многочисленной воинственной свитой, при

*) К. Даниловъ. Древ. русс. стих. 228.
Рыбниковъ. Иѣсни. I, 135.

3) Tomaschek. Ueber Brumalia und Mosalia, въ Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. Bd. LX, Hft. II, S. 370 u. ff. — Ср. аое сочиненіе: Божества древнихъ Славянъ. 1884 г. I, стр. 212 и сл.

чем посл*дній всадникъ бываетъ од*тъ въ вывороченный кожухъ¹⁾. Объ остаткахъ особенныхъ народныхъ игрищъ (быть можетъ также связанныхъ съ переряживаньемъ), отправлявшихся у Поляковъ во дни Пятидесятницы, упоминаетъ Длугошь (XV в.)²⁾. Въ Россіи, вероятно какъ остатокъ древняго русальнаго маскарада, въ н'которыхъ м*стахъ сохранился обычай, въ Духовъ день или передъ Петровскимъ загов-Кшьемъ водить такъ называемую «русалку», въ образ* лошади, которую изображаютъ ребята, покрытые пологомъ. Эту маскарадную фигуру я уже въ другомъ мѣст*³⁾ сблизилъ съ «басовской кобылкой» святочного маскарада. Еще недавно, кроме того, существовалъ, а можетъ быть и ныне еще существуете, въ Белгород* сл*дующій обычай: въ праздникъ Пятидесятницы (т. е. русалій) женщину нереодйвають въ безобразный муяской костюмъ, а мужчину—въ женскій, и такимъ образомъ водятъ три дня по городу съ песнями и плясками⁴⁾. Въ «Устав* людемъ о велицемъ пост*» (изъ Дубенскаго сборника XVI в.) запрещается «плясати въ русалія»⁵⁾. Словомъ, мы видимъ, что издревле въ разныхъ м*стахъ весеннее «русальное» торжество ознаменовывалось переряживаньемъ и плясками, самое же слово «русалій» обобщилось и стало применяться къ народнымъ игрищамъ, сонряженнымъ съ большими праздниками вообще, безъ различія спеціального характера этихъ игрищъ. Въ пролог* XV в*ка слово «Русальи» определяется такъ: б*сы въ образ* челов*ческомъ, «овы бяху въ бубны, друзій же въ козиц* и въ соп*ли сопаху, йши яге, возложивши на лица скураты (= маски), идяху на глумленье челов*комъ и многіе, оставивши церковь, на позоръ (= зрелище) течаху и нарекоша т* игры Русальи». На томъ же основаній и старинный русскій азбуковникъ объясняетъ «русальи», какъ «игры скомо-рошскіе»⁶⁾. Въ Стоглав* русаліямъ называются какъ

¹⁾ Подробнее предметъ этотъ излагается мною во II выпуске сочиненія: Бож. древ. Славянъ.

²⁾ Długosz. Historia Polonica. I. i, 48.

³⁾ Бож. древ. Слав. I, 210 и сл.

⁴⁾ Эти. сбор. Ими. Русс, геогр. общ. V, 37.

⁵⁾ Срезневскій. Свід. и замѣт. LVII, 312.

⁶⁾ Ср. Бож. древ. Слав. I, 212.

рождественскія святочныя игры, такъ и игры на праздни-
къ рождества св. Іоанна Крестителя: «Русали» о Ива-
нове дни, и въ навечерній Рождества Христова, и кре-
щенія сходятся мужи, и жены, и девицы на nocturne пле-
щеваше и т. д.»¹⁾. Неудивительно, что, после того какъ
слово «русали» получило такое общее, широкое значе-
ніе,—въ многочисленныхъ поучешяхъ, словахъ, ностанов-
лешяхъ, поридающихъ пестрыя и шумныя, унаследован-
ный народомъ изъ временъ язычества, игрища, выраженія
«русали» и «скоморохи» (—непрерывные участники и
вдохновители всякихъ народныхъ игрищъ) почти нераз-
рывно связались, причемъ рядомъ съ ними же обыкно-
венно упоминаются еще песни и пляски, какъ предме-
ты специальной деятельности скомороховъ, а также и на-
званія музыкальныхъ орудій скомороховъ, какъ неотъем-
лемой ихъ принадлежости. Такъ у Нестора называются
рядомъ: «трубы и скоморохи, гусли и русали»; въ
слове неизвестнаго автора (изъ до-монгольскаго періода)
поименовываются песни, плясанье, бубны, сопели,
гусли, пискове, йгранія неподобныя, русалья²⁾; въ
Изборнике XIII века читаемъ: «егда играютъ русалия
ли скомороси»; въ ЗлатоструѢ (по рукоп. XVI в.) «да
убо о скомрасехъ и о русалияхъ»³⁾; въ Слове о ру-
салияхъ поименоваются рядомъ: игры бесовскія, ру-
салия, скоморохи, «плясанье и плесканье съ сви-
релми» ИТ. п.

вв. Скоморохи—глумцы и смѣхотворцы.—«Позоры».—«Пещное дѣйство»
и «Халдеи». — Скоморохи—кукольники. Кукольный ящикъ. Вертепъ
(Ясли). Раѣкъ.—Шуты (дураки). Ерема и Замазка. Сома и Ерема-

Въ старинныхъ памятникахъ скоморохи, игрецы, шпиль-
маны или плясуны неоднократно получали еще названія
глумцовъ, глумотворцевъ, смехотворцевъ, скверно-

*) Гл. 41, вопр. 24.

2) Филаротъ. Обз. дух. лит. I, 50.

3) Ср. Тамъ-же.

*) Пам. стар. русс. двт. I, 208.

словцевъ, кощунниковъ и т. п.: «шнильманъ рекше глумьць», «игрьца или глумьца», «скоморохи и глумьцы»,—слова эти отождествляются у старинныхъ авторовъ; «той бо позоры научилъ смѣхотворца и кощунники и скомраси и игреца», читаемъ въ слове Христолюбца— тамъ яже упоминаются играюще въ мирскихъ свадьбахъ «глумотворцы и органники и смехотворны и гусельники»; въ слове Палладія мниха «о второмъ прѣшествіи Христове» караются: «нлясы и свирельцы и гусленицы и смычницы и смехотворцы и глумословцы», другими словами во всехъ приведенныхъ случаяхъ перечисляются разные виды скоморошества. Что подъ именемъ упомянутыхъ выше кощунниковъ действительно следуетъ понимать скомороховъ-потешниковъ, подтверждается, какъ словами Симеона Голлоцкаго: «кощунникъ да тешить, самъ ся изнуряетъ¹⁾», такъ и наименованемъ въ одной грамоте 16В6 г. скоморошескихъ игръ—кощунами: «воспріемше игры и кощуны бесовскіе²⁾»; «злословнымъ кощунникомъ» называется въ «слове о христіанстве» глумящейся «пустошникъ», смешаша слушателей, по смыслу дальнейшего текста отождествляющейся съ «игрецами»³⁾;—наконецъ, въ слове «о корчмахъ и о пьянстве» описывается, какъ сходятся «къ пѣтію пьянственному мужи и жены, тутъ же придуть и нещій кощунницы, имуще гусли и скрипели и сопели и бубны и иныя бесовскія игры, и предъ мужатицами играюще, бесяся и скача и скверный песни припевая⁴⁾». Кощунниками называются здесь уже прямо игрецы - скоморохи. Въ Стоглаве поименовываются рядомъ: «арганники, смехотворцы, гусельники и глумцы», такъ же скоморохи, гудцы, ирегудницы и глумцы⁵⁾. Въ сборнике митрополита Даніила скоморохи называются плясками - сквернословцами⁶⁾, Въ грамотахъ XVII столетія говорится о присутствіи на

¹⁾ См. у Веселовскаго. Розыскъ въ обл. русс. дух. стихъ VII и, 177, 195, 197 и сл., 207.

²⁾ Акты (арх. экз.) III, 264.

³⁾ Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и дрв. IV, 111.

⁴⁾ У Забелина. Он. изуч. русс. дрвн. и истор. I 187

⁵⁾ Гл. 41, вонр. 16, 23.

⁶⁾ Беляевъ. О скоморохахъ. 69.

свадьбахъ безчинниковъ, сквернословцевъ и скомороховъ (см. выше стр. 21).

Въ чемъ же заключалось это глумотворство, смѣхотворство, сквернословіе, кощунство, безннне «веселыхъ молодцевъ»? Мы только что рассмотрели обычай скомороховъ рядиться въ разные образы, вызывавшіе конечно смѣхъ и веселье въ зрителяхъ; ряженіе невольнo влекло за собою и нечто въ родѣ сценическихъ представлений, хотя-бы и самыхъ элементарныхъ, комическихъ зрѣлищъ или «позорщцъ», сопровождавшихся песнями, плясками, разговорами и прибаутками, шутками и выходками, исполнители которыхъ, разумеется, не стеснялись пределами скромности и пршшчія. Веселье скомороховъ должно было, конечно, соответствовать духу, настроенію и вкусамъ слушателей и зрителей. Каковы-же были эти вкусы? Олеарій, пйсавшій въ первой половине XVII столетія, такъ характеризуете низкую степень развитія и просвещешя современнаго ему русскаго общества: «Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями—пишете Олеарій, исключяющей, впрочемъ, изъ своего отзыва самыхъ знатныхъ бояръ— не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имея желанія знакомиться съ чуждыми народами и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и речи о иодобныхъ вещахъ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ яшзни, а именно: говорятъ о сладострастій, постыдныхъ норокахъ, разврате и любодейній ихъ самихъ или другихъ лицъ; рассказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболее сквернословить и отпускаете самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными телодвженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и нріятнейшимъ въ обществе. Къ тому же направлены и ихъ пляски, который они исполняютъ съ прибавлешемъ некоторыхъ страстныхъ телодвйсеній». Въ другомъ месте тотъ яге авторъ рассказываетъ о русскихъ странствующихъ комедіантахъ, т. е. скоморохахъ, которые въ пляскахъ своихъ иногда, для забавы зрителей, безстыдно обнажали части

своего тела, и объ уличныхъ скрипачахъ (гудочникахъ?), восп'бвавпшхъ всенародно на улицахъ «срамныя Д'бла» ¹⁾). Несколько раньше Олеарія описывалъ забавы русскаго (московскаго) общества Маск'вичъ, отметившій въ дневник* своемъ подь 1611 г. слдуюідія слова: «Есть у нихъ (Русскихъ) такъ называемые шуты (maje u siebie blaznow), которые тішатъ ихъ русскими плясками. кривляясь какъ скоморохи (jak гагіо\упізі®=фйгляры) на канате, и песнями большею частью весьма безстыдными» ²⁾. Еще около полустолетія раньше князь Курбскій описывалъ пьяное веселье, которому предавался самъ царь Іоанпъ Васильевичу безчинно веселйвшійся и йгравшій со скоморохами, плясавшій съ ними въ машкарахъ (личинахъ) и понуядавшій къ тому яге и присутствующихъ, въ томъ числе князя Репнина, который мужественно отказался творить это «безчйніе» ³⁾. Такое пьяное веселье, разжигаемое скоморохами, разумеется, не обходилось безъ сквернословія: пелись срамныя, безстыдныя или, по выражению духовныхъ писателей, «богомерзкія», «скверныя» песни, исполнялись разнузданныя пляски, сопровождавшаяся безстыдными телодвйженіямй (ср. выше свидетельства Маскевича и Олеарія). Чемъ грубее была веселившаяся толпа, т*мъ выше была и степень цинизма, до которой доходило ея веселье. Понятно, что подобный потехи возмущали нравственное и релйгіозное чувство людей серьезныхъ, въ роде князя Репнина, поплатившагося жизнью за протйворечіе царю; понятны протесты противъ кощунства, скверноеловія, глумотворства скомороховъ-потешниковъ, со стороны писателей духовнаго чина, а также и светскихъ властей, въ особенности со времени вступленія на царскій престоль Алексея Михайловича, который въ первые годы своего царствованія, по вырагенію г. Забелина, обнаруживалъ стремленіе обновить распущенную

¹⁾ Подр. опис. путеш. къ Москов. 178.

²⁾ Сказанія соврем. о Дмитр. Самозв. У, 61.—Dyaryusz S. Maskiewiczza, см. Pamiętniki do History Rosyy i Polski wieku XVI i XVII. 1838.

³⁾ Сказаніи. 81.—Но свидетельству другаго современника (Одерборна), въ мирную пору царь Іоанпъ Васильевичъ проводилъ время въ ловахъ, въ игре, влйске, любоденіяхъ и ужасныхъ зрелищахъ. (Wunderbare, erschreckliche, unerhorthe Geschichte des Orossfursten in der Moschkau (Joan Basilidis) Loben. 1588.)

жизнь, внести въ нее строй и порядокъ, возстановить идеаль хорошей жизни по Домострою.

Разумеется, веселье скомороховъ - потѣшниковъ не исключительно вращалось въ области цинизма. Наряженные въ разные костюмы и маски, они разыгрывали сцены, понятіе о которыхъ можно составить себе до известной степени по тѣмъ остаткамъ скоморошескихъ игръ, которые сохранились въ народе до нашихъ дней. Таковы напр. песни и прибаутки, шутки и комическія представленія новгородскихъ «Окрутниковъ» (см. выше стр. 88), нашихъ современныхъ святочныхъ и масляничныхъ ряженныхъ, изображающихъ бабу Ягу, чертей, чудовищъ, или водящихъ ряженныхъ-же медвѣдья, козу, журавля и т. п., разыгрывающихъ импровизованныя забавныя сцены.

Изъ звериныхъ образовъ, въ которые наряжаются, наибольшее значеніе имеютъ медведь и коза, въ новейшемъ святочномъ маскараде встречающееся нередко вместе. Оба эти животныя, какъ видно изъ связанныхъ съ появленіемъ ихъ обрядовъ и песенъ, служатъ представителями обилія и плодородія. Въ честь святочнаго медведя поется песня:

Медведь пыхтунъ
По рѣжъ плыветь,
Кому пыхнетъ на дворъ,
Тому зять во теремъ 'J,...

т. е. появленіе медведя предвѣщаетъ свадьбу. Въ данномъ случае русскій святочный медведь совпадаетъ съ масляничнымъ или «гороховымъ» медведемъ западныхъ славянъ. Въ Чехій представляетъ послѣдняго парень, весь окутанный гороховой соломой. Куда ни прійдетъ гороховый медведь, онъ обязательно долягень проплясать со всеми ясенщинами и девушками въ доме, и появленіе его, по народному верованію, способствуетъ плодородію въ доме²⁾. Въ окрестностяхъ Кракова на свят-

¹⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. 1. ш, 14.

²⁾ Reinberg-Düringsfeld. Festeleieder aus Bobmen. 1862. S. 49.

кахъ возять на теліжкі; человека, одетаго въ козій м*хъ, два спутника его обвиты гороховой соломой. Челов-Бкъ, одетый въ мехъ, называется гороховымъ медвѣдемъ (grochowej niedźwiedz). Передъ каждымъ домомъ онъ рычитъ, и если рычаніе первая услышитъ девушка, то ей въ скоромъ времени выйдти за мужъ¹⁾. (Ср. выше русскую песню про медведя пыхтуна.) Въ южной части бѣлой Руси, по близости къ Малороссій, въ день нынѣшняго новаго года, молодець, одетый козой, въ лентахъ и бубенчикахъ, предводительствуете толпой, которая ходите подь окна или передъ двери хать, подь музыку, съ песнею:

Го-го-го козынька,
Го-го-го сѣра,
Го-го-го бѣла.
Ой, розходися,
Развеселися,
По всему дому,
По весѣлому!
Ой поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткамъ его.

Далее воспеваается плодоносная сила козы:

Гдѣ коза тупою (многой),
Тамъ жито купою,
Гдѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ,
Гдѣ коза ходить,
Тамъ жито родить и т. д.

Ером* этой песни, появленіе маскаральной козы сопровождается разговоромъ,— речитативомъ представленія²⁾. Сходныя песни въ честь пляшущей, брыкающей, бодающей святочной козы (или козла) встречаются и въ Малой Руси³⁾. Въ Полесье козель, медведь и журавль

¹⁾ Mannhardt. Wald- und-Feidkulte. Th. II (1877). S. 188.

²⁾ Безсоновъ. Белорусе, піс. I, 78, 98. Ср. тамъ же: 83-песню объ «Антонной козе». Соответственно теисту песни, Антонъ въ игре не можетъ справиться съ козой, сперва пляшущей, потомъ бодающей.

³⁾ См. Труды-этно. стат. мен. Юго-зал. отд. III, 265, 266.

единственный маскарадный фигуры. Роли их выполняются очень незатейливо: вывернутый тулуп служит маскарадным костюмом; представление заключается в нехитром речитативе, сопровождаемом прыжками и кувырканьем-! парня, наряженного животным. Наиболее популярна фигура козла. Маскарадный представления ряженных медведем и козой фиксировались в старинной лубочной картинке, снабженной следующей подписью: «Медведь сказого проклажаются на музыке своей забавляются и медведь шляпу вздель да вдутку игралъ а коза сива всараеане синемъ срошками исколокольчиками и слошками скачетъ и вприсятку пляшетъ». В этих строках (и картинке) изображается целое святочное скоморошеское представление. На другой народной картинке того-ясе содержания, в подписанном под нею тексте читаемъ, между прочимъ, следующее обращение козы къ медведю: «станемъ стобою веселитца что на насъ станутъ люди дивйтца ты любезной медведь заигран всвирель яя молоденка поплешу теперь за что насъ станутъ благодарить а другой вздумаетъ и подарить но и мы за оно зрите'лямя отьдадимъ почтеніе насырной недели въ воскресеніе»²⁾. Последнія слова доказываютъ, что речь идетъ о масляничномъ маскараде. Пляска и скаканіе козы вошли даже въ поговорку: на одной изъ маленькихъ лубочныхъ картинокъ, иллюстрирующихъ чету: Семикъ и Масляницу, представлены трое пляшущихъ подъ звуки волынки и гудка. Подъ картинкой подписано: «Скакат(ь) і плясат(ь) будетъ яко коза»...³⁾

Что касается новейшихъ святочныхъ народныхъ сценическихъ представлений, то напр. въ Белой Руси, по словамъ проф. Безсонова, они устраиваются такъ: въ доме или на площади дМствуютъ йграющія лица, переряженный сообразно ролямъ, по мере силъ и средствъ. Любимейшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцелели оне,

¹⁾ Эремичъ. Очерки велорусскаго Полесья. 1868 г. Стр. 56—57.

²⁾ Ровинекхй. Гусс. нар. карт. 1, 414, 415.

³⁾ Тамъ-же: стр. 306,—Священникъ Лукьяновъ въ описавіи своего вутешствія по Святой земле (1710 г.) рзсказываетъ, что Греки яа свято! педеле ходятъ по улицамъ и монастырямъ съ медведями, съ козами, съ бубнами, съ скрипцами, съ сурнами, съ волынками, да скачутъ в пляшутъ. Русскій Архивъ, изд. Бартенева. Гоць I, стр. 206.

во-первыхъ, б'лорусскій хлопъ во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ траги - комическихъ отношеніяхъ къ пану, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставитъ въ тупикъ; къ жида, съ коимъ справляется по свойски за ловкое торгашество, надувательство или неоплатные свои долги; къ «дохтору» и учителю, которые въ дуракахъ передъ цельною натурою крестьянина; къ ясен*, которая наказана за вероломство, или наказываетъ мужа, за корчму; далее—еврейскій шабашъ; степенность и неуклюжесть литвина и т. п. '). Проф. Безсоновъ записалъ д'лную импровизованную сцену между хлопомъ Матеемъ и докторомъ. Матей жалуется, что объелся кутьей, и никакое средство ему не помогаетъ. Встречается ему «дохторъ»—шарлатанъ.

ДОХТОРЪ.

Кладися, мужикъ.
Якъ тябе зовуть?

МАТЕЙ.

Матей.

Дохторъ.

(Бьетъ его палкой, приговаривая.)

ГГот'и, пане Матей!

МАТЕЙ.

(Встаеъ, а дохторъ уб'гаетъ.)

А, лихо твоей матяри!
Напот'у, намат'у,
Да й еамъ къ чорту поляг'у!
Вотъ, кабъ догнау,
Вотъ бы у плечки нарукотау (—наколотил*)! ²⁾

Въ Великой Руси въ XVII столетіи былъ очень популярень, напр. следуіотцій фарсъ: на сцену выходилъ бояринъ въ каррикатуре; на голове у него была горлатвдя шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый,

М Безсоновъ. Еторјес. уліс. I. 98—99

²⁾ Тамъ-же: 79-80.

чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости; но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь.

— Ой бояринъ, ой воевода! любо было тебе надъ нами издаваться, веди яге насъ теперъ самъ на расправу надъ самимъ собой! говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затемъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Следуетъ сходная-же сцена съ купцомъ. Отобравъ деньги у последняго, добрые молодцы отправляются какъ бы «во царевъ кобакъ», пьютъ и поютъ:

Ребятюшки! праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкѣ Волгѣ—праздникъ!
Сходися голытьба на праздникъ!
Готовьтесь бояре на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ хгъ толпе.

— Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую! ¹⁾

Подобныя сцены, разжигавшія ненависть народа къ притеснявшимъ его боярамъ, несомненно могли способствовать смутамъ инароднымъ движешямъ, о которыхъ знаетънаша исторія. Известно также, что еще въ XI столетіи скomorохи подняли въ Польше народное возстаніе противъ христіанъ ²⁾, подобно тому какъ у насъ эти возстанія делались по наущенш волхвовъ и кудесниковъ, до некоторой степени роднящихся съ древними скomorохами (ср. ниясе стр. 129 и сл.).

Возвращаюсь къ святочнымъ представлешямъ. Оста-

¹⁾ См. у Михнеича. Очеркъ исторія музыки въ Россій. 1879 г. Стр. 81—82.

²⁾ Б'бляевъ 0 скomorохахъ. 70, прим. 2.

токъ старинныхъ сценическихъ потехъ мы узнаемъ и въ т-ѣхъ шуткахъ, прибауткахъ, импровизацияхъ, которыми нот*шаетъ народную толпу герой масляничныхъ каруселей, неизменный дідь, «Ерема-накольникъ», являющійся нередко въ сообществе съ «Замазкой» (см. нияге стр. 115), а равно и въ разыгрываемыхъ иногда тутъ яже народныхъ фарсахъ.

Такого рода маскарадный ймпровизаций, такіа представлєтя забавныхъ сценъ, переплетаемыхъ песнями, плясками, кривляніямй, шутками, нередко циническими, непристойными, несомненно входили въ составъ техъ глумовъ и позоровъ, техъ «сотонинскихъ» или «бесовскихъ игръ», «бесовскихъ чюдєсь», противъ которыхъ такъ часто ополчались духовные писатели прошедшихъ столєтій. Действительно, игрища, въ которыхъ, по словамъ летописца, дьяволь лєстїль трубами, скоморохами, гусями и русаліямй, другими словами скоморошескіа игры или русалій называются летописцемъ бесовскими позорами: «позоры деюще отъ беса замышленнаго дела»; позорами яже называются въ Прологе XV в. русалїи, именно игры, связаннаысь возложеніемъ на лица скуратовъ (масокъ), «на глумленіє человекомъ». Еще въ XVIII столєтій художественна театральнй представлєніа назывались «позорищными играми»¹).—О томъ, что импровизаций действительно входили въ кругъ деятельности скомороховъ, свидєтельствуєтє былина о Гостє Терентьїщє: Терентьєваягєна, поверивъ йзвєстїю «веселыхъ молодцовъ», что нєлюбимый мужъ ея погїбъ, съ радости просїтє ихъ спєть по этому поводу песєнку. «Весєлыє» импровизуютъ песню, изъ которой сїдящїй въ мєшкє мужъ узнаєтє о вероломствє своей жєны.

Подобно тому, какъ на западє возникла и разыгрывалась въ стєнахъ цєрквєй духовная драма (мїстерїй), заимствовавшая свои сюжєты изъ священнаго пїсанїа,¹ и въ русской цєрквє съ XVI вєка стали входить въ употреблєніє известнаыя обрядпнаыя представлєніа, получившіа назва-

0 Сн. С.-Петербургска Вєдомостї 1733 г. Цїм*чанїє на Вєдомостї,

ыія дМствъ. Такихъ дМствъ известно три: пещное действо, шествіе на осляти и действо страшнаго Суда. ДревнМшимъ изъ нихъ было «пещное дМство», на которомъ считаю нужнымъ несколько остановиться и о совершеній котораго наиболее раннее йзвѣстіе восходитъ къ первой половине XVI столітія. О немъ упоминается въ расХодныхъ книгахъ Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго дома подъ 1548г. Пещное действо происходило передъпраздникомъРоягдства Христова, въ Москвѣ и другихъ городахъ: въ немъ изобразалось вверяіеніе въ пещъ трехъ отроковъ вавилонсІШхъ (Ананій, Азарій и Мисаила) и чудесное избавленіе ихъ отъ пламени ангеломъ. По этому случаю, въ среду передъ Рождествомъ Христовымъ, въ церкви разбиралось большое паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась пещъ. Во всюнощную весь обрядъ ограничивался темъ, что дети, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые два халдея предшествовали святителю при вступленій его въсоборъ, при чемъ дети были одеты въ стихари и венцы, а халдеи—въ «халдейское платье». Костюмъхалдеевъ, по описанію, сохранившемся намъ отъ начала XVII ст. въ приходораеходныхъ книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома, состоялъ изъ шапочку, отороченныхъ заячьимъ мехомъ и вызолоченныхъ сверху. На теле у нихъ были шйрокія суконныя одежды, съ оплечьями изъ выбойки. При выходе предшествовалъ «халдей предъ отроки со свечами, а другой халдей (шелъ) по отроцехъ». Самое «действо», исполнявшееся во время заутрени, заключалось въ следующемъ: руки отроковъ обвязывались полотеицемъ, и они подводились халдеями къ святительскому месту. «Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близъ пещн, и стапуть отроки и халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на пещъ пальмами, и глаголетъ первый халдей къ отрокамъ: «Дети царевы!» Другій яге халдей поддваиваетъ тое-же речъ: «царевы!» И первый глаголетъ халдей: «видите-ли сію пещъ огнемъ горящу и вельми распяемому?» И паки второй глаголетъ халдей: «а сія пещъ уготовася вамъ на мученіе». И потомъ Ананія отвѣщаетъ: «видимъ мы пещъ сію, но не ужасаемъ ея; естъбоБогъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силень изъяти насъ отъ пещи сея». И по семь Азарія гла-

голетъ: «и отъ рукъ вашихъ избавить насъ». Тоже Ми-
саиль отв*щаетъ: «а сія печь будетъ не намъ намученіе,
но вамъ на обличеніе...» По благословеній святителемъ и
врученій каждому св*чи, отроки становятся опять около
печи. «И въ то время единъ отъ халдей кличетъ: «това-
рыщъ!» другой же халдей отв*щаетъ: «чево?» И первый
халдей глаголетъ: «это д*ти царевы?» а другій халдей под-
дваиваетъ: «царевы». Первый же глаголетъ: «нашего ца-
ря повел*нія не слушаютъ», а другій отв*щаетъ: «не слу-
шаютъ». Первый же халдей говоритъ: «а златому т*лу
(—тельцу) не поклоняются?» а другій халдей: «не покло-
няются». Первый халдей говоритъ: «и мы вкинемъ ихъ
въ печь»; а другаго ответъ: «и начнемъ ихъ жечь!» Поел*
того халдеи берутъ отроковъ подъ руки и вводятъ въ печь
«честно и тихо»; халдеи д*лають видъ, что разводять огонь
подъ нею. Въ это время хоръ п*вчихъ, протодьяконъ и
отроки въ печи поють священныя й*сни, и въ кони* стиха:
«яко духъ хладенъ и шумящъ», «сходилъ ангель госпо-
день въ печь ко отрокамъ въ труб* велиц* з*ло съ гро-
момъ...» (Флетчеръ, бывшій въ Москв* въ 1588—89 го-
дахъ, рассказываетъ о томъ, какъ ангель слеталъ съ цер-
ковной крыши въ печь къ тремъ отрокамъ, къ величай-
шему удивленно зрителей, при множеств* пылающихъ ог-
ней, производимыхъ посредствомъ пороха «халдеями»). Хал-
деи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, па-
дали, а дьяконы опаляли ихъ при помощи св*чей и травы
плауна («вм*сто ангельскаго паленія»). При этомъ слу-
ча* опять завязывался разговоръ меяду халдеями; первый
говориль: «товарыщъ!» Второй откликался: «чево?»—Пер-
вый: «видишь-ли?»—Второй: «вижу».—Первый: «было
три, а стало четыре; а четвертый грозень и страшень з*ло,
образомъ уподобился Сыну Божію».—Второй: «какъ онъ
прилет*ль, да и насъ иоб*дилъ».~Посл* того продолжа-
лись священныя п*сни; халдеи выпускали изъ печи отро-
ковъ: «И прищель халдей къ печи и отверзаеть пещныя
двери, и станеть противу печи безъ турика (шлема), и
кличетъ громогласно: «Ананія! гряди вонъ изъ печи» а
другій халдей говоритъ: «Чево сталь? не поварашивайся-
не иметь васъ ни огонь, ни смола, ни с*ра». А первый
халдей глаголетъ: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами его-

рели». Ананія же двигается съ места своего, и грядеть изъ печи, халдеи яге приѣмлють его подъ руки и ведутъ честно предъ святительское место; и глаголетъ первый халдей: «гряди, царевъ сынъ!» и поставитъ его противъ святителя на томъ же месте, иде же бе ипервее стоялъ». Сотворивъ три поклона передъ образомъ и поклонившись святителю, одинъ изъ халдеевъ говоритъ: «Владыко, благослови Азарію кликати» и кличетъ: «Азаріе! гряди вонъ изъ печи!» А другій халдей говоритъ по прежеписанному». Тамъ яге порядкомъ выводился изъ печи и Мисаиль, Затѣмъ церковная служба продолгалась по уставу, съ тою разницею, что въ некоторыхъ обрядахъ участвовали отроки и халдеи съ зажженными свечами... И въ продолженіи обедни и вечерни того дня участвовали и отроки, и халдеи¹⁾.

Описанное «дМство», при всей своей элементарной простота, возбуждало ягивой интересъ не только толпы, но даже и царя Алексея Михайловича, который вместе съ царицей каждый годъ присутствовалъ на совершеніи обряда пещнаго действия, хотя каждый годъ повторялось одно и то же, безъ всякаго добавленія или йзмененія. Эта невзыскательность зрителей, по отношенію къ данному церковно-сценическому представленію, даже еще въ XVII веке, нозволяетъ намъ делать заключеніе объ элементарномъ же составе вышеуномянутыхъ «позоровъ» и «глумовъ», исполнявшихся скоморохами, подтверждаемомъ наивностью и простотой вышеприведенныхъ иримеровъ позднМшихъ народныхъ сценъ. Только уже во второй половине XVII стол¹Мя сценйческія представленія обогатились и обновились: въ 1673 г. прибыль изъ за границы съ несколькими нѣмцами-актерами антрепренѣрь Готфридъ Яганъ, начавшій при дворе разыгрывать разныя «комедійныя действия» на сюжеты, заимствованные изъ ветхаго завета, и въ то же время появились на московской сцене духовныя драмы (или мйстерій русскія) Дмитрія Ростовскаго, между прочимъ его «комедія о Навуходносор[^] царе, о теле злате и о тріехъ

¹⁾ Древняя Россійская Вѣщоопка, изд. Новиковымъ. Изд. II. 1788 г. Ч. IV, стр. 363 и сл.—Ср. Пекарскій. Наука в литература въ Россіи при Петре Великомъ. 1862 г. I. Стр. 388 и сл. — Ср. также: Полевой. Исторія русской литературы въ очеркахъ и биографіяхъ. 1872 г. Стр. 187 и сл. Здесь же помещено и изображение самой «иещи Вавилонской»:

отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ». Здесь сюжете «пешнаго действия» приобретаетъ уже вполне литературную, драматическую обстановку ¹.

Обращаюсь къ вышеупомянутымъ участникамъ нещнаго действия, «халдеямъ». Какъ въ западной Европе средневековый церковныя сценическія представленія, или мистерій, постепенно принимали въ себя свѣтскіе элементы, давая грубо комическія сцены, а затѣмъ стали перемежаться съ шутовскими йнтермедіямъ, въ которыхъ действующими лицами являлись шутовскіе комедіанты, — что и повело за собой выгѣсненіе въ XIV вѣкѣ мйстерій изъ церкви сперва въ церковныя ограды, а потомъ на площадь, — подобно тому и «халдеи», йгравшіе столь видную роль въ церковно-обрядномъ пешномъ действе, съ заложенными свечами предшествовавшие святителю при вступленій его въ соборъ, участвовавши! въ церковной службе до и после самого действия, — «халдеи» появлялись въ своемъ обрядномъ наряде въ толпе народной въ теченій 12 дней рождественскихъ святокъ, въ роли шутовъ и проказниковъ, мало отличавшихся отъ глумцовъ-скомороховъ. Флетчеръ говоритъ, что халдеи въ продолженій 12 дней доляшы были бегать по городу переодетые въ шутовское платье и делать разныя смешныя потуки ²), т. е. «глумы». Олеарій подробнѣе описываетъ эту сторону деятельности халдеевъ: «въ бытность нашу въ Москве — пишете Олеарій — это были известные безпутные люди, которые ежегодно получали отапатріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бегать по улицамъ города съ особаго рода потешнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потешаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе халдеи подождли у одного крестьянина возъ сена, и, когда этотъ бедняга хотель было оказать имъ сопротивленіе, то они соягли ему бороду и волосы на голове; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ халдеевъ, долженъ заплатить имъ копейку (6 пфенниговъ). Халдеи же одевались какъ масляничные шуты.

<) Полевой. Истор. русс. лит. 188 и сл
3) Тамъ-же: 185, 187.

или штукари, на головахъ носили деревянный раскрашенный шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потехи... Свой поташный огонь халдеи делали изъ порошка, который добывали изъ одного наземнаго растенія или зелья, и порошокъ этотъ называется плауномъ (Plau)... Огонь этотъ—прибавляете Олеарій—довольно забавенъ для глазъ и представляетъ удивительное зрелище, особенно пущенный ночью, или въ темномъ месте, и имъ можно делать бездну увеселительныхъ штукъ»¹⁾).

Ясъ намъ рѣшеть остановился несколько долее на «халдеяхъ» и участіи ихъ въ «пещиомъ действе», такъ какъ, но сохранившимся подробнымъ свѣдѣніямъ объ этомъ «действе», мы можемъ делать заключенія о характере «позоровъ» или представленій современныхъ халдеямъ скомороховъ,—представленій, несомненно имѣвшихъ, какъ и пещное дѣйство, самую элементарную форму. Съ другой стороны, сами халдеи, не будучи скоморохами, сближаются съ последними: 1) какъ исполнители «дѣйства»; 2) какъ народные потешники и проказники (см. ниже, гл. 3); 3) они, подобно святочнымъ рясеннымъ, въ теченіи времени своихъ беганій и потехъ, считались какъ бы язычниками, нечистыми, и должны были очищаться крещенской водой (см. ниже, гл. 5); наконецъ, 4) въ виду наносимаго нередко огненными потехами халдеевъ вреда простому народу, потехи эти, а равно и беганіе халдеевъ по городу въ своеобразномъ ихъ нарядѣ, были запрещены патріархомъ, подобно тому какъ запрещались и наконецъ совершенно вывелись, приблизительно въ то же время, воскресные и праздничные публичные скоморошескіе «глумы» и потехи (см. ниже, гл. 6), воспоминаніе о которыхъ продолжаете еще жить въ народѣ въ видѣ игръ и представленій ряженыхъ, нынѣ йриурочиваемыхъ почти исключительно ко времени рождественскихъ святокъ и масляницы.

Къ разряду «глумовъ» или «позоровъ» безъ сомненія причислялись и «игры глаголемыя куклы», кукольные

¹⁾ Подр. опис. путеш. въ Мосиов. 314—315.

игры, т. е. представлѣнія изъ куколъ или маріонетокъ. Объ этихъ играхъ можно себе составить понятіе, какъ по кукольнымъ представлѣшямъ, до сихъ поръ даваемымъ обыкновенно при звук* шарманки, къ которой иногда присоединяются удары бубновъ и треугольника, скрывающимися за ширмами бродячими поташниками (преемниками старинныхъ скомороховъ-кукольниковъ), такъ и по описанію Олеарія. очевидца кукольныхъ комедій, представлѣвшихся на Руси въ 30-хъ годахъ ХУІІ стол-лѣтія: «Они (комедіанты - кукольники) обвязываютъ вокругъ своего тела простыню—пишетъ Олеарій—поднимаюсъ свободную ея сторону вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ пѣчто въ роде сцены (theatrum portatile), съ которою они ходятъ по улицамъ и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представлѣнія»¹⁾.—Устройство современнаго бродячаго кукольнаго театра въ Москвѣ, по словамъ г. Ровинскаго, чрезвычайно простое: на двухъ палкахъ развешивается простыня изъ крашенины, и изъ-за этой простыни кукольникъ высовываетъ свои куклы и производитъ свои представлѣнія; аккомпаньементъ къ этимъ представлѣшямъ, въ древнее время (на картинкѣ у Олеарія), состоялъ изъ гусяра и гудочника, теперь оба они заменены шарманкой. Въ изображенномъ у Олеарія кукольномъ представлѣніи г. Ровинскій узнаетъ «классическую коюедку о томъ, какъ цыганъ продавалъ Петрушкѣ лошадь. Справа высунулся цыганъ,—онъ очевидно хвалить лошадь; въ срединѣ длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпаке, поднятъ лошадкѣ хвостъ, чтобы убедиться, сколько ей летъ; слева должно быть Петрушкина невеста, Варюшка. Комедія эта — продолжаешь г. Ровинскій — играется въ Москвѣ подъ Новинскимъ и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и гнуся въ носъ,—разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нѣбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это делается у французовъ и итальянцевъ.

¹⁾ Подр. опис. путеш. въ Носков. 178-179. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ помещено изображен* такого кукольнаго представлѣнія, сопровождаема™ игрою двухъ музыкш товъ на гудкѣ и гусярахъ. j»»»*

Является цыганъ, предлагаешь Петрушке лошадь. Петрушка осматриваетъ ее, при чемъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія, —они составляю™ самую существенную и самую смехотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ,—цыганъ говорить безъ машинки, басомъ. После длинной переторяски, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьетъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убегаетъ, оставляя его на сцене замертво. Следуетъ жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину добраго молодца. Приходитъ докторъ: где у тебя болить?—вотъ здесь! И здесь?—и тутъ! Оказывается, что у Петрушки все болить. Но когда докторъ доходитъ до неяшаго места, —Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокоиваетъ доктора.

«Какой-ясе ты докторъ», кричить ему Петрушка, «коли спрашиваешь, где болить?—на что ты учился?—самъ долженъ знать где болить!» Еще несколько минутъ, — является квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицеръ». Такъ какъ на сцене лежитъ мертвое тело, то Петрушке производится строгій допросъ (дискантомъ): «зачемъ убилъ доктора?» — ответа (въ носъ): «затемъ, что свою науку худо знаетъ — битаго смотреть, во что бить не видитъ, да его-ясе еще и спрашиваетъ».

Слово за слово,—видно допросъ фатальнаго Петрушке не нравится, онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтоженьемъ и изгнаніемъ фатальнаго, къ общему удовольствию зрителей; этотъ кукольный протеста противъ полиціи производитъ въ публике обыкновенно настоящШ фуроръ.

Пьеса кажется-бы и кончилась; но что делать съ Петрушкой? И вотъ на сцену выбегаетъ деревянная собачка—пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу изъ лайки). «Шавочка—душечка», ласкаетъ ее Петрушка: —«пойдемъ ко мне жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить»; но шавочка, ни съ того ни

съ сего, хватъ Петрушку за'нось; Петрушка въ сторону, она его за руку, онъ въ другую, она его опять за носъ; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное б'ѣгство. Тѣмъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедіанту, дадутъ на водку, то вслѣдъ за тѣмъ представляется особая интермедія, подъ названіемъ Петрушкиной свадьбы. Сюжета въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣйствія. Петрушкѣ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ ее на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушкѣ и ждатель свадьбы ему не въ терпѣжъ, почему и начинаетъ онъ ее упрашивать: «пожертвуй собой Варюшка!» за тѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это уже настоящій и «самый послѣдній конецъ» представленія за тѣмъ Петрушка отправляется на нарушающую сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представление.

Въ промежутках-!, между дѣйствіями пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ араповъ,—иногда цѣлая интермедія о дамѣ, которую ужалила змія (Ева?); тутъ-же, наконецъ, показывается игра двухъ паяцовъ мечами и палкой. Последняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно; у куклы корпуса нѣтъ, а только подделана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ руки, тояге пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки—первый и третій пальцы, обыкновенно напяливаетъ онъ по куколѣ на каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ... Шарманщикъ (бывающей при кукольной комедіи) вмѣстѣ; съ тѣмъ служитъ «понукалкой», т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки»²⁾.

¹⁾ Заключительная сцена, по своему цинизму, совпадаетъ со старинными русскими кукольными представленіями, въ которыхъ, по свидетельству Оларія, показывались «свამнѣя дела». Подр. опис. иугеш. въ Москов. 178.

²⁾ Ровинскій. Русс. нар. карт. II, 211; Г, 225—227.

Г. Шейнъ такъ объясняете слова: «кукольникъ, кукольнички»—«родъ волочебниковъ, ходившихъ на св. Недели (въ преяшія времена) по деревне для собиранія подачекъ, съ песнями, возя за собою особаго устройства ящикъ съ куклами»¹⁾. По личнымъ объясненьямъ г. Шейна, сообщаемымъ проф. Веселовскимъ, куклы двигаются на колышкахъ и изображаютъ лошадокъ, обыкновенно краснаго цвета, среди которыхъ на беломъ коне фигурируетъ Св. Георгій; ті; лошади—его стадо. За этимъ легендарнымъ сюжетомъ, по замѣчанію проф. Веселовскаго, легко предположить существованіе более древняго, светскаго, съ такими-же типами хлопа, пана, жида, цыгана и т. п., какіе до послѣдняго времени являлись на святочной сцене білоруссовъ, то живьемъ, въ лице ряженыхъ (ср. выше стр. 97—98), то въ кукольной драме²⁾. Проф. Безсоновъ такъ описываетъ кукольную комедію білоруссовъ: устраивается ящикъ, въ роде нашего райка со стеклышкомъ, чаще съ отодвигною или поднимающеюся переднею стенкою, иногда - же съ дверцами; въ ящике известныя декораціи; полъ устланъ шкуркой; прорѣзныя дорожки для движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ лоскутьяхъ, дѣйствуютъ посредствомъ проволоки или веревочекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тела (какъ въ театре маршнетоки); разговоры дѣйствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугами; свете въ ящикъ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ роде подвижнаго балаганчика, и носятъ его два человека; начало и антракты имѣютъ музыку, волюнку или скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ его, служитель; порою два, три служителя; иногда заведуетъ целая компанія. Ныне ящики съ кукольной комедіей въ Белой Руси носятъ названіе Вертепа, реже—Яслей: подъ вліяніемъ костѣла, ныне главнымъ содержаніемъ разыгрываемыхъ въ нихъ пьесъ сделались сцены изъ священнаго писанія, во главе которыхъ стоите представленіе рождества Христова, внутренность священнаго вертепа, со святымъ семействомъ, изображеніе Божествен-

*) Белорусе, нар. нтс. Словарь, сл.: «кукольникъ».

2) Розыскъ, въ обл. русо. дух. стих. VII. Ц. 213—214.

наго Младенца въ ясляхъ (отсюда и новМшія названія кукольнаго ящика: «вертепъ» или «ясли»). Впрочемъ, и еще нын* въ «Вертеп*» продолжатъ представляться и бол*е вульгарный кукольные комедіи, на чисто народные сюжеты въ род* т*хъ, какіе перечислены выше (стр. 98)¹).

В*лорусскій кукольный ящикъ «Вертепъ»(или «Ясли») сближается съ великорусскимъ райкомъ. «Раёкъ — это небольшой, аршинный во вс* стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди, пишетъ г. Ровинскій. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными йзображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событій. Зрители, «по коп*йк* съ рыла», глядятъ въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и рассказываетъ присказки къ каждому новому номеру, часто очень замысловатый: «а вотъ извольте вид*ть, господа, андереманирь штукъ—хорошіи видь, городъ Кострома горить; вонъ у забора муашкъ — стоитъ и . . . ; кварталный его за воротъ хватаетъ, — говорить, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаютъ (намокъ на знаменитые Костромскіе поясары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательств* чуть не каждого попавшагося, поголовно). Картина переменяется, выходитъ Петербургскій иамятникъ Петра перваго: «а вотъ андереманирь штукъ — другой видь, Петръ первый стоитъ; государь былъ славный, да притомъ-же и православный; на болот* выстроилъ сто-

*) Белорусе. піс. I, 99, 105. Какъ грубые и элементарные «позоры» скомороховъ относятся къ позднейшимъ, более сложнымъ, художественнымъ «нозорвнымъ играмъ», т. е. трагедіямъ и комедіямъ, такъ и элементарные кукольные представления скомороховъ относятся къ позднейшимъ усовершенствованнымъ, ' «кукольнымъ играмъ», дававшимся на особыхъ сценахъ: «Между нозорищными играми» — читаемъ въ С.Петербургскихъ Ведомостяхъ 1733 г.—«надлежитъ также считать и кукольные игры, въ которыхъ представлєнія не живыми персонами, но куклами делаются. Такія куклы столь искусно делаются, что все ихъ члены тонкими проволоками, какъ кому угодно, обращать можно, и такимъ способомъ оными все двйженія человеческого тела изображаются. Хотя речи помянутыхъ куколъ отъ скрытыхъ позади театра людей произносятся, однакожъ ради нарочитаго отдаленія зрителей, оное насилу приметить можно.. Къ томужъ такими куклами мвогія двйствія показать можно, къ которымъ живыя персоны весьма не способны. Напримеръ, можно ими удивительнейшіе образы людей, редко виданные уроды, смертельныя убивства, и другія симъ подобныя вещи очень легко изъяслять, чтобъ живыми людьми не безъ великаго труда въ двйство производить надлежало». (Примечаніе на Ведомости, часть 45, іюня 4-го 1733 г., стр. 182). По свидѣтельству Олеарія, виденія имъ русскія кукольныя игры (см. выше стр. 106) изображали, между прочимъ, срамныя дела, для обозначенія которыхъ авторъ невольно прибегаетъ къ латинскому языку. (Подр. опис. нутеш. въ Москов. 178).

лиду, . . . государь былъ славный, да притомъ-же и православный». Еще картинка: «а вотъ андереманиръ штукъ— другой видъ, городъ Яалерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ итальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотреть андереманиръ штукъ— другой видъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею быють, ничего не даютъ» и т. д. Въ конце происходятъ показки ультра-скоромнаго пошиба, о томъ напримеръ, какъ «зять тещу завель въ осиновою рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...» и т. д. которыя для печати уже совсемъ непригодны¹⁾:

Съ образомъ скомороха-потешника сблизается типъ домашняго шута или дурака. Самымъ виднымъ, наиболее выдающимся предметомъ комнатной забавы, по замечанію г. Забелина, былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постояннаго спектакля, постоянной вседневной утѣхи для всехъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Достигалась эта цель то пошлыми, то остроумными словами и поступками, нередко впадавшими въ цинизмъ. Дуракъ, независимо отъ потешной роли своей, иной разъ становился суровымъ и неумолимымъ обличителемъ лжи, коварства, лицемерія и всякихъ пороковъ, нередко только такимъ нутемъ доходившихъ до сведѣнія его господина. Достоверный извѣстія объ историческихъ шутахъ русскихъ мы имеемъ, начиная съ XVI столетія. Известенъ шутъ Таврило въ 1537 г. Шутовъ и шутовство особенно любилъ царь Іоаннъ Грозный. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г., рассказываетъ между прочимъ: «царь въезжалъ при насъ въ Москву... Впереди ехали 300 стрельцовъ, за стрельцами шутъ его на быке, а другой въ золотой одежде, затемъ самъ государь». Царь Оедоръ Іоанновичъ также всегда забавлялся шутами и карликами мужескаго и женскаго пола, которые кувыркались передъ нимъ и пели

¹⁾ Ровинскій. Русс. нар. карт. V, 231—232, прим. 187.

песни. Даже Тушинскій царикъ им'Ъль при себе шута, Петра Киселева. Въ смутное время упоминается шутъ Иванъ Яковлевъ Осминка, который бывалъ у даря (Шуйскаго или Тушинскаго—неизвестно) всякій большой праздникъ. Молодаго царя Михаила Оедоровича въ первое время (1613 г.) потъшалъ дуракъ Мосяга или МосМ (Моисей), а въ хоромахъ у матери царя, великой царицы иноки Мароы Ивановны, въ Вознесенскомъ монастыре яшла дура Манка (Марья) Не буду останавливаться на дальнейшихъ именахъ известныхъ царскихъ шутовъ и дураковъ. Княжескій или царскій шутъ или дуракъ-забавникъ и насмешникъ нашель себе место и въ былинахъ: Добрынина мать спрашиваетъ своего сына, который въ кручине возвращается съ княжескаго пира:

«Идешь съ пиру—самъ кручинишься?
Знать мѣсто было тамъ не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дуракъ на пиру надсмеялся, де?»²⁾ .

Въ другой былине король Польтовскій на пиру обращается къ двумъ татарамъ, не принимающимъ участія въ общемъ веселье:

Не 4дите, не пьете, не кушаете:
•Вства вамъ не по уму, питья не по разуму,
Аль дуракъ надъ вами насмеялся,
Пьяница васъ приобозваль?³⁾

Шуты держались и частными людьми. Описывая придворный бытъ императрицы Анны Иоанновны, въ царствованій которой, заметимъ кстати, унйженіе человеческого достоинства въ лице шута достигало высшихъ пределовъ, Манштейнъ свидетельствуетъ, между прочимъ, что «по древнейшему въ Россій обычаю, каждый частный человеку получающШ хорошіе доходы, имеетъ при себе по крайней мере одного шута»⁴⁾. Остатокъ обычая держать

¹⁾ Забелинъ. Дом. бытъ русс. цариць. 416 и сл.

²⁾ Кйрйевскій. Шсни. П, 26.

³⁾ Рыбниковъ. Песни. IV, 93.

⁴⁾ См. , Забелина. Дом. бытъ русс. цариць. 419.—Во многихъ русскихъ домахъ изстари, какъ и при царскомъ дворе, держались для забавы и карлы и кап»и.?г «Нтъ ни одного знаменитаго господина, который-бы не держаль карлика или карлицы

для пот*хи шутовъ, по словамъ Прыжева, сохранился между прочимъ въ Московскихъ?, городскихъ рядахъ, гд* каждый рядъ им-Беть собственная шута. Такъ л*тъ 25 тому назадъ в. Н. принадлежала Ноясовой лйній, въ нижнемъ игольномъ ряду былъ н*кій И. С., въ серебряному-же И. Е. Къ нимъ должно отнести и здороваго мужика, пребывавшаго въ гостинномъ двор*, гд* онъ за дв* копМки лаялъ собакою, кричалъ п*тухомъ, бляля, мычалъ и пр. Этого мужика любители собачьяго лая приглашали на домъ, для увеселенія своихъ женъ и домоладцевъ. Ходилъ по рядамъ еще йдіють, крйчавшій павлиномъ. «Идетъ этотъ йдіють, и кричатъ со вс*хъ сторонъ: «прокричи павлинчикомъ! прокричи павлинчикомъ!» Онъкричитъ, и вс* выходятъ изъ-за прилавковъ, и см*ются, и см*ются вс* проходяііе. Получивъ несчастное подаеніе, йдіюта идетъ дальше» ¹⁾). Такого рода шуты или дураки соотв*тствуютъ западнымъ народнымъ дуракамъ (Yolksnarr), какъ упомянутые выше царскіе шуты— западнымъ дуракамъ придворнымъ (Hofnarr). — Г. Ровинскій также зам*чаетъ, что въ Москв* шутовство было еще въ нолномъ ходу до посл*дняго времени, въ лиц* смышленнаго дурака Ивана Савельича, всенародно б*гавшаго на гулянь* въ Подновинскомъ, декольте, въ шитомъ красномъ мундир*, въ женской юбк* и въ женской шляпк* задомъ на передъ, и н*сколькихъ другихъ мен*е изв*стныхъ шутовъ. Иванъ Савельичъ былъ любимцемъ старухи К. П. Толстой и многихъ московскихъ баръ и барынь 1820 — 40 годовъ; онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ въ три-дорога; всякій покупалъ у него охотно, за его прибаутки и присказки. «Сына», рассказывалъ онъ, «хот*ль я пустить по своей дорог*, выгодно право; да н*тъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустиль» ²⁾).

для хозяйки дома», писалъ въ начале прошедшаго сюлітія авторъ сочненія <Das veraenderte Russland». 1721. (I, 285). Вследствие того, на праздновавшей въ 1710 г. свадьбе царскаго карлика [Екима Волкова] съ карлицей, оказалось возможнымъ собрать, въ качестве гостей, до 72 карльковъ. Обычай держать для забавы карликовъ и карлицъ сохранялся во многихъ русскихъ домахъ, даіе не особенно богатыхъ, до средны XIX столетія. Карды и карлицы, по словамъ г. Ровинскаго, ценились на равне съ самыми дорогими зверьми и собачкамъ. (Русс. нар. карт. IV, 332; V, 274).

^{*)} Прыжевъ. Ншціе на святой Руса. 1862 г. Стр. 102—103.

²⁾ Русс. нар. карт. V, 273—274.

Выше (стр. 94) приведено свидетельство Маскѣвича о томъ, что въ Москвѣ на вечеринкахъ забавляли присутствовавшихъ плясками и кривляньями шуты (блзны), невѣщія при томъ по большей части весьма безстыдныя песни. Здесь образы шутовъ и скомороховъ сливаются. На лубочныхъ картинкахъ встречаемъ изображенія пировъ, где, кроме пирующихъ, представлены еще, то шутъ, то певецъ съ гитарой или безъ гитары, то балалаечникъ, т. е. представители разныхъ отраслей скоморошескаго искусства. На другихъ картинкахъ изображены: скоморохъ-волынщикъ въ шутовскомъ костюме съ бубенчиками, или: шутъ, играющій на волынке, въ шутовскомъ нарядѣ, т. е. такой же скоморохъ-волынщикъ, и т. п. ¹⁾).

Извѣстно въ народѣ выраженіе: шутъ гороховый. Не находится ли оно въ связи съ образомъ упомянутаго выше (стр. 95 и сл.) гороховаго медведя, какъ одной изъ фигуръ святочного маскарада, т. е. окутаннаго гороховой соломой скомороха? Въ последней день масляницы въ некоторыхъ мѣстахъ Россіи возятъ гороховаго шута или соломенное чучело, похожее на ясенщину съ распущенными волосами; это называютъ: провожать масляницу ²⁾). Оближете здесь гороховаго шута съ соломеннымъ чучеломъ свидетельствуетъ въ пользу моего предположенія о связи его съ фигурой западно-славянскаго окутаннаго гороховой соломой ряженнаго («гороховаго медведя»).—Другое выраженіе: шутъ полосатый очевидно вызвано полосатымъ костюмомъ шутовъ-потешниковъ. Подъ изображеніемъ на лубочной картинке шута Гоноса, между прочимъ подписано: «вкавтанъ азъ облекся полосаты» ³⁾). Какъ скоморошество (глумотворство, смехотворство, переряживаніе) считалось деломъ «бесовскимъ», «сатанинымъ», какъ ряженые скоморохи уподоблялись «бесамъ», какъ скоморохъ вообще считался йсчадіемъ чорта (см. ниясе). такъ и шутъ, въ качествѣ глумца, смехотворна, въ народныхъ поговоркахъ отождествляется съ чортомъ, напр. говорятъ: «шутъ

¹⁾ Ровинскій. Рис. нар. карт. 1, 312, 3 3

²⁾ Тамъ-же: V, 218.

³⁾ Тамъ-ше: IV, 311.

(вместо: «чортъ») его побери», «ну его къ шуту» (=къ порту), «допился до шутиковъ» (= до чертиковъ) *). Повторяю, что образы русскихъ шутовъ и скомороховъ неоднократно не только сближаются, но и сливаются во едино.

Старинныя скоморошныя персоны, по зам*чанію г. Ровинскаго, дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема-пакольникъ, который на масляной выл*заетъ на балаганный балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и невпопадъ, но только всегда въ риему, глотаетъ зажженную паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошнымъ ублгодкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мук* и прозваннымъ Замазкой—это итальянскій Gian Fagina, т. е. Иванъ-мука.

Во глав* шутовъ или дураковъ вполн* русскаго изобр*тенія стоятъ прославленные въ разныхъ пов*стяхъ, п*сняхъ, былинахъ, народныхъ картинкахъ, Оома и Ерема. Оба они братья, друзья-товарищи, неудачники во вс*хъ своихъ предпріятіяхъ. Дурацкая, шутовская природа обоихъ неразлучныхъ братьевъ обнаруживается, какъ во вн*шнемъ вид*, такъ и въ похожденіяхъ ихъ:

Ерема былъ плешивъ, а Оома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба р^вны...
Ерема кривъ, а Оома съ бльмомъ...

Еремей щепливъ, а вома ломливъ;
На Еремй шляпа, а на Оом& колпакъ,
Ерема въ сапогахъ, а Оома въ чеботахъ,
Ерема въ чужомъ, а Оома не въ своемъ.

(Изъ повести о Ерем* и Оом* по рукоп. ХУІІІ в.)

Или:

Ерема съ Оомой были брательнички,
Сни ладно живали, хорошо хаживали;
Ерема-то въ рогожкѣ, Оома въ торжицѣ;
У нихъ бороды какъ бороны, усы какъ кнуты.

(Изъ п*сни, записанной Костомаровымъ въ Саратовской губ.)

*) Шуты и скоморохи. «Историч. Вістн.і» 1888 г., т. XXXII, стр. 463. Въ этой-же статьѣ читатель найдетъ обильныя свѣдѣнія о шутахъ западно-европейскихъ.

Приведу некоторые отрывки из только что упомянутой забавной повести о названных двух братьях:

Выли себѣ да жили два человека
Торговые люди—Ерема да бома.
Славные люди! славно живутъ!
Сладко пьютъ и бдѣть, носятъ хорошо!
У Ереме клѣтъ, а у Оомы изба.

Похотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Оомою—
Сѣсти посети, позавтракай;
Ерема сѣлъ на лавку, а Оома въ скамью,
Ерема ва редьку, а вома за чеснокъ,
Ерема чеснокъ лупить, а вома толчѣтъ,
Толко сидѣть, ничего не бдѣть,
Коя бѣда бѣтъ (коли нѣтъ ничего?)
Вставши они, другъ другу челомъ,
(Другъ другу челомъ) а не вѣдаютъ о чемъ.

Собрались братья въ церковь, къ обеднѣ:

Ерема крестится, а Оома кланяется,
Ерема въ книгу глядитъ, а бома поклоны устанавливаетъ.
Ерема не учитъ, а Оома не умѣетъ.

Пришелъ къ нимъ лихой пономарь съ требовашемъ денегъ на молебнѣ, но денегъ у нихъ не оказалось:

Осердился на нихъ лихой пономарь,
Ерему въ шею, а Оому въ толчки,
Ерема въ двери, а Оома въ окно,
Ерема ушелъ въ лѣсъ, а Оома—въ сосникъ;
Стали они другъ другу говорить:
«Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»

Поступаютъ братья къ хозяину, осердился хозяинъ на Ерему и на вому, повторяется такое же, какъ раньше, избѣженіе обоихъ:

Ерему били, а Оомѣ не спустили,
Ерема ушелъ въ березнякъ, а вома—въ дубнякъ.

Сговорились братья зайцевъ и лисицъ хватать:

Ерема Оомѣ говорить:
«Брате Ооме, хватай, въ кошель сажай!»
— Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?»

Поел* разныхъ еще неудачныхъ нохожденій,

Ерема ейль въ лодку, а 9ома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплыль, а вома не остался;
Какъ будутъ они среди рйки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а бому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водіі, а 9ома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали,

И тако двумъ братомъ конецъ! Еремй съ Эомою,
Обйимъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

Печальный конецъ братьевъ-дураковъ въ подписи подь соответствующей картинкой изложенъ такъ: «Ерема опрокинулся (въ) воду, вома на дно оба упрямы содна неидуть (.) по ерем* блины по еоме пироги а начинку выклевали воробьи».—Оба «дурака» им*ютьихарактеръ скомороховъ: на народныхъ картинкахъ они являются въ вид* «Оомушки музыканта и Еремы поплюханта». «Оома музыку разумеетъ а ерема свистать щелкать плесать хорошо умеетъ. Оома толко что іграетъ: а ерема глазами мигаетъ і . . . віляетъ», читаемъ въ подписи подь йзображеніемъ обоихъ молодцовъ. По словамъ только что приведенной, въ выдержкахъ, пов*сти о братьяхъ-дуракахъ,

У Ереме гусли, а у бомы домра,..
Ерема играетъ, а 9ома напйваетъ ').

Мы вид*ли выше, что образъ дурака или шута (народнаго или придворнаго) неоднократно сливается на Руси съ образомъ скомороха; такъ точно получаютъ въ народномъ представленіи характеръ скомороховъ и дураки Ерема съ Оомой, сд*лавшіеся героями народныхъ пов*стей, п*сень и картинокъ, игривые тексты которыхъ въ свою очередь исполнены юмора и изукрашены шутками и прибаутками, несомн*нно роднящимися съ ймпровйзаціямй, «глу-мами» и «кошунами» старинныхъ см*хотворцевъ и глумословцевъ — скомороховъ.

гг. Скоморохи и вожаки медведей и других ученых зверей.—Плясуны на канатъ.

Къ числу наиболее любимыхъ и распространенныхъ въ старину въ Россіи забавъ принадлежала потеха медвежья. Медведей, которыми такъ изобиловали обширные леса, покрывавшіе русскую землю, изстари ловили и содержали для разныхъ потешныхъ целей: забавлялись медвежьей травлей (травили пойманныхъ медведей собаками¹⁾, иногда яге травили людей медведями²⁾, медвежьимъ боемъ (спускались для борьбы медведи между собой, чаще же боролись съ медведемъ люди)³⁾, наконецъ—медвежьей

¹⁾ См. у Забелина. Домъ бытъ русс., царицъ. 464.—0 медвежьихъ потехахъ упоминается въ сказаніи о Юкѣ Колоцкомъ (въ началѣ XV в.), который держалъ множество псовъ п медведей и има «веселяшеса и утешашеса» (Древ. летописецъ. 11.416, 417). Малюта Скуратовъ держалъ медведей, которыхъ травили для потехи. Травля на медведя продолжала существовать въ Москвѣ почти до шестидесятихъ годовъ нашего столѣтія, за Рогожской заставой; на эту медвежью травлю, по словамъ г. Ровинскаго, каждое воскресенье собиралось множество народа, посмотреть, какъ «коровьяго врага» собаки треплютъ. (Русс. нар. карт. IV, 290: V, 231.)

²⁾ Иоаннъ Грозный, по свидѣтельству Гвагяива, неоднократно травилъ людей медведями, и въ гнѣвъ, и въ забаву: видя иногда изъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медведей и громко смеялся бѣгству, воплю устрешенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; изупеченныхъ царь награждала давалъ имъ по золотой деньгѣ п болѣе. Это бывало большею частью въ зимнее время, когда Иоаннъ изъ дворца своего виделъ людей, катающихся по льду реки и пруда. (Карамзинъ. Цсторія государства російскаго. 1843 г. т. IX, стр. 97 и прим. 322.)—Кельхъ рассказываетъ о казни, совершенной Баинномъ въ 1568 г. надъ заподозренными въ йзмѣнѣ. Умерщвлены были не только виновные, но и ихъ семьи, даже ихъ скотъ, собаки и проч. шивотныя. Два брата, служившіе палачами, не могли убить найденнаго ими въ колыбели прекраснаго младенца и принесли его царю. Иоаннъ взялъ его, ласкалъ и целовалъ, а затемъ закололъ его ножомъ а выбросилъ изъ окна, па съеденіе медведямъ (Kelch. Lieflandische Historia. 1695. S. 281—282), которые, следовательно, помешались подъ царскими окнами.—Слуги подражали господину. Летописецъ рассказываетъ подъ 1572 годомъ: ва Софійской сторонѣ, въ земшинѣ Суббота Осетръ (тотъ самый, который въ 1571 г. набиралъ по городамъ и селамъ для царской потехи медведей и скомороховъ) билъ до крови дьяка Данила Бартенева и медведемъ его дралъ, и въ избѣ дьякъ былъ съ медведемъ; подьячіе изъ избы сверху металисъ вонъ изъ оконъ; ва дьяке медведь платье изодралъ, и въ одномъ кафтанѣ понесли его на подворье (См. у Соловьева. Ист. Росс. VII, 172.)—У Романовскаго (около 1720 г.) были ученые медведи, которые, по знаку хозяина, бросались мять вргоневавшаго хозяина гостя (.Русская Старина» 1872 г. Т. VЦ, стр. 850).

³⁾ Изъ времени Иоанна Грознаго и ведора Иоанновча имеемъ следующія известія: Василій Усовъ тешилъ государя, закололъ передъ нимъ медведя; Молинпновъ государя тешилъ, привелъ медведя съ хлебомъ да съ солью въ саадаке (т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами), и съ дикимъ медведемъ своего медведя спускалъ; тешилса государь на царицны именины медведями, волками и лисицами, и медведь Глазова (охотника) ободралъ. (Соловьеве. Ист. Россій. VII, 382.)—Въ XVII столѣтіи, при царяхъ Михаилѣ Оеодоровичъ и Алексѣе Михайловичѣ медвежья потеха этого рода была въ полномъ ходу. Имеемъ целый радъ свдѣтельствъ о неустрашвмыхъ бойцахъ съ медведями

комедіей. Медвежья комедія заключалась въ представлешяхъ, дававшихся учеными медведями, а именно: въ пляске ихъ, въ подражаній ими разнымъ д'бйствіямъ человека, въ йсполненій разныхъ гимнастическихъ упражненій и т. п. Все это составляло, по выраженію г. Забелина, собраннаго обильный матеріаль по вс*мъ тремъ статьямъ названной потехи,—довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашняго общества, вполне зам'бнявшій ему наше театральное зрелище. Какъ всякая игра, такъ и медвежья комедія привлекла къ себе участіе скомороховъ, сопровождавшихъ медвежьи представленія игрою на музыкальныхъ инструментахъ. По свидѣтельству 2-ой Новгородской летописи, въ 1571 г. въ разныхъ городахъ и селахъ набирались для царской потехи медведи и скоморохи Олеарій упоминаетъ о волынщикахъ, игравшихъ подъ пляску медведей при дворе Іоанна Грознаго²⁾. Кроме йзвестій о медвежьихъ потехахъ царскихъ, имеемъ разныя сведенія о томъ, что подобный забавы распространены были и въ народѣ, какъ въ Россій, такъ и въ Литве. Вундереръ, описывая великое княжество Литовское въ 1590 г., говоритъ, что жители его въ особенности держать много медведей, которыхъ обучаютъ играмъ, борьбѣ, пляскамъ, верченію мельницъ, черпанію воды, ловленію рыбы, и прибавляетъ, что и въ Москвѣ и въ Лйфляндій есть медведи, которые, подобно матросамъ, лезутъ вверхъ и внизъ по мачтовымъ столбамъ³⁾. Севастьянъ Клѣновичъ (ум. 1602 г.) въ своей Роксоланій упоминаетъ, между прочимъ, о русскихъ медведчикахъ XVI вѣка и искусствѣ обучаемыхъ ими медведей: по его словамъ, последніе умеютъ подъ сильный звукъ дудки (tibia) ударять въ тактъ въ ладони, вста-

при чемъ неоднократно упоминается о томъ, что того ила другаго бойца медведь <измялъ», или на немъ «платъе ободралъ», тому или другому «изъбъ руку», «изъ4лъ голову» и х. и. Оружіемъ бойцовъ служили рогатины и вилы, которыя всаживались разсвйрпівшему, подныавшемуся на заднія лпы, медведю въ грудь. (См. у Забелина. Дом. бытъ русс. царпцъ. 467 и сл.)

¹⁾ См. выше стр. 5. Есть подобная же грамота царя Михаила ведоровича (1619 г.), посланная имъ на северъ, въ медвежью страну, которой приказывалось собирать для царской псарни собакъ и медведей. (Забелинъ. Дом. бытъ русс. царпцъ. 462—463.)

²⁾ Подр. опис. иутеш. въ Москв. 79.

³⁾ W. underer. Heise iv Moskau 1590, въ Frankfurter Archi? fur altere deutsche Literatur und Geschichte. 1812. II, S. 199.

вать (на дыбы), но приказанію вожака, съ обращенншъ къ небу лицомъ, подражать непристойнымъ пляскамъ народной толпы и т.п. Михалонъ Литвинъ говорить, что «крестьяне, оставивъ ноле, идутъ въ шинки и нируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медведей увеселять себя пляскою подъ волюнку»¹⁾. По свидетельству Ригельмана, Литвяки медведей ученыхъ по городамъ водятъ и на трубахъ, при этомъ играютъ²⁾. О медведчикахъ и ихъ вожакахъ неоднократно говорится и въ разныхъ русскихъ памятникахъ, упоминаемыхъ ниже (стр. 122). Можетъ быть и Лука Колоцкій (см. выше стр. 118, пр. 1) «веселился и утешался» не только дикими, но и учеными медведями³⁾. Подробное перечисленіе показываемыхъ учеными медведями потешныхъ действий находимъ въ следующемъ объявленіи, напечатанномъ въ Петербургскихъ Ведомостяхъ 1 іюля 1771 г. №52: «*Для извѣстїя. Города Курмыша Нижегородской губерніи* крестьяне привели въ здешній городъ двухъ большихъ медведей, а особливо одного отменной величины, которыхъ они искусствомъ своимъ сделали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленно смотрителей, по ихъ приказанію исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до техъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хмель вьется; 3) на заднихъ ногахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ; 5) натягиваютъ и стреляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку ездятъ

См. у Веселовскаго. Розыскъ, въ обл. русс. дух. стих. VII. и 186.

²⁾ Чтенія въ Императ. обществе исторіи и древностей росс. при Московск. уни-перепетъ. 1847 г. Апрель; Прибавленіе къ летописному повествованію о Малой Рос-сіи. 1785—1786 г., стр. 87.

³⁾ Любовь къ ученымъ медведямъ распространена была и позже въ высшихъ сферахъ С.-Петербургскій преосвященный беодосій Явковскій (1745-1750) былъ страстный любитель медведей; келейникъ его Кариовъ обучалъ молодыхъ иедръ Кжать ходити на заднихъ лапахъ и илясать, въ платье и безъ платья, и делать разный фигуры. Императрица Елизавета, любившая держать въ передней молодыхъ «медведковъ», отсы-лала ихъ для обученія въ Александроиевскую лавру, къ преосвященному. Кариовъ за-нимавшая здесь ихъ обучешемъ, доставилъ, между прочимъ, въ 1754 г. въ двооповый кабинета раиорть, что изъ двухъ присланныхъ ему медвежатъ онъ одного обучилъ хо-дить на заднихъ лапахъ, и даже въ платье, «а другой медвѣденюкъ къ науке иепоия-тень и весьма сердить.. (Древняя и Новая Россія». 1876. № 12 стр 418-419)

такъ, какъ малые робята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цепь; 10) ходятъ какъ карлы и престарѣлыя, и какъ хромяя ногу таскаютъ; 11) какъ лежанка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ; 12) какъ сельскія дѣвкѣ смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя робята горохъ крадутъ и ползаютъ, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленяхъ, выкравши-же валяются; 14) показываютъ какъ мать детей родныхъ холите, и какъ мачиха пасынковъ убираете; 15) какъ жена милова мужа приглубливаете; 16) порохъ изъ глазу вычищаютъ съ удивительною бережливостію; 17) съ неменьшею осторожностію и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угоравши повалилась; 19) допускаютъ каждого на себя садиться и Ездить безъ малМшаго сопротивленія; 20) кто похочеть, подають тотчасъ лапу; 21) подають шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играетъ; 22) кто поднесете пиво или вино, съ учтивостію принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ вышеупомянутыхъ дМствій сказывае замисловатыя смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ йріятнее, чѣмъ больше сельской простоты въ себе заключаютъ. Не столько вещь сія была смотренія достойна, ежели-бъ сій дѣіе и въ протчемъ необуздаемые звери были лишены техъ природныхъ своихъ орудій, коими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; нанротивъ того не обрублены у нихъ лапы, такясе и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ». (Следуете обозначеніе времени и места представленія и платы за места). Въ 21 пункте только что приведеннаго документа, находимъ связь съ известнымъ маскараднымъ сочеташемъ фигуры медведя и козы, на которое указано было мною выше (стр. 97); въ этомъ проявляется и воспоминаніе о связи медвежьей комедій съ игрою скомороховъ. Действительно, кроме вышеприведенныхъ свидѣтельствъ о набраніи медведей и скомороховъ для царскаго двора, объ игре вольтыничковъ подъ пляски медведей, объ игре на трубахъ при

представлений ученых медведей, древний обычай водить для потехи толпы ученых медведей подтверждается еще следующими свидетельствами, сводящимися къ запрещению, пзлоіепному въ прав. 61-мъ Трулльскаго собора. Кормчая книга по списку 1282 г. осуждает «влачащая медведи¹⁾. Домострой называет медведей въ числе богомерзскихъ дель, рядомъ съ песнями, плясаніемъ, гудешемъ и пр.²⁾. Стоглавъ порицаетъ «кормящихъ и хранящихъ медведи... на глумленіе³⁾. Митрополитъ Даншль ратуетъ противъ «водящихъ медведи»⁴⁾. Протопопъ Аввакумъ рассказываетъ о встреченныхъ имъ «плясовыхъ медведяхъ съ бубнами и домрами и харяхъ» (маскахъ)⁵⁾; Олеарій упоминаетъ о комедіантахъ-кукольникахъ, сопровождающихъ воясаковъ медведей⁶⁾; въ царской грамоте 1648 г. порицаются те, кто «медведи водятъ»⁷⁾, а другая грамота царя Алексея Михайловича того-же года ополчается противъ игроковъ бесовскихъ скомороховъ, ходящихъ «съ домрами и съ медведи»⁸⁾. Въ старинной рукописи 1656 г. говорится о веселыхъ гуляющихъ людяхъ и ихъ медведе⁹⁾. Авторъ описанія Московій (въ конце XVII в.) сравниваетъ смешныя. по его выраженію, пляски русскихъ съ плясками ученыхъ русскихъ медведей и отдаетъ предпочтеніе последнимъ¹⁰⁾. Русскіе медведчики заходили уже въ XVI веке (если не раньше) на западъ: въ Германію, а можетъ быть и далее¹¹⁾.

«Приходъ воягака съ медведемъ—пишетъ г. Ровинскій—еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской глухой жизни: все бежало къ нему на встречу,—

¹⁾ Буслаяевъ. Историческая хрестомат. 1861 г. Стр. 381

²⁾ Гл. 8, стр. 16.

³⁾ Гл. 93.

⁴⁾ Паи. стар, русск. лит. IV, 201.

⁵⁾ Тиховраховъ. Лит. русск. лит. и древ. I, 124.

⁶⁾ Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

⁷⁾ Ивановъ. Опис. госуд. арх. 269 и сл.—Ср. акт. истор. (арх. комм.) IV № 35

⁸⁾ Сахаровъ. Сказ. русск. вар. II. гл. 99.

⁹⁾ См. ниже, гл. 3.

¹⁰⁾ Voyages hist. de l'Europe. VII, 35.

¹¹⁾ Д^С Р^В - Веселовскій. Розыскъ, въ обл. русск. дух. стих. VII. и. 184 и сл.: Аріосто (Orig. tur. с. XI, st. 49) сравниваетъ горделивое презрѣніе Роланда къ обступившимъ его врагамъ, съ невозмутимостью медведя, водимаго русскими или литовскими поводырями, когда на него лаштъ собачелки.

и старый и малый... Представление производится обыкновенно на небольшой лужайк*; вожакъ—коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ—коза, мальчикъ л*тъ дѣсяти-дв*надцати, и наконецъ главный актеръ — Ярославскій медв*дь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцемъ, прод*тымъ сквозь ноздри; къ кольцу приделана ц*пъ, за которую во-ясакъ и водить Михайлу Иваныча; если же Михайло Иванычъ очень «дурашливъ», то ему, для опаски, выкалываютъ и «гляд*лки».

— «Иутка, Мишенька», начинаетъ вожакъ: «поклонись честнымъ господамъ, да покаяш-ка свою науку, чему въ школ* тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградила И какъ красныя д*вицы, молодицы, б*лятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихарашиваются». — Миша садится на землю, треть себ* одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ кукишь,—это значить девица въ зеркало смотрится.

—• «А какъ, Миша, малыя д*ти лазять горохъ воровать». — Миша ползеть на брюх* въ сторону.

— «А какъ бабушка Ероо*евна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со сл*пу руки сожгла, да отъ дровъ угор*ла. Ахъ блинцы, блины!» — Мишка лижетъ себ* лапу, мотаетъ головой, и охаетъ.

—• «А ну-ка, Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не сп*ша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается; -и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонить, что и попадя его не догонить. (Или же: «А какъ бабы на барскую работу не сп*ша бредутъ?—Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. «И какъ бабы съ барской работы домой б*гутъ?») — Мишенька принимается шагать въ сторону.) «И какъ старый Терентьичъ изъ избы въ с*ни пробирается, къ молодой снох* подбирается»,—Михайло Иванычъ семенить и путается ногами.—«И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яйца собираетъ, складываетъ, а баринъ все на д*вичью работу посматриваете, не чисто-де лень прядутъ, ухмыляется, знать до Паранькинова льна добирается». — Михайло Иванычъ ходите кругомъ жоака, и треплете его за гашникъ.

— «А ну-те, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, какъ налитой к...ь сидпть, мало говорить; черезъ слово рыгнете, черезъ два»—Мишенька садится на землю и стонетъ. (Записано на самомъ представлени, которое въ натур* бывало несравненно скоромнее).»

«Зат'ьмъ — продолжаете г. Ровпнскій—вожакъ пристраиваете барабанъ, а мальчикъ его устраиваете изъ себя козу, т. е. над*ваетъ на голову м*пгокъ, сквозь который, вверху, проткнута палка съ козлиной головой и ронжами. Къ голов* этой прид*ланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Потомъ начинаете выбивать дробь (отсюда произошло и бранное названіе: «ахъ ты отставной козы барабанщикъ»), дергаете медв*дя за кольцо, а коза выплясываете около Михайла Иваныча трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразните; Михайло Иванычъ б*сится, рычите, вытягиваете во весь росте, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака,— это значите: онъ танцуете. Поел* такой неуклюжей пляски вожакъ даете ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходите съ нею честную публику, которая бросаете туда свои гроши и коп*йки. Кром* того и Миш* и воясаку подносится по рюмк* водки, до которой Миша большой охотникъ; если же хозяева тароватые, то къ представлению прибавляется еще д*йствіе: вожакъ ослабляете Мишину ц*пь, со словами: «а ну-ка, Миша, давай поборемся», схватываете его подъ силки, и происходите борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что вожаку иногда приходится и самому представлять, «какъ малыя д*ти горохъ воруютъ»—и хорошо еще, если опъ отд*ляется при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ».

Описанное представлени обнаруживаетъ большое сходство репертуара медв*жьей комедій XIX стол*тія съ репертуаромъ XVIII в*ка, въ подробности изложенномъ въ 22 нумерахъ вышеприведеннаго объявленія изъ Петербургскихъ В*домостей 1771 года, въ свою очередь сходномъ съ репертуаромъ XVI (см. выше стр. 119—120), в*роятно и еще бол*е раннихъ стол*тій. Г. Ровпнскій продолжаете свой рассказъ:

«Клеплютъ еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картинка сочинена; но бабы говорятъ, что это вздоръ положительно;—а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ!; 1754 г.: «тяжелыя де бабы, для приматы, даютъ изъ своихъ рукъ медведю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ — то родится девочка, а если возьметъ молча—то будетъ мальчикъ».

Нельзя не заметить въ этомъ поверье связи съ приведенной выше (стр. 95—96) русской святочной пѣсней о «медвѣдѣ пыхтунѣ»; предвѣщающемъ свадьбу, а равно и съ западно-славянской маскарадной святочной же фигурой «горохового медведя», обязательно пляшущаго со всѣми женщинами и девушками, способствуя тѣмъ плодородію въ домѣ.

«Обыкновенно медвежья компанія ходитъ только втроемъ», продолжаетъ г. Ровинскій: «вожакъ, медведь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановой (медведицей), и берутъ съ собой только одну козу»¹⁾.

Музыкальный элементъ въ описанномъ представленіи ограничивается звуками барабана, но въ старину, какъ видно изъ приведенныхъ раньше свидѣтельствъ, медведи исполняли свои пляски подъ звуки волынки или трубы; медведей сопровождали скоморохи съ домрами и дудами, или съ домрами и съ бубнами, также комедіанты кукольники, въ свою очередь сопровождавшіеся игроками на гуслихъ и гудкѣ. Словомъ въ старину, именно въ ХУІІ вѣкѣ, медвежья комедія входила въ составъ скоморошескихъ потѣхъ. О такой бродячей ватагѣ скомороховъ съ двумя медведями говорить, безъ сомнѣнія, протопопъ Аввакумъ, рассказывая про одно изъ своихъ злополучныхъ приключеній: «Прійдоша въ село мое—пишетъ онъ—плясовые медведи съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христі ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изло-

*) Русс. нар. карт. V. 227-230.

ыаль на пол* единь у многихъ, медведей двухъ великихъ отнял—одного ушнбъ и паки ожиль, а другаго отпустиль въ поле» *).

Ером* ученыхъ медведей, народные поташники вывели и другихъ ученыхъ зверей: представленія эти благочестивыми людьми признавались столь ясе соблазнительными, греховными, какъ и прочія скоморошескія игры: «Иже медведи водяція и ини животны игры на пакость слабымъ» читаемъ въ пандектахъ Никона Черногорца²⁾. «Еормящей и хранящей медведи, или иная некая животная на глумленіе и на прельщеніе простейшихъ человекъ», говорится въ Стоглаве³⁾. «Тацемъ же запрещешемъ покорити подобаетъ и водящихъ медведи или иная некія таковыя животныя на йграніе и вредъ простейшимъ» говоритъ митрополитъ Данійль⁴⁾. Въ вышеупомянутой грамоте царя Алексея Михайловича (1648 г.) порицаются те, кто «медведи водять и съ собаками пляшуть» и предписывается, чтобы «медведей (не водили) и съ сучками не плясали». Не заключаете ли ниже следующая песня изъ Мензелинскаго уезда воспоминанія о потешнике-скоморохе, въ лице крысинаго господина, выходящаго на канате и обращающаяся къ толпе съ разными скоморошскими шутками и прибаутками: у кабака, по словамъ песни, находится яма, покрытая соломой, въ яме завелись крысы и мыши, ймеюція своего господина—плясуна на канате; неволью задаемъ себе вопросъ, не были ли это ученныя крысы и мыши, которыхъ выводилъ и показывалъ скоморохъ—канатный плясунъ?

А крысиный господинъ по канату выходилъ,
По канату выходилъ, съ стариками говорилъ:
Ахъ вы стары старики, міроіды мужики,
Юрбды мужики, воры ябедники,

) Тихонравовъ. Лѣт. русс. лит. и дрѣв. I, 124.—Къ числу уномянутыхъ здѣсь харь (масокъ надеваемыхъ на голову, ср. выше стр. 85) принадлежала вероятно козлиная или козья голова, украшавшая спутника медвѣдей, козу.

²⁾ У Срезневскаго. Свід. и зам. LV, 267.

³⁾ Гл. 93.—Ср. Сходныя слова Кормчей по списку 1282 г.: «Влачащая медвѣдй или таковыя животы никакы на руганіс и въ родъ (=вредъ?) простейшими ГВт слаевъ. Истор. христ. 381).

⁴⁾ Пан. стар. русс. лит. IV, 201.

У васъ бороды сьдья, глаза сьрые, большіе,
Глаза сьрые, большіе, брови черныя, густыя.
Вы не хлопайте глазами, не трясите бородами...

Приведенная песня говорить о плясупѣ на канат!,. Танцование на канате также прииадлежитъ къ числу скомошескихъ пот'ѣхъ. Свід'ѣнія о канатныхъ пляоунахъ русскихъ очень скудны, да ихъ вероятно въ старину и не было, пока не принесли съ собою въ Россію это искусство немцы въ XVII стол'ѣтш²⁾. Известно, что въ 1629 г. явился къ царскому двору пот'ѣшникъ н'ѣмецъ, искусникъ на все руки, подъ именемъ Ивана Семенова (вероятно перекрещенецъ). По обычному правилу Московскаго двора, требовать отъ каждаго заізжаго искусника немца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и Иванъ Семеновъ обязанъ былъ обучать русскихъ людей: въ 1637 г. его пожаловалъ царь камкой и сукномъ «зато что онъ выучилъ по канату ходить и танцовать и всякимъ пот'ѣхамъ, чему онъ самъ ум'еть, бчелов'ѣкъ, да по барабанамъ выучилъ бить 24 человека». Кроме того онъ т'ѣшилъ государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государевыми дураками и шутами³⁾. «Крысинный господинъ» только что приведенной песни изъ Мензелинскаго уѣзда «по канату выходилъ», т. е. былъ канатнымъ плясуномъ. Маскевичъ въ дневнике своемъ подъ 1611г. сравниваетъ пляски русскихъ «блзней» намосковскихъ вечеринкахъ съ крйвляніямй канатныхъ фигляровъ (ср. выше стр. 94). Авторъ описанія Русскаго Государства въ половин!; XVII в'ѣка (см. ниже гл. 5, г.) называетъ канатныхъ плясуновъ въ числе «дурныхъ словій людей».

¹⁾ Пальчиковъ. Крест, пес. 106.

²⁾ Въ Лифляндской хроникѣ Рюесова разсказывается, въ виде необыкновенной диковины, о появленіи въ Ревелѣ и другихъ Лифляндскихъ городахъ въ 1547 г. толпы итальянскихъ фигляровъ (Gockelers = Gaukler) — канатныхъ плясуновъ. Необыкновенное представленіе, дававшееся ими на натянутомъ канате, на большой высотѣ, по словамъ автора, привлекло въ Ревеле всехъ жителей города, и .смотреть на это зрелище, было очень страшно». (Chronica d. Provintz Lyffland dorch Balthasar Riisowen (1577), въ Script. rer. Livon. II, 38).

³⁾ Забелинъ. Домъ бытъ русс, царицъ. 445 и сл.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія изъ разнообразныхъ пот*шныхъ д*ствій, входившихъ въ репертуаръ скоморошескихъ игръ и иозоровъ. Вс* поименованные виды скоморошества, смотря на большей или меньшей разносторонности дарованія, могли въ большей или меньшей степени сосредоточиваться и въ одномъ лиц*. И въ этомъ отношеніи В*роятно скоморохи сходствовали съ близко родственными имъ западно-европейскими жонглёрами, д*ятельность которыхъ отличалась зам*чательною разносторонностью. По словамъ одного провансальскаго памятника, ясонглёръ долженъ ум*ть играть на разныхъ инструментахъ, верт*ть на двухъ ножахъ мячи, перебрасывая ихъ съ одного острія на другое; показывать маріонеткы, прыгать черезъ четыре кольца; завести себ* рыжую приставную бороду и соотв*тствующій костюмъ, чтобы рядиться и пугать дураковъ; приучить собаку стоять на заднихъ лапкахъ; знать искусство вожака обезьянъ; возбуждать см*хъ зрителей пот*шнымъ изображеніемъ чело*ческихъ слабостей; б*гать и скакать наверхъ*, протянутой отъ одной башни къ другой и т. п.¹⁾ Разум*ется, соединеніе въ одномъ лиц* вс*хъ перечисленныхъ искусствъ было р*дкостью. Изъ старинныхъ сочиненій видно, что толпы ясонглёровъ разд*ляли между собою трудъ: одинъ игралъ на одномъ инструмент*, другой на другомъ, третій на третьемъ, одинъ говорилъ, другой и*ль. Изгнанные Филиппомъ Августомъ изъ Франціи жонглёры, вскор* за т*мъ возвратились и въ 1331 г. образовали общество менетриё (menetriers) съ королемъ во глав*. Общество это д*лилось на четыре категорій: къ первой принадлежали сочинители романовъ, сказокъ (fabliau), н*сень и пр., ко второй—декламаторы сочиненій труверовъ, къ третьей—музыканты-игрецы и п*вцы. и наконецъ къ четвертой, наибол*е многочисленной,—фокусники, фигляры, воягаки ученыхъ зв*рей²⁾. Мы можемъ составить себ* довольно ясное понятіе о среднев*ковыхъ западныхъ иот*шникахъ последней категорій по современнымъ намъ клоунамъ, паясамъ-гимнастамъ, преемникамъ жонглёровъ, нын* нріютившимся въ циркахъ, гд* они, од*-

¹⁾ Веселовскій. Розыскъ, въ обл. русс. дух. стих. VII. л. 156—157

²⁾ Fétis. Histoire generale de la musique. V, p. 22, 23—24.

тые въ шутовскіе костюмы, съ лицами, чудовишно раскрашенными или покрытыми личинами, и шваютъ передъ публикой разнообразный репертуаръ свой, соединяя, подобно веселымъ своимъ протцамъ, виртуозную ловкость въ разныхъ отрасляхъ своей деятельности съ площадными шутками и выходками, рассчитанными на усиѣхъ среди народной толпы.—Уступая вероятно въ ловкости и виртуозности западно-европейскимъ собратьямъ своимъ, жонглѣрамъ, русскіе скоморохи несомненно превосходили ихъ въ грубости и цинизме своихъ игръ и представлений. Расхаживая по деревнямъ, селамъ и городамъ многочисленными толпами (получавшими иногда, какъ будетъ указано ниже [стр. 142], характеръ вражескихъ нашествій), появляясь передъ народомъ «со всякими играми» (ср. свидетельство Нестора о трубахъ, скоморохахъ, гусяхъ и русаліяхъ, о сходбищахъ «на плясанье и на вся бесовская играща» [стр. 79], слова народной песни: «скоморохи вои идутъ—всяки игры несутъ» [стр. 69]. уноианія въ разныхъ поучешяхъ грамотахъ о пляскахъ, песняхъ и всякихъ бѣсовскихъ играхъ скомороховъ и т. п.), скоморохи, разумеется, распределяли соответствующей трудъ между различными членами своихъ ватагъ; это, конечно, доляшо было вести, какъ и у западныхъ жонглѣровъ, къ известной спеціализаціи труда, не исключавшей, однако, возможности соединенія и въ одномъ лице, въ одномъ члене ватаги, разныхъ отраслей скоморошеской мудрости.

дд. Скоморохи—кудесники, знахари.

Понятіе о скоморохахъ, искусникахъ на все руки, представителей бесовскихъ потехъ, сатанинскихъ игръ, играющихъ на бесовскихъ музыкальныхъ орудіяхъ,—о скоморохахъ—слугахъ йлійскадѣ дьявола, обреченныхъ въ будущей жизни на вечный плачь и вечныя страданія въ аду (см. ниже гл. 5, в.)—сближается съ понятіемъ о бесовской же силе колдовства, чарованія, знахарства. Святочные рясенные, стоящіе въ ближайшей связи со скоморошествомъ, называются въ Новгородской губерніи не только окрутника-

ми, но и кудесниками, а въ Кирилловскомъ уезде—кудесами. На церковно-славянскомъ языке коудесь, коудесьникъ значить п^из.чаровникъ,волхвъ; древнерусское кудъ — incantatio (очарованіе, волшебство), diabolus; русское окуда. орудникъ (Рязанскойгуб.)=колдунъ, волхвъ, проказникъ; кудесить=колдовать, ворожить; кудесы—чары¹⁾. Сблйженіе скомороха - гусельника и -иБѣца съ волхвомъ. кудесникомъ или знахаремъ могло произойти въ народномъ представленіи подъ вліяніемъ воспоминанія о древнМшій связи понятій о поэзій, знаній, колдовстве: Боянь-гусельникъ называется въ Слов* о полку Игорев* в*щимъ, т. е. вѣдуномъ, знающимъ, мудрымъ, знахаремъ, чародіемъ²⁾. Въ связи съ такимъ представленіемъ о гуслярахъ, у поляковъ *gusła* значить колдовство и скоморошество, *guślarstwo* = колдовство и фиглярство, *guślić* = колдовать и фиглярить (скоморошничать). В4дупь, знахарь, чародей, владея мудростью, знаніемъ, чарами, по народному представленію, властенъ и изгоняеть, т. е. излечивать недуги, уговаривать болезни. Взглядъ народа на скомороховъ, какъ на волшебниковъ или знахарей, отражается въ некоторыхъ пересказахъ былины о Госте Терентьище. Герой былины обращается къ встретившимся ему «веселымъ молодцамъ» (скоморохамъ) за помощью противъ женина тяжкаго недуга, т. е. какъ къ знахарямъ:

У меня есть молодая жена
 Авдотья Ивановна.
 Она съ вечера трудна, больна,
 Съ полуночи недулсна вся,—
 Расходился недугъ въ голова,
 Разыгрался ут'инъ въ хреbt'ь,
 Пустился недугъ къ сердцу...
 А кто бы-де недугамъ пособиль,
 Кто недуги бы прочь отгониль,
 Отъ моей молодой жены
 Отъ Авдотьи Ивановны,
 Тому дамъ денегъ сто рублевъ
 Безъ единыя денежки.

¹⁾ Весоловскій. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII, п, 208.

²⁾ Ср. Буслаевъ. Русская поэзія XI и начала XII вѣка, въ Лт русс лит, древ Тихоиравова. I, 2С>

«Веселые» берутся вылечить Авдотью, и Терентьище даетъ имъ сто рублей*). Въ другомъ пересказе той же былины Терентьище прямо приветствуете скомороховъ, какъ ухаживателей, уговаривателей недуговъ, знатоковъ скорбямъ, т. е. болезнямъ, словомъ, какъ знахарей:

Вы много по земль ходокй,
Вы много всіім'ь скорбямъ знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете ²⁾.

Съ другой стороны естественно отождествленіе слугъ дьявола, каковыми являлись скоморохи (см. ниже), съ волхвами, чародеями, ведунами. Въ одномъ рукописномъ сборнике скоморохи и свирельники именуется волхвами бесовыми, слугами антихристовыми ³⁾.

Чудодейственная сила, которую народное представленіе приписывало скоморохамъ, обнаруживается и въ непрерывномъ, постоянномъ участіи ихъ въ старину въ свадебныхъ торжествахъ. Выше (стр. 19) указано было на то, что у Велоруссовъ игрецъ-дударь заменяете у невесты-сироты родителей, словомъ является какъ бы ея покровителемъ, охранителемъ. Онъ отпускаете сироту-невесту въ спальню съ молодымъ мужемъ, при чемъ между молодой и дударемъ происходитъ следующіи разговоръ:

НЕВ'БСТА.

Дударенку, господаренку,
Да ужу жь мене заручали.

ДУДАРЬ.

Ня бой ся, нябога (=бѣдная),
Ня будзидь ничога!
Я за тобою,
Дуль! дуль! зь дудою.

Игра скомороха «съ села до села», во время свадебнаго поезда, обезпечиваетъ постоянное веселье, т. е. ра-

) П. Данилов*. Древ. росс. стих. 11.

²⁾ Кйрйевскій. Песни. УП, 49.

³⁾ Асавасьевь. Поэт, возр. I, 344—345.

дось, счастье нев*сты (ср. выше стр. 19). В чешской п*сн* девушка молить Бога, чтобы «дударь» взял ее къ себ* въ услуженіе и «задудаль ей» вероятно свадебное благословеніе, или по крайней м*р* наигралъ бы ей счастье:

Kdyby šně to Pan Buli dal,	Кабы даль мнѣ Господь Богъ,
Aby si tně dudak wzał!	Чтобы взята меня дударь!
Dudy bych mu nosila,	Иосижа бы ему дуду,
Chleba bych mu prosila;	Просила бы ему хлѣба;
Kdyby šně Pan Buh dal,	Кабы даль мнѣ Господь Богъ,
Aby mne ge'n zadudal ').	Чтобы онъ мнѣ задудаль!

Дударь, т. е. йграюіцій на дуд* скоморохъ, является въ данныхъ случаяхъ въроли чародея, кудесника, волхва. Въ Мозырскомъ у*зд* Минской губ., составляющемъ часть западно-русскаго Полесья, гд* еще сохраняются въ народ* многія древнія вірованія или суев*рія, въ другихъ м*стахъ уже йсчезнувшія, крепко в*рятъ еще, между прочимъ, въ знахарей-вовкалакъ: «вовкалака» значитъ оборотень—т. е. челов*къ, превращенный въ волка насильно или по своему желанію, самъ собою. Знахари-вовкалаки, какъ и вообще знахари, по народному в*рованію, находятся въ связи съ нечистымъ духомъ, которому продаютъ свою душу и за то иолучаютъ власть превращать людей въ волковъ и опять возвращать ихъ въ человеческое состояніе; знахари-вовкалаки—люди не простые, но какъ будто составляютъ касту высшихъсуществъ. Въ составъ этой касты входятъ: мельники, пастухи и дудары, т. е. играюнце на дуд*, также п*сельники, сказочники²⁾). Прибавлю еще, что, какъ упомянуто было уже выше (стр. 52), бахарь, ближайшій преемникъ скомороховъ, уБ*лоруссовъ значитъ не только баятель, балагуръ, шутъ, но и в*дунъ.

¹⁾ См. у Беляева. О скоморохахъ. 74—75.

²⁾ Шпйлевскій. Мозырщина, въ Архиве истории. и практич. сведейй шихся Ю Россіи, изд. Калачевыиъ. 1859. III, стр. 4, 5.

Скоморохи—люди прохожіе, голыши, пьяницы,—
Скоморохт. побФждаеть жида - философа — Ско-
морохи — проказники, воры, грабители. (Воло-
чебники. Еолядовщики.)

Указанная разносторонность деятельности скомороховъ понятна, если принять въ соображеніе, что они, какъ люди прохожіе, бродячіе, снискивая себѣ пропитаніе своимъ искусством¹⁾, должны были всякими способами подлаживаться подъ вкусъ поддеряшавшей своими подаяніямъ существованіе ихъ, награждавшей ихъ толпы, которую они и потешали музыкой, пляскою, песнями, шутками и прибаутками, маскарадами, фарсами, кукольными комедіямъ, всякаго рода фиглярствомъ и, наконецъ, показываніемъ ученыхъ зверей. Выше приведены слова былины, въ которыхъ Добрыня, одетый скоморохомъ, приветствуется Владѣміромъ княземъ, какъ «детина нрѣзжая, скоморошная, гусельная». Въ другомъ пересказе Владѣміръ спрашиваетъ Добрыню •скомороха:

«Ай же ты, молодець, съ какой земли, съ какой орды?»¹⁾.

Въ былине о Госте Терентѣище герою ея попадаетея на встречу за городомъ толпа очевидно бродячихъ скомороховъ:

«А и бродишь по чисту ПОЛЮ,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».

¹⁾ Гидьфердвнгъ. Онеж. был. 136.

Такими словами прив*гтствуют Терентьища встретившіе его въ иол* скоморохи. Онъ лее самъ обращается къ нимъ, какъ къ бродячимъ, прохоя!имъ людямъ, со словами:

Вы много по землй ходоки ¹⁾.

• Въ плясовой п*сн* р*чь идетъ о двухъ проходящихъ по лужечку, какъ бы странствующихъ «веселыхъ молодцахъ»: они ср*зываютъ съ ракиты по пруточку и д*лаютъ себ* по гудочку ²⁾. Въ упомянутой выше (стр. 3) п*сн* «оВеселыхъ», они изображаются бездомными, расхаживающими по улицамъ со своими инструментами и разеуждающими о томъ, гд* бы имъ найдти ночлегъ:

Веселые по улицамъ похаживаютъ
Гудки и волюпки понашиваютъ,
Промежду собой веселы разговариваютъ:
«А гдѣ же веселымъ будетъ спать ночевать?»

Выше (стр. 32—33) указано было мною на то, что скоморохи, въ качеств* пргбзжихъ издалека людей, въ п'боняхъ своихъ описывали не только заморскія страны, но рассказывали и о собственныхъ своихъ разъ*здахъ и похождешихъ, чтб также намекаетъ на кочевую, скитальческую ихъ жизнь. Въ упомянутой выше (стр. 75) плясовой белорусской п*сн* дударь восхваляетъ свою сломанную дуду, которая веселила его на чужой сторон*, т. е. опять во время его скйтанія по чужбин*. ПозднМшія свид*тельства упоминаютъ о скоморохахъ, какъ «прохожихъ», «гулящихъ» людей, скитающихся бол*е или мен*е многочисленными толпами, п*шкомъ или на возахъ, по дорогамъ и деревнямъ. Въ приговорной грамот* монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.) запрещается пускать въ волость «прохожихъ скомороховъ» ³⁾. Ср. ниже свидетельство Стоглава о толпахъ скомороховъ въ 60 до 100 челов*къ, расхаживавшихъ «по дальнимъ странамъ» по деревнямъ

¹⁾ Кйріекскій. Пісая. VII, 49. Ср. выше стр. 131.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I, ш, 87. — Ср. Б4ляевъ. 0 скоморохахъ 73 Ср. выше стр. 72.

³⁾ Акт. (арх. эксп.) I, Л5 244.

и наносившихъ большіе убытки ихъ жителямъ. По словамъ старинной рукописи 164 г. (=1656 г.) «съ веселыхъ гулящихъ людей (слѣдуетъ поименованіе ихъ) съ осми человѣкъ взято головщины (пошлины съ головы) пять алтынъ две денги, да полозоваго (т. е. пошлины съ возовъ) взято два алтына, да съ медведя ихъ взято четыре алтына»¹⁾, т. е. брались поборы со скомороховъ, какъ съ прохожихъ людей.

Олеарій упоминаетъ о русскихъ странствующихъ комедіантахъ, исполнившихъ непристойныя пляски, т. е. о странствующихъ скоморохахъ-плясунахъ; онъ лее говорить и о странствующихъ русскихъ играцахъ (Bierfidler)²⁾. Накартинкѣ, иллюстриющей эти слова нѣмецкаго оригинала, изображены два музыканта: гудочникъ и гусельникъ, играюще на своихъ инструментахъ. Русская поговорка такъ охарактеризовала бездомнаго скомороха: «Скоморохъ хоть голось на дудке и настроить, а яйтья своего не установить»³⁾.

Соответственно скитальческому образу жизни скомороховъ, и все имущество ихъ обыкновенно состояло лишь изъ носимыхъ ими при себе музыкальныхъ орудій и другихъ атрибутовъ, необходимыхъ для даваемыхъ ими представлений. Мы видели выше (стр. 7), что у гусельника Садка «имущества не было»:

Одни были гусли яровчаты.

Русская поговорка: «радъ скомрахъ о своихъ домрахъ», можетъ быть, выражаетъ ту же мысль, что домры—единственное имущество скомороха. Подтверждемъ тому моясетъ служить песня, сохранившаяся въ Орловской губерній, где скоморохъ хвалится своимъ имешемъ—скрипкой и гудкомъ:

Сватался за Катиньку изъ деревни скоморохъ,
Сказывалъ онъ Катинькѣ про йміинье про свое:
«Есть у меня, Катинька, и скрипка и гудокъ»⁴⁾

0 Нав. Ими. Арх. Общ. VI, 67—68.

²⁾ Подроб. опис. путеш. въ Московію. 178.

³⁾ См. у Беляева. 0 скоморохахъ. 87.

⁴⁾ Тамъ же: 88.

По словамъ другой ы-бси,

Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житѣя-бытѣя: свирѣль да гудокъ ¹⁾.

«Гудки да рожекѣ—все наше богатство»: такъ охарактеризовали свой бытѣ сами скоморохи ²⁾.

Кочевая, бродяжническая яшзнь, непрерывное глумо-творство, нграніе, пѣніе и плясаніе на пирахъ и праздни-кахъ естественно вели къ разгулу и пьянству, о кото-ромъ упоминаютъ современный свидетельства: «сзывающе нѣкы скаредныя пьяница» (т. е. скомороховъ), писалъ митрополита Кирилль (XIII в., ср. выше стр. 80). Въ сло-ве о вере хрїстіанской и жидовской главную роль играетъ «скоморохъ пїяница голышъ кабацкїй» ³⁾. Выше (стр. 82) приведено было сетованіе царя Алексея Михай-ловича на умноженіе въ народе пьянства, рядомъ съ ко-торымъ упоминается и «скоморошество». Газумеется, отъ народа не отставали и скоморохи, которые не только бы-вали угощаемы слушателями и зрителями, но, но свиде-тельству Стоглава, даже насильно ели и нили въ дерев-няхъ (см. ниже стр. 142). Вино умножало веселье удалыхъ скомороховъ. На свадьбе Добрыниной жены и Алеши По-повича

Нацляли гудосьниковъ удабривать,
И виномъ то ихъ стали напавать ¹⁾.

Добрыня, въ роли скомороха, на томъ же свадебномъ пиру обращается къ новобрачной Настасье Микуличнѣ со словами:

«Поднеси-тко саоморошинѣ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра:
Еще повеселив стану играть въ гусли звончатые» ⁵⁾.

Въ другомъ пересказе той же былины князь угощаетъ

¹⁾ Якушкинъ. Нар. русс. пѣс. 19.

²⁾ Бедяевъ. О скоморохахъ, 87.

³⁾ Тихонравовъ. Л4т. русс. лит. и древ. I, 73.

⁴⁾ Кїрѣевскїй. Пѣсни. II, 13.

⁵⁾ Рыбниковъ!-. Песни. II, 19.

Добрыню-скомороха за его «игру великую», обращаясь к нему со словами:

'Безь мірушкы пей зелено вино' ¹⁾.

Позванный на пирь Садке играет «въ гуселки яровчаты»:

Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку поднашивать ²⁾.

Царь морской, распотЗзшанный игрой на гусяхъ Садка, угощаетъ его «питьями разными».

Напивался Садко питьями разными
И развалялся Садко, и пьянь онъ сталь ³⁾.

Въ былине о смерти Михаила Скопина, въ заключительной припевке, упоминается о «веселыхъ молодцахъ», величающихъ на пиру ласковаго хозяина,

Изпиваючи медь, зелено вино ⁴⁾.

Въ народной толпе скоморохи несомненно напивались дб-пьяиа, заслуживъ приведенный выше эпитетъ «скарденый пьяница». Любовь къ вину скоморохи разделяли съ русскимъ народомъ, исконная страсть котораго къ пьянству въ теченій многихъ вековъ служила предметомъ тщетныхъ порицаній и запреиценій со стороны духовныхъ и светскихъ властей и увековечена въ многочисленныхъ описаньяхъ иноземцевъ, которые съ удивлешемъ и недоумешемъ взирали на срамныя, безобразныя сцены, разыгрывавшіяся у дверей русскаго, печальной славы, питейнаго дома⁵⁾. По народному представленію, веселье, а вместе съ нимъ и веселая игра и пляска тесно связываются съ питьемъ вина: это доказывается съ одной стороны темъ, что на народномъ языке быть «на-веселе» значитъ быть до некоторой степени пьянымъ (ср. также выраженіе былины: «все на пиру пьяны веселы»), съ другой, между прочимъ, сле-

¹⁾ Рыбниковъ. Писнй. П, 30.

²⁾ Танъ-же: I, 371.

³⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. ствх. 237.

⁴⁾ Ср. выше стр. 44.

⁵⁾ Ср. Олсарій. Подр. овие. вугош. въ Москов. 179 и сл.

дующими словами бурлацкой пѣсни, гдѣ* сопоставляются и связываются понятія о пляске, царевомъ кабакѣ*, зеленомъ винѣ*, гудочномъ дворе и т. п.:

Меня матушка пляеамши родила,
Меня крестили во царевомъ кабакѣ,
А купали во зеленымъ вѣнѣ.
Отецъ крестный цѣловальникъ молодой,
А мать крестна винокурова жена,
А батюшка съ гудочнаго двора ¹⁾.

Имѣя задачей увеселять и развлекать толпу, доставлять ей пріятную утеху, бродячіе глумцы и смехотворцы, пѣрцы и плясуны прежде всего доляшы были обладать веселымъ нравомъ: отсюда наиболее употребительный эпитетъ ихъ—«веселые люди», «веселые ребята», «веселые молодцы»; но въ то же время самое ремесло ихъ развивало въ нихъ ловкость, находчивость, догадливость, хитрость, удалство, доходившее до нахальства. Въ слове о хрстіанской и яшдовской вере, существующем!, въ редакціяхъ ХУІІ и ХУІІІ вековъ, изображается победа неученаго, но сметливаго, догадливаго, находчиваго скомороха надъ жидовскимъ философомъ. Некій хрстіанскій князь спорилъ съ жидовскими вельможами о томъ, чья вера лучше. Порешили избрать каждой стороне по философу, которымъ и предоставитъ споръ. Жиды нашли себе философа, а хрстіанскій князь искалъ, но не нашель. Является къ нему скоморохъ съ предложеніемъ, вступить въ преніе съ яшдовскими философами. «І снідошася на срокъ и помышляше велможи жидовскія, что хрстіанскій князь послалъ скомороха в философово место, и жидовскія велможи послали философа отъ себя, іменемъ Тараска жидовина, муяса мудра и горазда к книгамъ і велеречива. І паки ставъ татарской (должно читать: Тараска) жидовина единъ перстъ устава скомороху ²⁾ і помысливъ скоморохъ: томихощешъ глас выколоти, и скоморохъ ему два

¹⁾ Балакиревъ. Сбор. русс. нар. піс. № 13.

²⁾ Въ боліе пространной редакціи ХУІІІ вѣка скрытый смыслъ этого жеста і ковъ: жидовскій философъ «помысли: Богъ единъ сотвори человека одинаго Адама».

перста устави: азъ тебѣ два глаза выколю¹⁾). И снидошася оба вместо иудари скоморох(а) христианска жидовинъ поуху и рече ему: Послушай, христианский философъ: въ вѣрѣй вашей во святомъ евангеліи пишеть: аще хто тя ударитъ по ланите и ты и ему обрати и другую. Рече ему скоморохъ: Послушай, философъ жидовскій: въ томъ яге во святомъ евангелии пишеть: Како вамъ челоуіцы творять... (въ другомъ списка прибавлено: «и вы имъ такожде творите») і удари скоморохъ яшдовина по уху и рече жидовинъ скомороху: Отгадай ты философе, загадку: курица ли от яйца ілі яйцо от курицы. И скоморохъ, снявъ з жидовина шапку і ударивъ яшдовина въ плешь, и рече: Отгадай ты философе жидовской: отчево трЗсъкъ трещитъ отъ шгѣшъ ли или от руки или рука от плеші? И рече жидовинъ: Оставимъ то все; сочтемъ въ году въ коей вѣре празниковъ больше, та и лучше візра. И рече скоморохъ: Добро рекль еси, яшдовине философе; напередъ въ моей вѣре счести празниковъ въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по волосу рват і класти перед собою и перед тобою; ино тебѣ внятнo будетъ, а мнѣ; паметно: сколько въ году празниковъ и сколько котораго дни святыхъ, и язъ столько вырву у тебя волосов. А ты, жидовинъ, станешь щитать въ своей вѣре жидовской, сколько празниковъ въ году, и ты у меня по волосу рви изъ бороды, да клади перед собою і передо мною. И рече жидовинъ: Добро рекль еси, философе: буди тако, і твори, ясежъ хочещи. Рече скоморохъ жидовину: Послушай, философъ жидовской: въ нашей христианской вѣре начало въ году празниковъ въ году рождество Господа нашего Ійсуса Христа, иясе вы, жидове, роспяше его на крестѣ зависти ради і въ трети день воскресе. А у жидовина волосъ изъ бороды выдрали і положили предо вськи.. А на завтрее у насъ рождество христове празникъ соборъ пресвятыхъ Богородицы. Да волозъ же у жидовина вырвалъ. А на трети день святаго первомученика Стефана архидиакона. Да волосъ яге у него вырвали. А на четверты день празникъ у насъ святыхъ мученикъ двЗзъ тмы. І поймавъ яшдовина за бороду обеими руками, выдраль у него мало

¹⁾ Тараска же понялъ отвѣтъ скомороха такъ: «той же сотвори и Еву», «и мысляше Тараска, яво зѣдо иренудръ скоморохъ отвѣтъ творить».

не всю бороду. А на пятой день праздник у нас 14,000 йзбѣнныхъ младенецъ. І выдраль уже и остаток бороды; яшдовин же, не сгерпя стояти, і побежа посрамлень от скомороха і вси жидове разбегошася. Князь лее христианскій радъ велми і даде даръ скомороху і вн*кое м*сто властелина скомороха постави его, вместо воеводы; область великую дасть ему».—Повесть эта въ главныхъ чертахъ известна и въ западной литератур*, какъ заимствованная изъ Византій, откуда взята очевидно и русская ея редакция: тамъ неучъ поб*ждаетъ жидовскаго философа. Замечательно, что въ русской редакцій въ качеств* смышленнаго, находчиваго неуча является скоморохъ. Прибавлю, что веселая, разудалая природа скомороха («веселаго молодца») рельефно охарактеризована въ заключительныхъ строкахъ разсказа (но редакцій XVIII в*ка): «вопіяху вс* (яшды)... глаголюще: «како скоморохъ—не книжникъ, но піяница и голышь кабацкій, вс*хъ княшиковъ и ученыхъ посрамилъ, но и вс*мъ в*чный полаясилъ позоръ?» Скоморохъ я*е нача плясати и играти и яйдовскую в*ру ругати...» (*).

Ремесло скомороховъ способствовало развѣтїю въ нихъ не только ловкости, находчивости, догадливости, хитрости, но вм*ст* съ т*мъ и алчности къ нажив*. Не упуская удобнаго случая, они, подъ прикритіемъ своего искусства, творили д*ла и прод*лки, проказы и преступленія. неоднократно вызывавшія протесты и порицанія, запрещенія играть скоморохамъ, пресл*дованія ихъ и строгія наказанія. Въ только что уномянутомъ «слов* о в*р* пристанской и ясидовской» (по рукописи XVIII в.) скомороху влагается въ уста сл*дующая характеристика его д*ятельности, направленной къ пзвлеченію себ* магеріальныхъ выгодъ: «хрїстіанъ обманывать надо ум*ючи,— говоритъ скоморохъ — здобливаго обманить, а середняго возвеселить, а скупаго добра и податливо учинить. А не учась и у хрїстіанъ ничего не добыть, и головы своей не прокормить».

⁴⁾ Тихонравовъ. 14т. русс. шт. и древ. I, 70 в сл., 76 и сл.

Когда Терentyище, въ простоті души, рассказываетъ встретившимся ему скоморохамъ о недуг!; своей жены (притворившейся больною),

Веселые молодцы догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усміхнулися...

Или:

И тутъ скоморохи
Оглянутся — улыбнутся,
Отвернутся—разсмѣхнутся...

Всл!здъ за т!шь, посадивъ Терentyища въ м-бюокъ, они ириносятъ его ко мнимо-больной ясен!; по просьб!; которой играютъ «во гусельцы» и поютъ пізеньку. Изъ словъ этой піснй спрятанный въ мішкі; обманутый мужъ убеждается въ сущности женина недуга, который, почувявъ опасность, по словамъ былины,

Въ окошко скочиль,
Чуть головы не сломиль.

Тогда муясь, по совету скомороховъ, начинаетъ «лепить» свою молодую жену «дубиной ременчатой», а скоморохи иолучаютъ отъ него, кром!; условленныхъ за изл!;-ченіе недуга, ста рублей, еще «другое сто рублей»¹⁾.

Скоморохи бывали и «злы-догадливы». Пристроившись ночевать къ старой баб!;, которая хвалилась т!;мъ, что у ней въ подполье «четыреста рублей въ кубышечкі лежатъ», «веселые ребята» начинаютъ показывать свое искусство:

Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будго слать захотЪль,
Онъ и ручку протянулъ
И кубышечку стянулъ.

Потомъ они собираются подъ ракитовъ кустъ, делятъ добычу, и даютъ себЪ зарокъ, когда баба опять накопитъ денегъ, снова ее обобратъ²⁾.

¹⁾ К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 11 и сл.—Кіріевскій. Піснн. VII, 50.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I. ш, 221.

Въ ХТІ столѣтій встречаются уясе ц*лыя ватаги скомороховъ отъ 60 до 100 челов*къ, посѣщенія которыхъ почти получаютъ характеръ нашествія враговъ. Стоглавъ упоминаетъ о такихъ толпахъ скомороховъ: «Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста чЕЛОВѢКЪ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насилно) ядятъ и шють и съ клетей я;итвоты грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ»⁸⁾. Въ виду этого, соборомъ было постановлено: «чтобы впредь такое насилство и безчиніе не было». Но и раньше того, начиная съ конца XV века, стали неоднократно появляться уставныя, жалованныя и другія грамоты, коими въ той или другой местности скоморохамъ запрещалось играть, и яштелямъ давалось право безнаказанно выгонять скомороховъ, въ случае если-бы они не желали слушать и видеть ихъ игры и глумы: «а скоморохомъ у нихъ (крестьянъ бобровыхъ деревень) ловчей и его тиунъ по деревнямъ силно играти не ослобждаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнуть у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно (=безнаказанно)», читаемъ въ одной изъ уставныхъ грамотъ (1509 г.). Такое-же запрещеніе скоморохамъ играть и разрешеніе яштелямъ высылать изъ селеній начинающихъ играть насилно, встречаемъ въ грамотахъ 1470, 1506, 1522, 1536, 1544, 1548, 1554, 1555 годовъ⁹⁾.

Невольно делаемъ сблйженіе между ватагами скомороховъ, появлявшимися въ праздники, и толпами колядовщиковъ и волочечниковъ (т. е. волочащихся, бродячихъ людей), ныне еще ходящими въ известные праздники (на рождественскихъ святкахъ, на маслянице, на пасхе) отъ дома къ дому съ песнями, въ которыхъ воспеваютъ соотвѣствующій праздникъ и славятъ и величаютъ хозяевъ соответствующаго дома, испрашивая себе за то подачекъ. Толпы волочечниковъ, сохранившія слѣды какой-то внутренней организацій, ближе, чѣмъ менее сплоченныя и организованныя партіи колядовщиковъ, сходятся съ вата-

⁹⁾ Акты (арх. эксл.). I, Ж№ 86, 144, 171, 181, 201, 217, 240, 244. Ср.

гами скомороховъ. Въ толпе волочебниковъ есть почикаль-никъ или начиальникъ=зап'бвало, ибвцы: помагаль-ники, иодголосиики или подхапиички, есть музыка: музычииа или скрипка; все это действующая лица, несомненно существовавшая и въ скоморошескихъ ватагахъ. Тутъ-же, въ среде волочебниковъ есть и м'Ъхоиоша или маханоясичъ, съ огромнымъ м'Ъшкомъ. куда складываются получаемыя ими подачки. МФхоноша также встречался и въ скоморошескихъ ватагахъ. Въ песне о госте Терентише. сей последний прячется въ мешокъ и несется за плечами, т. е. на спине однимъ изъ скомороховъ— мехоношею. Встречается между волочебниками еще осви-стый, по объяснешю проф. Безсонова, подсвистывающей., острякъ, шутникъ, другими словами «глумець» или «глу-мотворецъ», представитель одной изъ главнейшхъ отраслей скоморошества. Волочебники, делающе свой обходъ на святой неделе, сближаются со сходными съ ними свя-точными (и масляничными) хсолядовщиками, — въ одной песне своей волочебники сами называютъ себя гостями колядовщиками:

«Подари гооцей колядовщицковъ» *).

Въ Малорусской святочной игре «Козу» ведетъ «Ми-хоноша»-колядовщикъ ²⁾). Бродяжничество, шатаніе, во-лоченіе волочебниковъ, напоминающее бродячихъ скомо-роховъ, отлично изображено въ начальныхъ стихахъ сле-дующей волочебной песни:

Ишли-бряли волочебники,
Во цяной ночи, да по грязной грязи,
Волочилися, да й обмочилися,
Паталйся и боуталися,
Къ богатому дому пыталися ³⁾).

Другая волочебная песня начинается такъ:

Изъ-подъ лісу-лісу темнаго
Шла тучка Волочебная:

<) Безеоновъ. Белорусс. ігбс. I. 20—21. — Шейнь. Белорусс. вар. чЪс. 75
и. 105.

2) Труды эта.-ст. эксп. (юго-зап. отд.). III. 265.

3) Шейнь. В4лорусс. нар. нтс. 82.

А не туча то шла—Волочобнички,
Волочобнички, бьлы молойцы...
Шли яны дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою торненькою,
Траукой—мурайкой зелененькою... ¹⁾.

И колядовщики поють себ[^]:

Ходять ребята коледовщики,
Ищуть ребята Государева двора... ²⁾

Какъ скоморохи, по выраженію Стоглава, ели и пили у крестьянъ насильно и «грабили яшвоты», такъ и колядовщики и волочобнички до сихъ поръ еще просьбы свои о подачкахъ нередко сопровождают угрозами, которыя въ старину, быть можетъ, и приводились въ исполненіе; напр, въ колядкахъ:

Малорусе.: — Боже, дай вечерь добрый,
А намъ дайте пиригъ добрый,
А якъ не даете,
То возьму кобылу за чуприну
Поведу въ кабакъ,
Да пропью за пятакъ ³⁾.

Великорусе.:—Пышка лепешка
Въ печи сидела,
На насъ гляділа,
Въ ротъ вахотіла.
Дайте намъ кишку въ локоть,
Чтобы семерымъ не слопать,
Дайте намъ ломоть пирога
Во вей коровьи рога...
Не дадите лепешки,
Закидаемъ ве% окошки,
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота*).

¹⁾ Безсоновъ. Білорусе. іліс. I, 3.

²⁾ Описаніе города Котельнича, въ этнография, сборн. Имп. Русс. Геогп Общ V, 74

³⁾ Терещонко. Быть русс. нар. VII, 76.

⁴⁾ Шейиъ. Русс. нар. пѣс. I, 369.

— Подавай пирога!
Коль не дашь пирога,
Разломаемъ ворота,
Двери окна разобьешь ¹⁾.

— Кто не дастъ пирога,
Разобьемъ ворота,
Кто не дастъ кишки,
Разобьемъ горшки ²⁾.

Въ волочевныхъ нѣсняхъ:

Смоленск губ.: Кто не дастъ конца пирога,
Мы корову за рога,
Христось воскресъ Сына Божья! ³⁾.
Кто не дастъ пару яицъ,
Мы прогонимъ ве&хъ овецъ,
Кто не дастъ солонины кусокъ,
Мы свинью завалимъ ⁴⁾.

Повторяю, что въ такихъ пѣсняхъ, быть можетъ, отражается воспоминаніе о насильственной *д* и насильственномъ пѣтій скомороховъ въ деревняхъ. быть можетъ и о «пограбленій животовъ» у крестьянъ. Гд* можно было, скоморохи «стягивали» то, что плохо лежало, какъ напр. вышеупомянутую бабью кубышку съ деньгами, употребляя то хитрость, то насильіе. О хитрыхъ прод*лкахъ и проказахъ скомороховъ до сихъ поръ еще сохраняются въ народ* преданія. Отъ многихъ старояшль и теперь еще, по словамъ Беляева, можно слышать рассказы о томъ, какъ скоморохи, подходя къ селу, разделялись на партій,

¹⁾ Сногиревъ. Русс. прост. прязди. II, 106. — Ср. также зложеланіе, въ видъ угрозы высказываемое въ олдующихъ словахъ колядки:

Тетушка, тетушка,
Подай наиъ козурку (=глеченіе),
А не дашь козурки,

На новый годъ осиноый тебе гробъ.

(Владвѣрскія Губернскія Ведомости. 1860 г. № 27 Л)

²⁾ Опис. гор. Котельничя, въ этногр. сборн. V, 79—80.

³⁾ Принбвъ после каждаго двустихья.

⁴⁾ Римскій-Корсаковъ. Сбор. русс. нар. пес. II, Л5 47.

изъ которыхъ одна направлялась въ село воровать, а другая П'ьшемъ и прибаутками занимала жителей, часто рассказывая имъ про то самое, что д-ьлалось у нихъ въ домажъ. Въ Московской губерній, Можайскаго уезда, есть деревня Ликова. Тамъ до ныне хранится рассказъ о томъ, какъ ватага бродячихъ воровъ-музыкантовъ однажды расположилась близь деревни и потешала яштелей следующей песней:

Ай, матушка Ликова,
Пришей къ шубъ рукава.

Воротившись домой съ этого спектакля, крестьяне не нашли большей части своихъ овецъ (ср. выраженіе Стоглава о скоморохахъ: «съ клетей ясивоты грабять) ').

Въ югозападной части Томской губ. народные музыканты, йграюііе для плясокъ, по временамъ подиьвають подъ музыку отрывки разныхъ песенъ, между прочимъ и нйжеследующій (записанный въ Семипалатинске) экс-промта, по рассказамъ местныхъ жителей, слояшвшійся при такихъ обстоятельствахъ: въ одной деревне была вечерка; шли воры крестьяне, одинъ изъ нихъ—музыкантъ; музыканта вошелъ въ избу и нредложилъ поиграть для компаній, а его товарищи остались на дворе и стали шарить по амбарамъ, нашли много добра, но во что положить—не знаютъ, а на дворе сушились бабьи рубахи, вотъ музыканту и пришла мысль заменить мешки рубахами, онъ и пропелъ свое предложеніе громко, чтобъ услышали на дворе:

Ужь вы глушеде крестьяне,
Неразумны мужики,

) Бляевъ. О скоморохахъ. 83—84. Прим. 3.-И современный намъ западно-русскій дударь, по словамъ г. Шпидевскаго, «рыская по всему краю, много слышит, многое и самъ првдумаетъ; умьеть ловко разскаязть о вид*нно.мъ, подчасъ надуеть кого удачною плутнёю, особенно когда публика его бываетъ подхмлена» (Мозырщина, въ арх. пстор. и практич. свид. III, стр. 5).

Еще бабья-то рубаха
Не тотъ-же ли мѣшокъ?
Рукава-то завяжи,
Да что хошь положи ¹⁾.

Эта п*сня и связанное съ нею преданіе напоминаютъ только что упомянутое преданіе деревни Ликова, а такясе Писню о скоморошьей воровской проділк* съ бабьей кубышкой.

Воровство скомороховъ доходило до грабительства. На это указываютъ заключительные стихи приведенной раньше (стр. 3, 134, 141) п*сни «Веселыхъ», обокравшихъ бабу, у которой они пріютились для ночлега:

Ты живи баба подолъ,
Ты копи денегъ поболъ,
Н мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сождемъ ²⁾.

Слова эти близко роднятся съ заключительными-же стихами разбойничьей п*сни «Ахъ усыньки усы, удалые молодцы»: поел* того какъ разбойники ограбили богатаго мужика въ его дому, они обращаются къ нему съ такой же йроніей, какъ выше воры-скоморохи къ обокраденной ими старух*:

Вотъ спасибо ті мужикъ,
Вотъ спасибо господипъ,
Поживи мужикъ по-долцъ,
Покопи денегъ по-бол4,
Мы назадъ пойдемъ,
Мы опять яйдемъ ³⁾.

¹⁾ Этногр. Сбор. VI, 61.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. нар. I, ш, 221.
Пальчкковъ. Крест, піс. № 43,—Ср. К. Дапнлопъ. Древ. росс. стнх. 2SW.

Въ Стоглав*, какъ мы вид*ли, прямо говорится, что ватаги скомороховъ «по дорогамъ (людей) разбиваютъ», т. е. грабятъ¹⁾.

¹⁾ Беляевъ обратидь вннаніе на следующую песню изъ сборника Сахарова, въ которой онъ узнаетъ разсказъ о грабительствѣ скомороховъ. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ изъ этой нѣси:

Ахъ Суздальцы, Володимерцы,
Ни скакать, ни плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками, съ болобольчиками.
Ахъ станемъ говорить выговаривати,
Черно на бело выворачивати.
Какъ у Карпова двора,
Да окатана гора;
Какъ не Карпъ ее каталь
И не Карпова жена,
Укаталь бояре семи городовъ,

(можетъ быть, по мнѣнію Беляева, это скоморохи, въ ватага которыхъ были члены разныхъ волостей)

Поставили избушку семи локотковъ,

(быть можетъ, это кибитка или шалашъ, поставленные ворами-скоморохами у двора Карпа, чтобы выманить изъ дома хозяйку)

А одна-то доска поперешилася,
Поперешилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ
Промежду пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдался голосокъ
Въ самый тотъ-же во часокъ,
Что Ульяна отъ побюю престаивилася.

(Песни русс. вар. IV, 103.)

При соображеніи съ другими свидетельствами о разбойническихъ ватагахъ скомороховъ и ихъ поступкахъ, замѣчаетъ Беляевъ, намъ слышатся въ этой песне сигналы и переклички скомороховъ, разделившихся на три партій, изъ которыхъ одна подается въ лесу, другая—обванываетъ и убиваетъ хозяйку, а третья—на конце деревни поетъ, пляшетъ и въ намеренно запутанной песне разсказываетъ крестьянамъ/ что делается у нихъ во дворахъ. (О скоморохахъ. 83—85.)

Скоморохи ос4длые.

Кромі прохояшхъ, про'ѣзжихъ скомороховъ. издавна бывали и оседлые, успевавшіе пристраиваться къ княіескому или царскому двору, или къ домамъ богатыхъ и знатныхъ боярь, или просто проживавшее въ томъ или другомъ мѣсте (деревне, слободе, городе), прокармливаясь тамъ помощью своего ремесла. По словамъ былинь, на пирахъ у князя Владіміра присутствуютъ толпами игроки, скоморохи (ср. выше стр. 8—9), очевидно принадлежаще къ придворному штату. Въ былине о Ставре, выдающая себя за посла, Ставрова жена опрашиваетъ князя:

Нѣтъ-ли у тебя загуельщиковъ,
Поиграть во гусельшки яровчаты?
Какъ повынускали они загуельщиковъ,
Всѣ играютъ, и т. д. ').

Загусельщики, следовательно, оказываются на готове, какъ только въ нихъ встречается надобность. Впрочемъ, въ другомъ пересказе Владімірь посылаетъ

Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ,
И собрали веселыхъ молодцовъ на кпяжескій дворъ²⁾.

Изъ этого можно лишь заключить, что зазывали ко двору и постороннихъ, иештатныхъ «веселыхъ молодцовъ».

') Рыбниковъ. Мсни. II, 110.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 773, 855.
К. Даниловъ. Древ. росс. стих. 91.

Когда приводятъ изъ заточенія и заставляють играть са-
мого Ставра, то мнимый посоль обращается къ Владѣмиру:

Не надо мнѣ твои дани, выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ
Ставромъ бояриномъ Годпновичемъ ¹⁾.

Следовательно, «веселый молодецъ» является здѣсь какъ принадлежность княжескаго двора, которою князь и ясалуетъ неузнаннаго гостя.

Въ былинѣ о Чуриле Пленковичѣ, сей послѣдній назначается придворнымъ постельникомъ: онъ стелеть постель великокняжеской чете и по доляности, по обязанности слугбы. сидя у изголовья, нотешаетъ князя и княгиню игрой на гуслихъ, т. е. въ качествѣ постельника, онъ делается и штатнымъ придворнымъ гуслищникомъ ²⁾.

Выше (стр. 9 и сл., 13) указано было на то, что Святополкъ любилъ пировать при звуке гуслей, что при дворе Святослава Ярославовича на пирахъ «по обычаю» играли на гуслихъ и на другихъ инструментахъ, что князь Всеволодъ Мстиславовичъ Новгородскій любилъ играть и утешаться. Разумеется, для этой цели должны были состоять на княжеской слугбѣ постоянные штатные «игрецы», «гудцы» или скоморохи, изображеніе которыхъ мы узнаемъ на древней фрескѣ Кіевскаго Софійскаго собора. Существованіе штата постоянныхъ, следовательно более или менее оседлыхъ, гудцевъ - скомороховъ не исключало, конечно, возможности появленія при великокняжескомъ дворе и пріезжихъ скомороховъ: въ качествѣ такового, приходитъ на пиръ накрученный скоморохомъ Добрыня, приветствуемый Владѣмиромъ, какъ «детина пріезжая, скоморошная, гусельная» и приводящей въ восторгъ прочихъ вероятно постоянныхъ, штатныхъ игроковъ - скомороховъ Владѣмировыхъ,—Въ Ипатьевской летописи подъ 1241 г. говорится о «словутномъ», т. е. славномъ, певцѣ Митусѣ, не восхотевшемъ изъ гордости служить князю

¹⁾ Тамъ-же: 91.

²⁾ См. выше стр. 66.

Данілу '). Изъ этого опять заключаемъ, что бывали у князей на слугбѣ певцы и гудцы (музыканты).

Ссылаясь на сказанное мною выше (стр. 50) объ отсутствіи письменныхъ извѣстій о музыкальныхъ увеселеніяхъ русскихъ князей съ XIII (или даже съ XI) до конца XV века, напомню, что въ 1490 г. былъ выписанъ ко двору царя Іоанна III органный игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, капланъ белыхъ чернецовъ Августинова ордена, открывшій собою рядъ иноземныхъ потѣшниковъ царскихъ. При Іоаннѣ Грозномъ русскіе скоморохи, представители веселой игры, играли при царскомъ дворѣ* еще видную роль: съ ними царь самъ плясалъ на своихъ пирахъ разгульныя песни и плясалъ въ «машкарахъ»; ихъ плясками, несомненно связанными съ игрой, царь забавлялъ нѣмецкихъ гостей, присутствуя на свадьбѣ Магнуса Голштинскаго съ княжной Маріей; ихъ игра на волынкѣ (вероятно и на другихъ инструментахъ) сопровождала медвежью комедію, которою забавлялся царь. Тешили, кроме того, царя, навевая на него сонъ своими разсказами, старцы-бахари, въ лице которыхъ, равно какъ и въ лице позднейшихъ домрачеевъ и гусельниковъ, мы узнаемъ преемниковъ древнихъ скомороховъ-сказителей, т. е. певцовъ старины. Бахарей мы встречаемъ, после Іоанна Грознаго, у царя Василія Шуйскаго; бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ — при дворе царя Михаила вѣдоровича. Въ теченіи XVII столетія все более и более стали цениться въ Москвѣ иноземные мастера всякаго рода ремеслъ и художествъ; между прочимъ, привозились изъ за-границы къ царскому двору органы и клавикорды съ соответствующими игрецами; позже, въ началѣ XVII века, появляются въ царской потешной палатѣ еще цимбальники и скрипотчики, русскіе по происхожденію, но, разумеется, научившіеся своему искусству у иноземныхъ мастеровъ. Все вышешоименованные дворцовые музыкальные искусники, къ которымъ присоединяется еще толпа дворцовыхъ трубниковъ, сурначеевъ и накрачеевъ (подробнее я буду говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ), представляютъ уже нечто въ родѣ штата оседлыхъ потешниковъ. Иноземный элементъ въ

*) Полн. собр. русс. лѣт. У, 180.

этихъ потѣхахъ очевидно нолучаль преобладаніе, утвердившись окончательно при царе Алексее Михайлович*, который съ самага начала своего царствованія строго преследовавъ русское скоморошество, зам*нилъ на своей свадьбе нрежнія обычныя музыкальнныя потехи (трубную игру, игру домрачеевъ, гусельниковъ) п*ніемъ духовныхъ песенъ, но въ послѣдствіи широко раскрыль двери своего дворца н*мецкимъ и составленнымъ по иноземнымъ образцамъ русскимъ комедіямъ съ музыкою, зам*нивъ нрежнія потехи новымъ родомъ,—потехой музыкально-драматической.

Не только при царскомъ двор*, но и въ домахъ знатныхъ и богатыхъ особъ нер*дко дерясались иотЗшшики: скоморохи, бахари, гусельники, трубники и другіе музыканты, которые, сл*довательно, вели яшзнь ос*длую. Сохранилось йзвѣстіе о кр*постномъ трубник* князя Ивана Юрьевича Патрик*ева (изъ временъ царствованія Іоанна III¹). «Деряіай соп*льника... чтить темнаго б*са» говоритъ авторъ слова о русаліяхъ³), следовательно были въ старину частныя лица, деряіавшія у себя музыкантовъ. В*роятно такими же домашними музыкантами были трубачи и барабанщики, музыка которыхъ, по словамъ былины, грем*ла на пиру у Никиты Романовича (ср. выше стр. 16).

Сохранилось йзв*стіе и о скоморохахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. Такъ въ 1633 г. подали царю челобитную, по поводу совершеннаго надъ ними насильія, со стороны приказнаго Крюкова и его людей, скоморохи князя Ивана Ивановича Шуйскаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго³). Скоморохи яіе вероятно не многимъ отличались отъ техъ «блзней», которые, по словамъ Маскевича (1611 г.), тешили Мос'ковскихъ бояръ на ихъ вечеринкахъ русскими плясками и кривляніямъ и безстыдными песнями (см. выше стр. 94) и вероятно принадлежали къ штату боярскихъ дворенъ. Таковы же были конечно и те «веселые» ко-

¹) Соловьевъ. Исторія Россій. V, 197.

²) Паи. стар. русс. лат. I, 207.

³) См. у Аоанасьева. Поэт, возрр. I, 340—347.

торыхъ, какъ было упомянуто выше (стр. 5), держаль при себѣ безпрестанно, для потехи, князь Шейдяковъ (въ первой половине ХУІІ века). Оларій упоминаетъ о позитиве (органе) и всякаго рода другихъ музыкальныхъ инструментахъ, которые имель у себя другъ немцевъ, великій бояринъ Никита (Ивановичъ Романовъ). Само собой разумеется, что при названныхъ инструментахъ бояринъ дерягалъ и игравшихъ на нихъ музыкантовъ. При комедійныхъ по'гъхахъ даря Алексея Михайловича (въ 1674 г.), по свидетельству Дворцовыхъ Разрядовъ, «на арганахъ играли немцы да люди дворовые боярина Артемона Сергеевича Матвеева», который въ 1673 г. : авель даже театральное училище, подготовлявшее актеровъ и музыкантовъ русскаго происхожденія. «Того-яге года, въ томъ-же селе Преображенскомъ—читаемъ далее тамъ-же—была у великаго государя потеха на заговеньи; и тешили его, великаго государя, немцы да люди боярина Артемона Сергеевича Матвеева на арганахъ и на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потехами разными»¹⁾. Въ повести о прекрасномъ Девгеніи (но рукописи ХVІІІ века) читаемъ: «Девгеній... нача веселитися во всю ночь и повелеша людямъ своимъ въ тимпаны и въ набаты бити. и въ сурны играти сійречь трубить и въ гусли играть»²⁾. У Девгенія были, следовательно, свои домашніе, т. е. оседлые музыканты, йгравшіе на разныхъ, въ томъ числе и на скоморошескихъ инструментахъ (сурнахъ, трубахъ, гусяхъ). Мы видимъ, что во всехъ иоименованныхъ случаяхъ прежнія скоморошескія потехи оказываются более или менее вытесненными иными, на западно-европейскій ладъ устроиваемыми потехами: при царскомъ дворе разыгрываются комедіи съ музыкой и пешемъ, на царскихъ и частныхъ пирахъ и празднествахъ гремитъ преимущественно трубная музыка, оставляя не много места домашнимъ домрачамъ и гусельникамъ, блшчайшимъ преемникамъ древнихъ певцовъ-гусельниковъ. Впрочемъ, бахари. сказители или баятели басень, т. е. сказокъ и былинъ,—также бльжайшіе

¹⁾ III, 1131, 1132.

²⁾ Паи. стар. русс. лит. II, 387.

преемники древних певцов старины — гусельниковъ, продолжали еще долго, даже до начала XIX века, составлять необходимую принадлежность многих частных домовъ. Скоморохи же, удерживаясь еще, какъ было замечено выше, даже еще въ первой половине XVIII века въ домахъ и Фкоторыхъ бояръ (напр. у князей И. И. Шуйскаго, Д. М. Поягарскаго, А. Шейдякова), продолжают на улицахъ и площадяхъ, преимущественно въ виде бродячихъ ватагъ, потешать толпу народную.

Независимо отъ упомянутыхъ осѣдлыхъ скомороховъ и иныхъ музыкальныхъ потешниковъ, состоявшихъ при царскомъ дворе и при домахъ частныхъ лицъ, встречаемъ йзвѣстїя и о скоморохахъ вольныхъ, свободныхъ отъ службы, такъ сказать свободно практиковавшихъ, ймѣвшихъ оседлость въ городахъ и селахъ и отсюда ходившихъ на свой промыселъ. Такъ напр. Садко-гусельникъ, пока еще не сделался богатымъ купцомъ, ходившій играть по пирамъ, въ былине называется Новгородскимъ, т. е. ягителемъ г. Новгорода:

«Ай же ты Садко Новгородскій!»

такъ приветствуетъ его, играющаго на гусяхъ на берегу Ильменя озера, царь морской; далее читаемъ въ той же былине:

Приходилъ Садко въ свой во Новгородъ! ¹⁾

О томъ, что скоморохи живали и въ деревняхъ, заключаемъ изъ словъ приговорной памяти монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.), запрещавшей подъ угрозою пени держать въ волости скомороховъ: «не велели есмь имъ въ волости дерясати скомороховъ ни волхвей... и учнуть держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ,... и на томъ сотскомъ и его сотне взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ». Здесь лее прибавлено: «а прохожихъ скомороховъ въ волость не пуцать» ²⁾; следовательно прямо делается различіе между оседлыми

¹⁾ Рыбниковъ. Исто.пи. I, 371.

²⁾ Акты (арх. эксп.). I, К 244.

и прохожими скоморохами. Въ народной п*сн* упоминается о скоморох*, живущемъ въ деревн*:

Сватался за Катеньку изъ деревни скоморохъ ¹⁾.

Изъ такихъ-то ос*длыхъ, городскихъ и сельскихъ, скомороховъ набирались вероятно, при цар* Иоанн* Грозномъ, поташники для царскаго двора: выше (стр. 5) приведено было свидетельство 2-ой Новгородской летописи годъ 1571г., о томъ, что «въ Новгород^, и по вс*мъ городамъ и но волостемъ на государя брали веселыхъ людей».

Все это показываетъ, что въ старину, кром* скомороховъ прохожихъ, странствующихъ, во многихъ м*стахъ жили и скоморохи оседлые. Можетъ быть географическія названія пустошъ «Скоморохово» въ Новоторяскомъ*зд*, починка «Скомороховъ» въ Бежецкой пятин*²⁾, части города: «Скоморошья мовница» въ Устюг*³⁾ и т. п. произошли всл*дствіе жительства въ нихъ, въ давнѣйшія времена, ос*длыхъ скомороховъ.

¹⁾ Беляевъ. О скоморохахъ, 88.

²⁾ См. Акты (арх. 8ксп.): Указатель.

³⁾ Карамзинъ. Пет. гос. Росс. VI, пр. 629 (Дополнительная выписка изъ летописей, годъ 1490 годомъ).

Награжденіе схоэюроховъ и нрезріініе къ шшъ,
какъ къ слугамъ антихристовымъ.

а. Щедрья награды.—Плата гудочная (мзда).

Мы ВИДЕЛИ выше, что скоморохи, начиная съ певца-гусельника, развлекавшаго своимъ искусствомъ, своей «игрой», участниковъ нировъ и свадебныхъ празднествъ. и кончая веселыми разудалыми музыкантами-плясунами, глумотворцами, потешавшими народную толпу своими песнями, играми и представленіями, —издревле были душою всякихъ увеселеній,центромъ всякихъ торжественныхъ сборищъ. Скоморохъ былъ въ старину единственнымъ представителемъ музыкальиаго, музыкально-эпического и музыкально-сценическаго искусства, проявлявшагося, разумеется, по большей части лишь въ самой простой, грубой, но соответствовавшей современному вкусу народа формѣ. Народъ, начиная съ князя иди царя и кончая разгульною чернью, любилъ своихъ веселыхъ потешниковъ, щедро награждая ихъ за доставляемую ими утеху.

Добрыня, одетый скоморохомъ, за игру свою удостоивается почести сидеть рядомъ съ княземъ Владѣміромъ на «золотомъ стуле» и вместе съ княземъ «хлеба кушати и лебедей рушати» (см. выше стр. 64—65), онъ награждается виномъ и казной безъ меры и безъ разсчета: «Айжеты, мала скоморошина», восклицаетъ князь,

За твою игру великую,
За угъхи твои за нѣжныя,

Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчета получай золоту казну

Въ другомъ пересказ!, Владимірь обращается къ Добрынь съ слѣдующею рѣчью:

Ахъ скоро мала смѣла скоморошина!
А чѣмъ намъ тебя буде жаловать
А за эту игру за умильною?
Города ль тебѣ набѣ съ пригородами,
Али села да тѣ набѣ со приселками,
Аль много набѣ безсчотной золотой казны?

Утѣшанный «нужной игрой» Садка-гусельника, царь морской •

Говорилъ таковы слова:
Ай же ты Садко Новгородскій!
Не знаю чѣмъ буде тебя жаловать...
Аль безсчотной золотой казной? ²⁾

Упоминается въ былинахъ и о платѣ гудочной.

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрыні, послѣдній надѣваетъ платье не скоморошеское, а «калисьнее» (т. е. наряжается каликой). Онъ приходитъ «на свадьбу Олешину» и застаётъ тамъ толпу гудочниковъ:

Вси гудки играютъ, и вси увеселяють.
Нацали гудосьниковъ удобривать,
Ж виномъ то ихъ стали попаивать;
А не даютъ калики цыры зелена вина,
Да и платы гудосьныя не даютъ,
А за то ему не даютъ,
Што не игралъ въ свой гудокъ.
И говорилъ калика перехожіе (т. е. Добрыня):
«Прикажи-тко, Олеша, во вси гудки молцети,
А я надну въ свой гудокъ играти,
Штобы не лишили миня платы-то гудосьныя,
Да л цырой велена вина не обнесли» ³⁾.

¹⁾ Рыбниковъ. Писнь. II, 31.

²⁾ Тамъ же: I, 371.

³⁾ Кирііевскій. Писіш. II, 13.

Изъ этого отрывка видно, что «удабриваніе» гудочниковъ заключалось въподаяній имъ гудочной платы, къ чему присоединялось еще угоиценіе виномъ; платятъ же и подносятъ вино лишь тѣмъ изъ гудочниковъ, которые играютъ въ гудокъ, не играющихъ же обходятъ и платой и чарой зелена вина.

Въ слові о руоалшхъ разсказывается, какъ богатый награждаетъ сопельника «сребреницею», какъ богатые и убогіе «подають сребро и медь» б'бсамъ, исполняющимъ роль скомороховъ, за ихъ «йгранія». Тамъ же порицается «держайцій сопельника» т. е. нанимающей его, платяцій ему деньги, или содеряіацій его на свой счет¹⁾. «Друзін ясе и мзды игрецем'ъ дають» читаемъ въ «слове о томъ, како пьрвое погани веровали въ идолы», приписываемомъ Іоанну Златоусту (по рукоп. Новгород. Софійскаго собора, XIV в.)²⁾, а въ Требник*, въ чин* йспов'данія мірянъ, кагоіційся произносить: «согр*шихъ въ сладость слушающа гуденія гуслей и арганъ и трубъ и всякаго скоморошества, бісовскаго неистовства и за то имъ мзду давахъ»³⁾. Выше (стр. 77) приведено свидетельство Даніила фонъ Бухау о пляскахъ московскихъ гистрюновъ-скомороховъ, выгоды ради. Олеарій говорилъ о скоморохахъ-кукольникахъ, дававшихъ въ его время представленія за деньги простонародной молодежи и д*тямъ⁴⁾. Наука скомороха, по выраженію «слова о вере хрїстіанской и жидовской» (по рукоп. XVIII в.): «скоморошить и у хрїстіанъ деньги выманивать»⁵⁾. Упомянутые выше (стр. 154) скоморохи князей И. И. Шуйскаго и Д. М. Пожарскаго ходили «для своего промыслишку» т. е. играть за плату, за вознагражденіе. Белорусская песня указываетъ на подачки, которыми пользуется скоморохъ,—что даютъ, то онъ и беретъ:

А скоморохова горькая доля,
Што даюць только, бередь и тое⁶⁾.

¹⁾ Нам. стар. русс. лит. I. 207, 208.

²⁾ Тихоиравовъ. Лит. русс. лвт. и древ. IV. га, 111.

³⁾ См. у Веселовскаго. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII II 196—197

⁴⁾ Подр. опис. путеш. въ Москов. 178.

⁵⁾ Тихоиравовъ. Лит. русс. лит. и древ. I, 74.

⁶⁾ Носовичъ. Слов, белорусе, нарич. Сл.: «скомороховъ

Сравнимъ выше (стр. 67) малорусскую песню, въ которой девушка нанимаетъ за копу дударя, чтобы онъ игралъ ей на дуде.—Какъ вознаграждались прѣзжіе, прохожіе, бродячіе скоморохи, такъ, разумеется, оплачивалось и искусство скомороховъ и нот'ѣшниковъ осѣдлыхъ, принадлежавшихъ къ штату царскаго двора, а равно и дворни богатыхъ частныхъ лицъ. Такъ напр. сохранились сведенія о неоднократныхъ выдачахъ денежныхъ наградъ, или кусковъ матерій на платья, придворнымъ бахарямъ и домрачеямъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ ХУІІ столітія ¹⁾).

б. Скоморошество во служеніи дьявола.

Рядомъ съ любовью къ искусству скомороховъ, дупѣ всякаго веселья и утехы, народъ (въ особенности более просвещенная его часть, воспитанная на духовной литературѣ) къ личности самихъ нот'ѣшниковъ изстари питалъ презрѣніе. Не мало способствовало тому нередко предосудительное поведете самихъ скомороховъ, но главною причиною этого презрѣнія и известной брезгливости къ скоморохамъ и ихъ атрибутамъ служилъ воспринятый отъ Византійской церкви и воспитывавпийся духовенствомъ въ народе взглядъ на греховность скоморошьяго промысла, на бісовскій характеръ творимыхъ ими игръ, глумовъ, «позоровъ», на музыку вообще и даясе на музыкальнныя орудія,— какъ на изобретете дьявола или дьявольскую лесть, на играца или поташника,— какъ на слугу сатаны, слугу антихристовъ, йсчадіе дьяволаво. Н^тъ возможности перечислить все порицательныя отзывы о скоморошескихъ играхъ, глумахъ и представлетяхъ, щедрою рукою расточавшіеся духовными и светскими авторами, которые, въ заботе о нравственномъ усовершенствованіи народа, поучали его, наставляя на путь истинный. Не только йсполненіе музыки, игръ, глумовъ, но и слушаніе и лицезр'ѣніе ихъ постоянно называются въ числе мытарствъ, тьяскихъ пре-

¹⁾ Забелин». Дон. бытъ русс, цпрідь. Д39--Ш.

грѣшеній, угодныхъ дьяволу, уготовающихъ путь въ адъ кромешный. Приведу по несколько примѣровъ отзывовъ о каждой изъ разсмотренныхъ выше отраслей деятельности скомороховъ разныхъ авторовъ прошедшихъ столѣтій.

аа. Игра и музыкальные инструменты.

Несторъ (подъ 1067 г.) называетъ «дьявольскими лествици» трубы, скомороховъ, гусли и русальи (подъ 1074 г.) описываетъ видѣніе Йсаакія, которому являются бесы съ музыкальными орудіями (сопелями, бубнами, гуслиями и играютъ на нихъ); у Кирилла Туровскаго встречаемъ выраженіе «сопели сотонійскія». Христолюбецъ называетъ гуденіе въ числѣ бесовскихъ игръ; ѣганіе, плясаніе и гуденіе оскверняетъ чувства, по словамъ посланія митрополита русскаго Іоанна- «смеха бѣгай лихаго, скомороха... и гудця и свирця не уведи у домъ свой глума ради, поганьско бо то ієсть а не крестыанско; да любяй та глумленья погань ієсть... дьяволи бо то суть», поучаетъ Черноризецъ Грѣгорій (по списку XIII в.); «а гудуіціи не акы ли и ненрїазнїи древу пакость творять», говоритъ въ поученїи своемъ Евсевій (XIII в.)²⁾; «сопели, гусли... собирають около себе стоудные бесы, держай же сопельника, въ сласть любуй гусли... чтить темнаго беса» говорится въ словѣ о русалїяхъ; «не люби игры дане обрящешися тамо съ бесовскими слугами», говоритъ митрополитъ Данїиль въ своемъ поученїи³⁾; отъ трапезы, за которой происходитъ гуденіе, плясаніе и игры, ангелы Болии отыдутъ, а дьяволы предстануть, по словамъ Домостроя; противъ «скомороховъ съ домрами и съ гуслиями и съ волынками и со всякими бесовскими играми» ополчается грамота царя Алексея Михайловича (1648 г.), называющая дом-

¹⁾ Свидѣтельства, выписываемые здѣсь безъ точвѣбшаго обозначенія источниковъ уже приведены мною, съ указаніемъ послѣднихъ, выше, въ разныхъ мѣстахъ

²⁾ Срезневскій. Свід. и замѣт. VII. 56: XLI, 34.

³⁾ Паи. стар. русс. лит. IV, 203.

ры, сурны, гудки, гусли «бесовскими гудебными сосудами»; «а буде... учнуть... скомрахи въ гусли и въ домры и въ сурны и волынки и во всякія бесовскія игры играть» читаемъ въ памяти митрополита Ростовскаго Іоны (1657 г.)¹⁾; статья упомянутого выше (стр. 131) рукописнаго сборника, какъ мы видели, называетъ скомороховъ и свирельниковъ волхвами бесовыми, слугами антихристовыми. «Умысли сатана, како отврати людей отъ церкви—читаемъ въ старинной рукописи—и собравъ беси—преобрази въ человека, и идяше въ сборе велице упрострени въ градъ и вси біяху въ бубны, друзій въ козици и въ свирели... Мнози лее оставивши церковь и на позоры бесомъ течаху»²⁾. Преподобному веодосію Печерскому слышался, по словамъ его жйтія, «гласъ вопля великаго въ пещере отъ множества бесовъ», «аки не кшмъ... въ тимпаны бшщимъ, и инымъ въ сопели играющимъ и тако всемъ кличущимъ»³⁾. Въ обоихъ последнихъ случаяхъ йграніе прямо приписывается бесамъ. Въ названномъ выше (стр. 17) требнике встречаются следующие вопросы священника на исповеди: «слушалъеси скомороховъ или гусельниковъ, или нель еси песни бесовскія или слушалъ еси иныхъ поющихъ?» доказывающее греховность поименованныхъ потехъ. Мы видели выше (стр. 158), что, по словамъ поученій, далее мзда, даваемая игрецамъ, считается жертвой дьяволу, следовательно тяжкимъ грехомъ: «за кую вину—воскликаетъ авторъ слова о русаліяхъ—даеши сребро свое дьяволу въ жертву, велику пагубъ души своей творя, а дьяволу же радость»⁴⁾.

Взглядъ на бесовскій характеръ музыки отразился и въ народной литературе. Въ былинѣ о Садке, когда подъ звуки гуслей этого игреца расплясалось и раскакалось все подводное царство, расходилось бурное море, топило корабли безъ счету,—герою былины является старикъ «седа-

<) Акты (арх. экзев.). IV, Лб 98.

¹⁾ У Аенасьева. Повт. возр. I, 332. — Ср. выше (стр. 90) объясненіе происхождения «Русаліи», въ вврологі XV столітв.

³⁾ Печер. Патер. 51.

⁴⁾ Пап. етар. русс. лит. I, 208.

тый» или «Никола Можайскій», или «старчшце», и обращается къ нему съ такими словами:

сПолно тебѢ играть во гуселки яровчаты,
Полно губить людей безповинныхъ.
Отъ твоихъ отъ игорь отъ бйсовскійхъ,
И отъ твоихъ отъ плясокъ нечестивыхъ,
Окіанъ сине море всколебалося¹⁾).

Ограничусь приведенными примерами.

66- Пляски и пѣсни.

Несторъ, описывая нравы Радомичей, Вятичей и Севера, выражается такъ: «схожахуся на игрища, наплясанье и на вся б*совская игрища»; въ (Юфійской первой летописи читаемъ въ соотв*тствующемъ м*ст*: «схожахуся на игрища и на вся б*совская плясанія»²⁾; въ вйд*ній Йсаакія б*сы прельщаютъ преподобнаго къ пляск* звуками музыкальныхъ орудій; въ былин* оСадк* вызванный игрою его пляски морскаго царя и его свиты называются б*совскими, нечестивыми; Христолюбецъ называетъ въ числ* б*совскихъ игръ не только гудете (см. выше стр. 160), но и плясаніе и п*сни мірскія (по другой редакцій—п*сни б*совскія)³⁾; точно такъ, по словамъ посланія митрополита Іоанна, оскверняетъ чувства, кром* йгранія и гуденія, также нлясаніе; сопели, гусли, п'Ъсни ненрїазнъскїй, нлясанья, плесканья (=рукоплесканія) собираютъ около себе студныя б*сы», читаемъ въ слов* о русаліяхъ, тамъ яіе говорится о б*сахъ иляшущихъ и скачушихъ, прельщающихъ и побуждающихъ къ тому же народъ, и дал*е: «велика бо радость совершается дьяволу плясанья и плесканья съ свир*лми»⁴⁾; Памфиль ратуетъ противъ «неподоб-

¹⁾ Рыбниковъ. Писвй. I, 369.

²⁾ Поли. Собр. Русс. Лет. I, 6; V, 85.

³⁾ Тиунравовъ. Лѣтоп. русс. лит. и древ. IV. ш, 92.

⁴⁾ Нам. стар. русс. лит. I, 207, 208.

ныхъ игръ сотонинскихъ, плясанія и плесканія», противъ «всескверненныхъ песень», поющихся въ Ивановскую ночь; въ «повести о девицахъ смоленскихъ, како игры творили» (по списку XVII в.) говорится о бйсовскомъ сборищѣ, неліпомъ и скверномъ на кануне ИвановаСдня, «эти окоянняя бесомъ научены были»¹⁾; въ «соборномъ приговоре (1551 г.)» предписывается священникамъ, чтобы они удалялись отъ «хулныхъ потехъ», имеющихъ место тамъ, где находятся «гусли и прегудницы»²⁾, и очевидно обозначающихъ пляски и песни; «всякое ск^едіе творять и всякія бесовскія дела: блудъ, нечестоту, скворнословіе, срамословіе, песни бесовскія, плясаніе, скаканіе, гуденіе, трубы, бубны, сопели», читаемъ въ Домострое³⁾; въ Стоглаве, въ памяти митрополита Іоны, въ указе патріарха Іоакѣма (1684 г.) и въ другихъ памятникахъ порицаются «бесовскія песни», «сатанѣнскія песни», въ грамоте царя Алексея Михайловича (1648 г.) «богомерзкія и скверныя песни»; «скоморохи и плясци... ихъ же отрекоша святій апостоли», читаемъ въ поученій митрополита Даніѣла, повторяющаго далее слова св. Ефрема: «егда яге діаволь позоветъ гуслими и плясци и песньми непріязненными. тогда мнози собираются на то»⁴⁾. Въ одной повести XVI века разсказывается о бесе, явившемся старцу въ виде отрока въ скоморошеской одежде и начавшемъ плясать передъ старикомъ⁵⁾. Въ стихе о страшномъ суде встречаемъ такое обращеніе къ грешникамъ: «вы въ гусли свирели играли, скакали, плясали—все ради дьявола»⁶⁾. Еще въ 1684 г. патріархъ Іоакимъ, порицая святочные увеселенія народа, восклицалъ: «плясаніе творять на разженіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грехопаденій»⁷⁾.

Особенно преследуется некоторыми поучительными словами пляска ягенщины: «о злое проклятое плясаніе,

¹⁾ См. у Буслаева. Историческіе очерки русской народной словесности. 1861. II. Стр. 14—15.

²⁾ Акты (арх. эксп.). I, № 232.

³⁾ Гл. 8, стр. 16.

⁴⁾ Нам. стар. русс. лит. IV, 201, 203.

⁵⁾ Тамъ же: I, 202.

⁶⁾ См. у Аеанасьева. Поэт. возр. I, 348.

⁷⁾ Ср. выше стр. 87.

говорить одинъ проповідникъ, о лукавыя жены многовертимое плясаніе! нляшуще бо жена—любод*йница дьяволя, супруга ада, нев*ста сатанина». Даже смотреть на пляски—гр*хъ; «не зрите плясанія и инья б*совскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, дане прельщени будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ б*совскихъ, таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Въ другомъ памятник* (рукоп. XVII в.) читаемъ: «многовертимое плясаніе (женское) отлучаетъ человека отъ Бога и во дно адово влечетъ» ¹⁾. Въ повести о танцующей д*виц* (XVII в.) рассказывается, какъ «д*вка н*кая», пребывавшая во дни святыя «во играхъ, въ веселій, въ танц*хъ», похищена была во сн* «отъ б*совъ» ²⁾.

вв. Переряжванія.

Несторъ къ дьявольскимъ лествямъ причисляетъ и русалія, въ которыхъ мы узнаемъ скоморошескія игры, связанныя съ переряшваніемъ (ср. выше стр. 89 и сл.); русаліямъ, по словамъ пролога XV в*ка, называются игры, изобретенный б*сами въ образ* челов*ческомъ, изъ которыхъ одни играютъ на музыкальныхъ инструментахъ, а другіе над*ваютъ на лица скураты (маски); въ Стоглав* подъ «скаредными образованіямъ» ³⁾ в*роятно должно понимать личины; святочная кобылка именуется въ царской грамот* 1648 г. б*совскою; святочные Нте игры наряженныхъ должно понимать неоднократно подъ общими выраженіямъ: «б*совское д*йство», «б*совская игралища и позорища» «сотонійскія игры», встречающимися въ разныхъ старинныхъ памятникахъ; «б*совское и кумирское личать, косматыя и иными б*совскими ухищреніями созд*янные образы над*вающе» говоритъ патріархъ Іоакимъ

¹⁾ См. у Аванасьева. Поэт, возвр. I, 345.

³⁾ Гл. 92.

о святочных ряженныхъ, прибавляя, что они «басовская игралища и позорища сод*вають». Наконецъ, распространенное между набожными людьми понятие, что надавать «харю» грешно и что единственное средство очиститься отъ грѣха—окупнуться въ крещенскую прорубь поел* водосвятія,—понятие это исходитъ изъ одного источника съ разъясненіемъ Нантскаго собора, по которому маски суть личины демоновъ ¹⁾.

гг. Глумы, медвѣжья кокедія и проч.

Скоморохи—игрецы, глумцы и смехотворцы—неоднократно называются кощунниками, безчинниками, сквернословцами; представления ихъ, происходившія на торжищахъ, на распутияхъ, на улицахъ и поляхъ, а равно и въ домахъ, называются позорами «отъ б*са замышленнаго дѣла» (Несторъ), «чюдесами басовскими» (Христороубецъ), «сатанинскими играми», «кошунами» (Іоасафъ) и т. п. Такія же выраженія относятся и до представлений медвѣжьихъ поводчиковъ, и прочихъ иотзпныхъ представлений скоморошескихъ, дававшихся, по выраженію духовныхъ писателей, «напакость слабымъ», «на вредъ простМшимъ».

¹⁾ См. у Снегирева. Русс., прост., праздн. II, 33, 37. Я упоминалъ уже выше (стр. 105) о томъ, что, подобно ряженнымъ, и такъ называемые халдеи должны были омываться крещенской водой: «Сказанные халдеи—ншеть Оларій—во все время ихъ потѣи въ бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ првчнеляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученіе. Поэтому въ день Богоявленія (крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными церкви христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они опять делаются такъ же чисты и святы, какъ въ кс4 другіе. Иной такой молодець могъ поэтому креститься разъ 10, и даже болѣе». (Подр. опис. путеш. въ Москов. 315),

в. Скоморохи и ихъ слушатели на томъ свѣтѣ.

Соответственно всему вышеизложенному, участь скомороховъ въ будущей жизни представлялась въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ: «плясцы и свирелницы и гусленицы и смычницы и смехотворны и глумословцы отидутъвъ плачь неутешный никогда ясе», говоритъ мнихъ Палладій въ слове о второмъ прѣшествіи: въ изображеніяхъ страшнаго суда, по русскимъ подлинникамъ, плясуны являются повешенными за пупъ, а въ духовныхъ стихахъ плясуны и волынщики являются осужденными на повешенье надъ каменными плитами и на гвоздь железное, или «изыдутъ—по словамъ стиха—смехотворны и глумословцы въ вечный плачь» «И скоморохи и ихъ дело плясаніе и сопели, песни бѣсовскія всегда любя... вси вкупе будутъ во аде а зде проклятіи читаемъ въ Домострое²⁾); въ стихе о грешной душе говорится о разныхъ ея проступкахъ, между прочимъ и объ участіи ея въ игрищахъ, за что она осуждается на вечныя муки:

По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякіе игры много плясывала,
Самого сатану воснотъшнвала...
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Въкъ мучиться души и не отмучиться³⁾.

«Не люби игръ, да не обрящешься тамо съ бесовскими слугами — восклицаетъ митрополитъ Даншль— блюдися убо, и егда зде насеши терніе смехомъ и глумленіемъ, а тамо жнеши слезы и рыданіе⁴⁾), Стоглавъ, порицая «всякое йграніе», прибавляетъ: «рече бо Господь: горе вамъ смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете»⁵⁾). На старинной лубочной картинке изображается йстязаніе въ аду грешника, съ следующей под-

¹⁾ Веселовскій. Розыск, въ обл. русс. дух. стих. VII

²⁾ Гл. 26, стр. 73.

³⁾ Твхоравовъ. Літ. русс. лит. в древ. I, 156.

⁴⁾ Паи. стар. русс. лвт. IY, 203.

⁵⁾ Гл. 92.

писью, объясняющею содержание картины: «И рече сатана: любилъ еси въ міре различный потехи, игры; приведите я; е ему трубачей. Беси же начата ему во уши трубить въ трубы огненныя; тогда изъ ушей, изъ очей, изъ ноздрей пройде сквозь пламень огненный...»¹⁾). На другой народной картинкѣ изображена нагая женщина на дракон*; въ объяснительномъ текст* выписана исповедь этой «девицы» отцу ея духовному: «азъ есмь проклятая дщерь твоя духовная, видиши ли оче, ... стрелы въ ушахъ за слушаніе песней б*совскихъ»²⁾). Въ упомянутой выше (стр. 163) «пов*сти о девицахъ Смоленскихъ како игры творили», рассказывается, что Господь прислалъ къ нимъ св. Георгія, для увеіцеванія, «чтобы оне перестали отъ такого беснова'нья (игрь своихъ въ Иванонскую ночь); но оне нелепо ему возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ, и все оне тотчасъ же окаменели и донныне на поле томъ видимы, стоять, какъ люди: въ поученіе намъ грешнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вечную»³⁾)-

г. Презрите къ скоморохамъ.

При такихъ обстоятельствахъ естественно сложались народныя поговорки о скоморохахъ и ихъ ремесле, въ роде слѣдующихъ: «Богъ далъ попа, а чортъ—скомороха», «песня и пляска отъ сатаны», «скоморошья потеха—сатане въ утеху», «ни Богу свеча, ни чорту дуда»—и т. п. Въ связи съ такимъ взглядомъ, даже атрибуты скомороховъ, т. е. музыкальный орудія и «маски», служили посрамленіемъ для держащихъ ихъ.

Разгневаннй на архіенійскопа новгородскаго Пимена

¹⁾ Асанасьевъ. Поэт, возр. 1, 348.

²⁾ Роввнскій. Русс. граверы и ихъ произв. 139.

³⁾ Буслаевъ. Ист. оч. русс. нар. слов. П, 14—15.

(въ 1570 г.), царь Іоаннь Грозный, между прочимъ, подвергнуль его следующему поруганію: его посадили на белую кобылу, въ худой одежде, съ волынкою и бубномъ въ рукахъ, какъ шута и скомороха, и возили изъ улицы въ улицу. По словамъ Олеарія, царь Іоаннь грозилъ архіепіскопу, что определить его въ Москве «въ разрядъ волынщиковъ», чтобы онъ игралъ подь пляски медведя. Ему связали ноги подь брюхомъ лошади, на шею повесили лиру, цитру (гусли?) и волынку и въ такомъ виде заставили ездить по Новгороду, приказывая ему играть на волынке, хотя онъ и не умелъ этого ²⁾). Нечто сходное повторилось въ Москве 36 летъ спустя. По убіеніи Ілже-Дімитрія (въ 1606 г.), обнаженный трупъ его чернь потащила кругомъ дворца на площадь; здесь положили его на столъ, а одинъ изъ бояръ бросилъ ему на животъ маску, на грудь—волынку, а въ ротъ сунуль дудку и притомъ сказалъ: «долго мы тешили тебя, ... теперь самъ насъ позабавь»³⁾). Я упоминаль уже о томъ негодованій, съ которымъ князь Репнинъ отвергъ предложеніе Іоанна Грознаго, надеть на лицо свое машкару: «онъ же отверже ю— пишетъ князь Курбскій—и потопталъ и рече: не буди ми се безуміе и безчійніе сотворити, въ советническомъ чину сушу мужу»⁴⁾). Презрение Іоанна Грознаго къ скоморохамъ и близко родственнымъ имъ шутамъ, которыми онъ тѣмъ не менее любилъ окружать себя, видно изъ следующего разсказа: однажды, недовольный какою-то шуткою одного изъ нихъ (князя Осипа Гвоздева), царь сперва вылилъ на него мису горячихъ щей, а потомъ ударилъ его ножемъ: «исцели слугу моего добраго», обратился онъ вследъ за тѣмъ къ доктору Арнольфу, но тотъ могъ лишь удостоверить смерть Гвоздева. Царь махнулъ рукой, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться ⁶⁾). Маскевичъ въ своихъ запискахъ (подь 1611 г.) свидѣтельствуе, что русскіе бояре надъ западными танцами смеются, «считая неприличнымъ плясать честному человеку... Честный че-

¹⁾ Карамзивъ. Ист. гос. рос. IX, 89.

²⁾ Подр. оіѢС. цутеш. въ Москов. 79.

³⁾ Сказ, соврем. о Дмитр. Самозв. I, 79; Ш, 159- IV, 175

⁴⁾ Сказавія. 81.

⁵⁾ Карамзивъ. Ист. гос. рос. IX, 97.

лов*къ—говорять они—должень сидеть на своемъ м*ст* и только забавляться кривляніемъ шута, а не самъ быть шуткомъ для забавы другого,—это не годится»¹⁾. «Они (русскіе бояре) не любятъ пляски (т. е. не любятъ сами плясать) и думаютъ, что она унизительна для ихъ важности», пишетъ англичанинъ Коллинсъ, бывшій врачомъ царя Алексея Михайловича²⁾. И такъ, занятіе скоморошествомъ, т. е. игрою на музыкальныхъ инструментахъ, п*ніемъ, пляской, глумотворствомъ и см*хотворствомъ, признавалось ремесломъ безчестнымъ, унизительнымъ.

Въ описаній Русскаго Государства въ половин* XVII в*ка (Юрія Крыжанича) встр*чаемъ перечисленіе «дурныхъ сословій людей»; тутъ, между прочимъ, поименовываются музыкальные и другіе искусники, представители разныхъ отраслей скоморошества: «игроки, борцы, фокусники, канатные плясуны, бандуристы, и вс* музыканты, незнагоііе музыки военной и художественной³⁾. Скоморохи, въ особенности въ XVII стол*тій, отличались отъ церкви, подвергались проклятію; отъ нихъ, какъ и отъ волхвовъ, чарод*евъ и т. п. людей, вм*ст* со скоморохами проклинавшихся и отлучавшихся отъ церкви, запрещалось даже принимать дары въ церкви: въ одномъ изъ поученій священнослужителямъ, изъ временъ царя Іоанна III, находимъ наставленіе: «принося не приноси на Божій жертвенникъ отъ нев*рныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ... волхвовъ... «игрецовъ» и т. д.⁴⁾; «скоморохи и ихъ д*ло... будутъ... прокляты», по словамъ Домостроя⁵⁾; «да будетъ отлученъ обавникъ, чарод*й, скоморохъ, узольникъ» говорится въ посланій неизв*стнаго епископа. Въ стать* одного рукописнаго сборника налагается проклятіе на гусли, домры, соп*ли, бубны^ скомороховъ и свир*льниковъ: «сій вси волсви плотяные б*сов* и слуги антихристовы,

¹⁾ Сказ. совр. о Дмитр. Самозв. V, 41—42.

²⁾ Чтенія въ Имя. общ. ист. и древ. росс. при Моск. Унив. 1846. III. Нынѣшнее состо(шіе Россія. Гл. 6).

³⁾ «Русская Бесѣда» 1859 г. Првл. въ № 4.

⁴⁾ См. у Соловьева. Истор. Росс. V, 245.

⁵⁾ См. выше, сгр. 166.

и сіе творяще да будутъ проклята»¹⁾. Въ памяти митрополита Іоны запрещаются скоморошескія игры, и въ заключеніе говорится, что если игры эти еще будутъ продолжаться и люди будутъ принимать къ себ* въ дома поименованныхъ пот*шниковъ, то «т*мъ людямъ и скомрахомъ и медвѣжьимъ поводчикамъ быть отъ него святителя въ великомъ смѣреніи и наказайи безъ пощады и во отлученій отъ церкви»²⁾. Во вс*хъ этихъ отногаешяхъ русскіе игрецы и смехотворцы испытывали сходную, но все-таки далеко не столь горькую участь, какъ современные имъ западные собратья ихъ по ремеслу, шпильманы и жонглѣры, еще более униженные, поруганные и опозоренные отвергавшимъ ихъ обществомъ³⁾

место скомороховъ на княжескихъ пирахъ, по словамъ былинь, было также не особенно почетное: обыкновенно они помещаются «на печке, на запечке». Добрыня, накрученный скоморохомъ, здороваается съ княземъ Владиміромъ и спрашиваетъ его:

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:
Что ваше мѣсто скоморошское
На той печкѣ на муравленой,

*) См. у Аванасьева. Поэт. возр. I, 344-345.

²⁾ Акты (арх. эксл.). IY, № 98.

³⁾ Въ Византій мимъ и мима, потѣшникъ и потѣшница, оживлявшіе народный игрища, представители народнаго веселья, по словамъ проф. Веселовскаго, иротивуполагались: первый, какъ изычникъ—полноправнымъ гражданам!, вторая, какъ непременно блудница,—свободной женщине: «они лишены были права наследства, права быть свидетелями на суде; скиникамъ не было выхода изъ ихъ званія, приходилось умирать въ немъ, церковь неохотно приобщала ихъ къ своимъ таинствамъ, отказывала въ предсмертномъ напутствованіи, светская власть призывала ихъ къ участию въ обряде казни, съ целью усилить ея позоръ элементомъ площаднаго глумленія... Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ міре, церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, званіе котораго причислялось къ крайне греховнымъ. Она громила его своею проповедью, постановленіямъ соборовъ, не допускала до причастія и лишь въ исключительныхъ случаяхъ позволяла ему приобщиться христовыхъ тайнъ, подъ условіемъ не заниматься своимъ ремесломъ за две недели до причастія и столько же спустя. Определенія светскаго закона не отставали отъ церкви: сакоонское зеркало признаетъ шпильмановъ безправными, лишаетъ ихъ права наследства. Швабскій кодексъ въ случае оскорбленія вемъ-нибудь шпильмана, предоставляя! последнему, въ удовлетвореніе свое—ударить тень обидчика. Право города Гайдбурга еще сильнее поглумилось надъ обиженный. шпильманомъ: кто ударитъ его, не платитъ за то никакой цѣны на суде ни обиженному, которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ!, и т. п. Грозскъ въ обл

На муравленой печки на запечки.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую па печку на муравлену;
Натягиваль тетивочки шелковыя
На тья струночки волоченья,
Учель по струночкамъ похаживать,
Учель онъ голосомъ поваживать ¹⁾.

Въ другомъ пересказ[^] Владѣмиръ уже безъ сердца ука
зываетъ то-же место Добрыни-скомороху. Говоритъ Добрыня

«Солнышко, князь стольно-кѣвскій!
«Н4ть ли мѣстечка немножечка
«Малой скомороншкѣ,
«Поиграть въ гусельшки яровчаты».
Говоритъ какъ солнышко князь стольно-кѣвскій:
Ай же ты малый скоморошина!
Всѣ мѣстечки позасяжены:
Есть на печкѣ муравленой
Местечка немножечко.
Тутъ то Добрыня на ножку легохъ-то былъ,
Подскочилъ онъ на печку муравлену ²⁾.

Въ третьемъ пересказе Владѣмиръ предлагаете Добрыне-скомороху три местечка: одно противъ стола, другое противъ себя (князя), а третье—«на печке на земляныя». Добрыня яге, очевидно избравъ обычное «место скоморошское», «скочилъ на печку на земляную ³⁾.

У простыхъ людей скоморохи принимались съ большимъ почетомъ. Терентьева жена обращается къ зазванымъ ею «веселымъ молодцамъ» съ приглашешемъ сесть на лавочки:

Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы ⁴⁾.

Народъ обращается съ ними запанибрата: «веселые», по словамъ песни, отыскивая себе ночлегъ, заходятъ къ

¹⁾ Рыбниковъ. Пѣсн. I, 136.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 44—45.

²⁾ Рыбниковъ. Пѣсн. II, 30—31.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 1029:
— Только мѣстечка да на печи печь,
— На нечп печи, да на нечномъ стодбѣ.

³⁾ Рыбниковъ. Пѣсн. I, 144.

К. Даниловъ. Древ. рос. ствх. 13.

старой баб!;: одинъ играетъ, другой пляшетъ, а третій, по видимому, безцеремонно располагается будто бы спать ').

Впрочемъ, презрительное отношеніе народа къ отвергнутымъ обществомъ пот'Ьпшикамъ-скоморохамъ, кроме приведенныхъ выше (стр. 167) нелестныхъ для нихъ народныхъ поговорокъ, выражается, напр. и въ народной картинкѣ (изъ первой половиныXVШв.), изображающей по'Ьздъ «Масляницы»: маслянице на картинке предшествуютъ четыре музыканта (скомороха), йграюііе на гудке, дудке, волынке и чекане. Первые два идутъ пешкомъ, а последніе изображены верхомъ на свиньяхъ; подъ картинкой подписаны слова: «переднею (=масляницею) скачут на свиньяхъ верхами сразными музыки и гудками»²⁾. Всадникъ на свинье во всякомъ случае представляетъ фигуру, способную вызывать лишь презрительный смехъ окрѳясающей толпы. Въ XVI столетіи скоморохи, какъ мы видели выше (стр. 142), ходятъ большими толпами, часто насильно играютъ въ деревняхъ и насильно едятъ и пьютъ, и даііе обворовываютъ и грабятъ жителей. Противъ такихъ нахальныхъ нашествій народъ, именно въ XVI столетіи, ограждался многочисленными грамотами, запрещавшими скоморохамъ совершать насильственныя посещешя. Впрочемъ, въ качествѣ людей, занимавшихся «безчестнымъ» ремесломъ, инадь скоморохами иногда производились насйлія со стороны людей «честныхъ», злоупотреблявшихъ нерасположенемъ къ скоморохамъ властей, а следовательно и невозможностью находить имъ себе защиту. Такъ въ 1633 г. били государю челомъ скоморохи князя И. И. Шуйскаго (Павлушка Зарубинъ, даВортышкаМихайловъ, даКонашка Дементьевъ)и князя Д. М. Шшарскаго(бедькаСтепановъ,сынъЧечотка)нанриказнаго села Дунилова, Ондreja Крюкова, да на его людей, въ томъ что, когда челобитчики пришли въ Дунилово «для своего промыслишку и съ ходьбы къ нему, Ондрею явились», то Ондрей ихъ, «сиротъ, зазваль къ себе на дворъ и, зазавъ, заперъ въ баню и, заперши, выму-

¹⁾ См. выше стр. 141.

²⁾ Ровійскій. Русс. нар. парт. I, 301.

чиль у нихъ, сиротъ, у Павлушки 7 рублевъ, у ведьки 25рублевъ, даАртюшкиныхъ денегъ 5 рублевъ...» ^ . Подобные случаи «вымучиванія» у презрѣнныхъ скомороховъ собранныхъ ими денегъ «честными», т. е. не занимавшими скоморошескимъ промысломъ, людьми — вероятно повторялись неоднократно, тѣмъ боліе, что даясе оффціальными грамотами въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрешалось, а иногда и приказывалось, не только выгонять непрошенныхъ гостей-скомороховъ, но даяіе бить и грабить ихъ; такъ напр. приговорною памятью монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 г.) предписывалось «скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ да выбити изъ волости вонъ»²).

¹)См. у Аванасьева. Поэт, возр. I, 346—347.

²) Акты (арх. звсп.). I, № 244.

Конецъ скоморохамъ.

Мы рассмотрели разностороннюю деятельность скомороховъ. «Великая игра», заключающаяся въ сопровождаемомъ звуками гуслей, пѣти песенъ, «про старыя времена и про нынешнія», про далекія страны, про подвиги прославленныхъ князей и витязей, — песенъ содержанія серьезнаго, сказочнаго, иногда и шуточнаго, — «великая игра», главнейшимъ представителемъ которой былъ древній «гораздый гудецъ» Кіевскій, веіцій песнотворецъ Боянь, прославлявшій дбятя князей и героевъ, процветала въ рукахъ какъ профессиональныхъ гусельниковъ-скомороховъ, такъ и игроковъ • друяшнниковъ, при княжескихъ дворахъ. Преемниками этихъ древнихъ певцевъ-гусяровъ, историческія сведенія о которыхъ после XI века почти вовсе умолкаютъ—исключеніе составляете лишь летописное йзвестіе о «словутномъ» певце Митусе (XIII в.) являются въ XVI и XVII векахъ царскіе бахари, домрачеи и гусельники, которые для развлеченія царя, царицы и ихъ приближенныхъ сказываютъ сказки (сказки-былины?), поютъ песни и играютъ на домрахъ и гусяхъ, т. е. исполняютъ то-же, что и древніе гусяры - скоморохи, «иже басни баютъ и въ гусли гудутъ», по выражение Кирилла Туровскаго (XIII в.). Песни «умильныя», соответствующая Добрынину пенію «по уныльнѣму, по умильнѣму», въ позднейшихъ былинахъ получаютъ названіе песенъ царскихъ, какъ и чудесныя, пленительныя песни райской птички именуется «царскими» (см. стр. 53—54). Въ теченій XVI и въ особенности XVII века все более и более обнаруживается, какъ уясе замечено

было мною раньше, иноземное влияние на характер и состав царских музыкальных пот*хъ. Появляются при царскомъ двор* органы, клавикорды, скрипки, цимбалы, заводятся хоры трубной музыки; наконецъ, - при Алекс** Михайлович* открываются театральныя представления съ оркестровой музыкой. Придворныя бахары, домрачеи и гуслильники исчезаютъ и только уже позже, въ XVIII стол*тій, какъ бы въ зам*нъ ихъ, появляются иногда при русскомъ двор* малорусскіе бандуристы, восп*ваюціе уже поздн*йшія событія изъ исторій казачества, т. е. уже изъ временъ хрїстіанскіхъ. Древнее-же искусство п*нія или сказанія старины, центромъ которой продолжаетъ преимущественно служить окруженный богатырями «князь Владїмїръ стольно-кїевскій», не исчезло: на далекихъ, глухихъ с*верныхъ окраинахъ земли русской до сихъ поръ звучитъ эта н*сня, конечно видоизм*ненная подъ влияніемъ иныхъ временъ и обстоятельству но несомн*нно близко роднящаяся съ древнимъ п*снон*ніемъ гуляровско-морозовъ; расп*вають, «сказываютъ» ее, но уже безъ сопровожденія гуслей, старики п*вцы или «сказители» былинь, изъ устъ которыхъ удалось записать ихъ, спасти отъ совершеннаго забвенія, ув*ков*чить, н*которымъ любителямъ и почитателямъ русской старины *). Значительная доля такихъ п*сень дошла до насъ и въ сборник* «Древнія русскія стихотворенія К. Данилова», открытомъ въ вид* рукописи въ средин* прошедшаго стол*тія.

Впрочемъ, не при однихъ княжескихъ и царскихъ дворахъ звучала въ старину эта «великая игра», но и въ сред* частныхъ, преимущественно знатныхъ, богатыхъ лицъ. Мы вид*ли выше, что'богатый гость Соловей Будимировичъ самъ играетъ, окруженный своею дружиною (гостями-корабельщиками и ц*ловальниками); другой богатый гость, Садко, также играетъ среди своей дружины, своихъ «наемныхъ людей» («ц*ловальниковъ и прикащиковъ»): когда выпадаетъ ему злополучный жребїй, то онъ,

*) См. неоднократно цитированные мною выше сборники былинь Кнрїевского, Рыбникова) Гильфердинга.

— 176 —

прежде гѣмъ броситься въ море, обращается къ «своимъ
братцамъ», къ «дружинѣ хороброй»:

Подайте гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее...

На пиру, за «великимъ столомъ» у князя Михаила Васильевича Скопина поется слава хозяину пира, а самую былинку о подвигахъ и смерти Скопина поютъ «веселые молодцы», соединяющее свое повѣствоваше со славлешемъ того «боярина великаго», того «хозяина ласковаго», у котораго, «сидючи въ бесѣдѣ смиренныя», они «испиваютъ медь, зелено вино». Ладожскіе музыканты (скоморохи), которыхъ слышалъ Олеарій, нѣли о великомъ царѣ Михашгѣ бедоровичи за столомъ прѣзжихъ пословъ. Я упоминалъ выше о томъ, что, какъ у царей Иоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Михаила Оеодоровича, были свои сказочники-бахари, преемники древнихъ сказителей старины—скомороховъ, такъ держали бахарей и зажиточные частные люди, даже еще въ началъ!; нынѣшняго столѣтія; разумеется, бахари-холопы эти представляли собою измельченный типъ прежняго сказителя-гусляра,—дѣло ихъ было: то развлекать, то усыплять своего господина и въ послѣднемъ случай сходствовало, сблизалось съ холопскою-же обязанностью чесать господскія пятки на сонъ грядущій, практиковавшеюся во времена крѣпостнаго права. Какъ при царі; Михашгѣ ведоровичѣ состояли ибвцы и игрецы: домрачей и гусельники, при Алексѣе Михайловичѣ исчезнушіе, а въ послѣдствіи замѣнившіеся малорусскими бандуристами, такъ и въ богатыхъ частныхъ домахъ, именно въ теченіи XVII столѣтія встречаются гусельники (вспомнимъ «новость о прекрасномъ Девгеніи», «притчу о старомъ мужі; и молодой дѣвицѣ») и поэзсе, въ XVIII вѣкѣ, — бандуристы. Какъ при царскомъ дворѣ, начиная съ конца XV и въ теченіи XVI XVII и слѣдующихъ столѣтій, состояли игроки на разныхъ ннземныхъ инструментахъ (органахъ, клавикордахъ, скрипкахъ, цимбалахъ) и, начиная съ XVII вѣка, цблые хоры музыкантовъ: трубниковъ, сурначеевъ, накрачеевъ и т. п., такъ и въ частныхъ домахъ, именно въ XVII вѣкѣ заводились подобныя-же потѣхи: вспомнимъ музыку и му-

зыкантивъ боярина Никиты Ивановича Романова, друга немцевъ, устроиваваго свои музыкальный потехи на нѣмецкій ладъ; вспомнимъ дворовыхъ людей боярина Артемона Сергеевича Матвеева, участвовавшихъ, вместе съ прїзжими немцами, въ первыхъ придворныхъ театральныхъ представленїяхъ при Алексѣ Михайловичѣ*; вспомнимъ игру трубниковъ, сурначеевъ, набатчиковъ и пр., игравшихъ на пирахъ въ повести о прекрасномъ Девгенїи, въ притчѣ* о старомъ муже и молодой девице, въ былинѣ «Никите Романовичу дано село Преображенское». Съ конца XVII столетїя постепенно заводятся разными знатными людьми свои музыканты и оркестры, существовавшїе при дворахъ некоторыхъ вельможъ даже до середины нашего века.

Все только что перечисленныя музыкальныя потехи едвали въ состоянїи были - бы вызывать серьезныя протесты со стороны не только светскихъ, но и духовныхъ властей, кроме разве порицанїя со стороны последнихъ, основаннаго на воспринятомъ духовенствомъ изъ Византїи убежденїи въ греховности занятїя музыкой вообще. Действительно, изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ мы видимъ, что преп. беодосїи лишь съ некоторымъ намекомъ укоризны отнесся къ играмъ и песнямъ, происходившимъ при дворе князя Святослава: «Такъ-ли будетъ на томъ свете?» Вотъ все, что проговорилъ веодосїи, заставшїи эти игры въ полномъ ихъ разгарѣ. Далее мы встрѣтили рядъ предписанїи лицамъ духовнаго званїя, удаляться отъ трапезъ, где бывають гуденїе или «йгранїе» на инструментахъ. Но действительно заслуживало порицанїя и запреценїя йгранїе, сопровождавшее попойки и оргїи, въ особенности раздававшееся въ праздничныя дни на улицахъ и площадяхъ, или въ корчмахъ, среди народной толпы; здѣсь оно въ большинствѣ случаевъ вызывало и «проклятое», «многовертимое нлясанїе», которое, не удерживаясь въ границахъ благопристойности и прїличїя, нередко переходило въ цшшческія, соблазнительныя телодвженїя; йгранїе вызывало здѣсь и песни плясовыя и разгульныя, легко переходившія въ «сквернословїе» или «срамословїе». Все это опять связывалось съ переряживаньемъ, глумлениемъ, «позорами», также обыкновенно далеко нересту-

павшими границы пристойности, связывалось съ разгуломъ толпы, пьянствомъ и безчтемъ, нарушавшими правильное теченіе жизни, оскорблявшими нравственное чувство. Въ упомянутомъ выше (стр. 92) слов* «о корчмахъ и о пьянств*» изображается йграніе, п*ніе и скаканіе кощунниковъ-скомороховъ передъ собравшимися «къ пїтію пьянственному» мужчинами и женщинами: «сія-же зряще жены — продолжаетъ авторъ слова — и уже с*дятъ отъ пїанства аки обуморены. Кр*пость бо трезвеная изсяче и будетъ ей жел*ніе сатанинскому йгранію. Мужу-же ея также ослаб*вшу и бываетъ с*мо и овамо очима согляданіе и помйзаніе. И кїждо мужъ чужей ясен* пїтіе даетъ съ лобзаніемъ и ту будетъ и рукамъ прїятіе и зложайнымъ речемъ спл*теніе и связь діавола...». Вотъ такого-то рода нграніе, п*ніе, плясаніе и глумленіе, возбуждавшія и разжйгавшія пьяное веселье толпы или вообще пирующихъ, издавна стали вызывать справедливыя порйцанія со стороны принадлежавшихъ преимущественно къ духовному чину писателей, вид*вшихъ въ этихъ д*йствїяхъ остатки «поганства», т. е. язычества, источникъ безнравственности, причину духовнаго паденія и гибели народа, служеніе дьяволу, дьявольскія лести, называвшихъ ихъ б*совскими, сатанинскими, богомерзскими играми и п*снями, б*совскими кощунами и т. п. Т*мъ не мен*е, однако, порйцанія духовенства въ теченїи многихъ в*ковъ оставались гласомъ воціющаго въ пустын*: и народъ и вельможи любили своихъ пот*шниковъ-скомороховъ и продолжали забавляться и ут*шаться ихъ играми. Порйцанія духовныхъ лицъ не находили себ* серьезной поддержки со стороны св*тскихъ властей до т*хъ поръ, пока представители этихъ б*совскихъ кощунвъ, глумовъ, и игръ—скоморохи—не стали наносить уже существеннаго, матеріальнаго ущерба жителямъ страны, пока они не стали соединяться ватагами и не только соблазнять и прельщать толпу своей разгульной игрой, своими нер*дко безчинными, непристойными «позорами», гдумами, п*снями и плясками, но даже насильно вторгаться во дворы и дома жителей деревень, сель и городовъ, насильно же пить и *сть у дихъ, воровать и грабить. Таковыми рисуеть ватаги скомороховъ Стоглавъ, таковыми были он* в*роятно уже и

въ ХТ р/urf, такъ какъ съ этого столітія свѣтскія власти начинаютъ ставить преграды ихъ алчности и нахальству, сперва ограждая особыми грамотами, въ видѣ чрезвычайной привилегіи или льготы, тѣ или другія селенія, ту или другую волость, отъ насильственнаго нашествія скомороховъ, а затѣмъ постепенно принимая уже боліе широкія мѣры противъ скоморошества вообще. Но и эти грамоты и указы въ общемъ имѣли мало успеха и широко распространившагося зла не искореняли. Только со время царя Михаила Ѳеодоровича власти начинаютъ действовать противъ скомороховъ съ боліею энергіею. Со вступлениемъ же на царскій престолъ Алексея Михайловича, который, подъ наливомъ благочестія, съ омерзениемъ относился ко всякаго рода отечественному скоморошеству, даже на собственной своей свадьбѣ отменилъ трубную музыку, замѣстивъ ее нѣмт. духовныхъ стиховъ,—который, удаливъ отъ своего двора бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ, на мѣсто ихъ поселилъ во дворцѣ такъ называемыхъ «верховыхъ нищихъ» занимавшихъ его пѣсней духовныхъ стиховъ,—со вступлениемъ Алексея Михайловича на царскій престолъ началось усиленное преслѣдованіе и коренное истребленіе скомороховъ и ихъ игръ, подкрепляемое строгими наказаніями ослушниковъ царскаго слова.

Прослѣдимъ главнѣйшія изъ вышеупомянутыхъ запретительныхъ грамотъ и постановленій въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Въ 1470 г. выдана жалованная грамота о томъ, чтобы въ Инобожскихъ селахъ Троицко - Сергіева монастыря княжескіе Ездоки не ставились, «также и скоморохи у нихъ въ тѣхъ селахъ не играли». Въ уставной грамотѣ 1506 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ (Артемоновскаго стана крестьянъ) въ волости играти (волостель?) не освобождаетъ». Въ другой уставной грамотѣ отъ 1509 г. предоставляется ловчому и его тиуну не допускать въ Бобровыхъ деревняхъ насильственной игры скомороховъ и безнаказанно выгонять ихъ: «кто ихъ (скомороховъ) пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи но деревнямъ играти силно,

и они ихъ изъ волости вышлють вонъ безненно». Жалованная грамота великаго князя Василія Іоанновича 1522 г. освобождаетъ монастырскія села и деревни въ Углицкомъ у*зд* отъ пошлинь и отъ игры скомороховъ: «скоморохомъ (въ т*хъ деревняхъ) не играти; а учнуть у нихъ... скоморохи играти, и язъ т*хъ вел*ль имати и давати на поруки, и ставити передъ собою, Великимъ Княземъ». Въ уставной Онежской грамот* 1536 г. читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ въ волости силно не играти; а кто у нихъ учнетъ въ волости играти силно, а старосты и волостные люди вышлють ихъ изъ волости вонъ, а пени имъ въ томъ н*тъ». Въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ 1544 г. (Звенигородскаго у*зда, дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ), 1548г. (Троицкому Сергіеву монастырю), 1554 г. (дворцовыхъ Аонасьевскаго и Васильевскаго села крестьянамъ) повторяются такія - лее прївилегїи, ограждашія данныя селенія отъ насильственной игры скомороховъ. Наконецъ, въ приговорной грамот* монастырскаго собора Троицкой Лавры 1555 г. (см. выше стр. 154) уже подъ угрозою пени запрещалось дерлсать въ волости скомороховъ, а равно предписывалось и «прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать»¹⁾). Повторяю, что во вс*хъ данныхъ случаяхъ лишь отд*льныя местности ограждались отъ непрошеннаго пос*щешя и игры, словомъ, отъ нашествія ватагъ скомороховъ. Въ постановленїяхъ стоглаваго собора находимъ уже бол*е обїція запрещешя, отчасти направленныя противъ оскорбительнаго для религіознаго чувства вторженія скоморошескихъ игръ въ религіозныя д*йствїя, отчасти—противъ гуденія, йгранія, глумленія ит. п. вообще: такъ Стоглавомъ предписывалось священникамъ, уб*ждать духовныхъ д*тей своихъ, чтобы они отстраняли скомороховъ отъ свадебныхъ по*здовъ. гд* скоморохи шли рядомъ со священникомъ; также отъ вторженія б*совскихъ игръ скоморошескихъ въ обрядъ поминовенія усопшихъ. Вотъ эти ностановленія Стоглава: «Къ в*нчанію ко святымъ церквамъ скоморохомъ и глумомъ предъ свадбого не ходити и о томъ священникамъ такимъ запрещати съ великимъ запрещешемъ, чтобы

¹⁾ Акты (арх. эксп.). I, 86, 144, 150, 171, 181, 201, 217, 240. 244

такое безчїніе никогдаже не именовалося»¹⁾. «Скоморохомъ и гудцомъ и всякимъ глумцомъ запрещали (бы пасомые) и возбраняли, чтобы въ те времена коли родителей поминають православныхъ хрестьянъ не смущали и не прельщали тїзмй басовскими своим играми.»²⁾ Въ другомъ мѣсте Стоглава читаемъ: «праздность бо и пьянство и йграніе всему злу начало есть и погубленіе веліе; сего ради отрицають вся божественная пїсанія и священныя правила всякое йграніе... и гусли и смьки и сопели и всякое гуденіе и глумленіе и позорище и плясаніе»³⁾. «Бога ради, Государь, вели ихъ (скомороховъ) извести, кое бы (= чтобы) ихъ не было въ твоёмъ царстве, и тебе, Государю, въ великое спасете, аще бесовская игра ихъ не будетъ», писалъ Іоанну Грозному митрополитъ Іасафъ⁴⁾. Но царь самъ пилъ и плясалъ въ маскарахъ со скоморохами, самъ посылалъ по городамъ и селамъ набирать медведей и скомороховъ для своей потехи, самъ, въ утеху немецкимъ гостямъ, устраивалъ безстыдныя скоморошья пляски, а потому и постановленія стоглаваго собора противъ скомороховъ оставались столь-же безуспешными, какъ и прежнія порїцанія скоморошескихъ игръ, которыми продолжали тешиться народъ на улицахъ и площадяхъ, а знатные люди—въ своихъ домахъ и дворахъ.

Въ царствованіе Михаила бедоровича начинается уже более серьезное преследованіе безчинныхъ игрищъ, заключавшихся въ скоморошескихъ играхъ и позорахъ, медвежьей комедій, кулачныхъ бояхъ, разгуле и пьянстве. Въ 8-ой дополнительной статьѣ къ судебнику (1626 г.) чи-

¹⁾ Гл. 41, вопр. 16.

²⁾ Гл. 41, вопр. 23. — Ср. тамъ-же: вопр. 24, запреиеніе, чтобы въ навечерія Рождества Христова и Крошенія Христова, т. е. въ святкахъ, когда происходили позорища скоморошескія, нерерживанія и прочія вечернія и почныя увеселія, также и «о Ивановъ дни», мужи, жены и дітї «наношное плїцеваніе и на безчинный говоръ и на бїсовскія піснї и на плясаніе и на скаканіе и на многая богомерзвая дїла не сходились и таковыхъ бы древнихъ бїсованїи еллинскихъ не творили и въ конецъ прѣстали».

³⁾ Гл. 92.—Слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаї имеются въ виду всякія игры народныя, въ Ивановскую ночь, на рождественскихъ святкахъ, въ Петровское заговеніе,—игры, различныя по своему характеру, такъ какъ онѣ болѣе или мевїо сообразовались съ характеромъ иразднествъ, въ старину отирававшихся, отчасти и нынѣ отираваемыхъ народомъ, согласно древнимъ, еще не умершимъ въ вемъ языческвмъ преданїямъ. Праздники эти и связанныя съ ними народныя обряды разсматриваются мною во 2-мъ выпускѣ сочиненія «Вож. древ. Славянъ».

<) Стоглавъ. Гл. 100.

таемъ: «Государь Царь и Великій Князь Михайло ведорovichъ всеа Русіи указаль: послать бирича кликать въ Кита* и въ Б*ломъ Каменномъ город*, по торгомъ, и по большимъ улицамъ и по крестцомъ, и по переулкомъ и по малымъ торжкамъ, не по одинъ день, чтобъ впередъ за Старое Ваганково, никакіе люди не сходились на безл*пицу николи; а будетъ учнуть ослушаться и учнуть на безл*пицу ходить, и Государь указаль т*хъ людей имать и за ослупіанье бить кнутомъ ио торгомъ. И на Новую Четверть о томъ память послана, чтобъ на безл*пицу, за Ваганково, съ кабацкимъ питьемъ не въ*згали» *). Въ чемъ именно заключалась эта столь строго наказуемая «безл*пница», ясно не видно, нов*роятно подразумевались зд*сь народныя игрища, воодушевляемый упоминаемымъ данною статьею «кабацкимъ питьемъ». Подтвержденіемъ такому толкованію въ настоящемъ случа* слова «безл*пица» можетъ служить другая, аналогичная дополнительная къ судебнику статья (32-ая) отъ 1640 г.: «Государь Царь и Великій Князь Михайло бедоровичъ' всеа Русіи указаль: которые всякіе люди учнуть биться кулачки въ Кита*, и въ В*ломъ Каменномъ город*, и въ Земляномъ город*, и т*хъ людей имать и приводить въ Земской Приказъ, и чинить наказаніе» ²⁾). Зд*сь «безл*пица» и кулачный бой пресл*довались и запрещались царскимъ указомъ улсе подъ страхомъ строгаго наказанія. Слѣдунція слова патріарха Филарета какъ бы иллюстрируютъ только что упомянутую «безл*пицу»: ратуя противъ святочныхъ переряживаній и игрищъ, патріархъ въ 1628 г. указаль «кликать биричу по рядомъ, и по улицамъ и по слободамъ и въ сотняхъ, чтобы съ «кабылками» не ходили и на игрища бѣ мірскіе люди не сходились, т*мъ бы смуты православнымъ крестьяномъ не было и коледу бы и овсеня и плуги не кликали» (т. е. не п*ли бы святочныхъ колядокъ и авсеневыхъ п*сень)³⁾). Въ тоясе приблизительно время, ополчается противъ «сотонинскихъ игръ», плясокъ ирукоплексканій преемникъ Филарета патріархъ Тоасафъ. Въ памя-

¹⁾ Акты истор. (арж. комм. I Ш, № 92, VIII, стр. 95.

²⁾ Тамъ же: XXXII, стр. 108.

³⁾ Тамъ же: X, стр. 90.

ти, писанной по его указу въ 1636 г., патриархъ сѣтуеть на то, что «вместо радости духовной, въздѣланіе творять радости басовской и воспріймшш непріязньственные праздники, еже суть угодное дьяволу творяще и ходяще по воли сердце своихъ, ходяще по улицамъ въ народѣ безчинствующе; пьянствующе, наругающесея праздникомъ святыиъ Вождшмъ, вместо духовнаго торягества и веселія воспріймшш игры и кощуны блѣсовскія, повеліваюіце медвѣдчикомъ искомогохомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сотоннскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурны ревѣти, и руками плескати и плясати и иная неподобная дѣяти». Даліе патриархъ приказываетъ грамоту эту (въ которой предписывается также хранить благочініе въ церковной службѣ) «почасту» читать старостамъ поповскимъ и попамъ и наказывать имъ накрепко, чтобы они «приходящихъ ко святымъ Божшмъ церквамъ православныхъ хрїтаиъ учили страху Божию и всякому благочінію (т. е., между прочимъ, и воздержанію отъ вышеноименованныхъ игръ и безчїнія), неоплошно, съ великимъ утвержденіемъ»¹⁾. Патриархъ не ограничивался, однако, письменными указами, но прямо велѣлъ уничтожать попадавшіеся на улицахъ музыкальные инструменты, а потомъ и вообще всему народу запретилъ даже держать музыкальный орудія на дому и какія, вопреки запрещенію, гдѣ либо оказывались, приказывалъ отбирать и жечь. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ Олеарій: «Такъ какъ стали злоупотреблять музыкой—пишете онъ—распѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ срамныя пѣсни, то нынѣшній патриархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существоваше такихъ кабачьихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ Русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву рѣсу, и тамъ сожжены. Впрочемъ—прибавляете Олеарій—Ем-

¹⁾ Акты (арх. экз.), III, Л» 264.

цамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу Н*мцевъ, великому боярину Никит*, которому патриархъ многого приказывать не осмеливается, и который им*еть у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты¹⁾. Въ наказ* (I) монастырскимъ прикащикамъ (XVII в.) предписывалось, подь угрозою пени, запрещать крестьянамъ играть на музыкальныхъ инструментахъ и держать у себя таковыя; прикащики доляшы были наблюдать, «чтобы они крестьяне... б*совскіе игры, въ сон*ли и въ гусли и въ гудки и въ домры и во всякіе игры не играли, и въ дом*хъ у себя не держали... а кто забывъ страхъ Божій и смертный часъ,... учнутъ... играть всякими игры и у себя держать,... править пени по пяти рублевъ на челов*ка²⁾).

Наконецъ, искренняя и глубокая ненависть къ скоморошеству благочестиваго царя Алекс*я Михайловича нанесла сословию скомороховъ смертельный ударъ. Вскор* по вступленіи своемъ на престоль, царь сталъ заботиться о поднятій нравственности своихъ подданныхъ, приб*гая для этого, еще въ большей степени, ч*мъ это им*ло м*сто при Михаил* ведорович*. къ крутымъ, насильственнымъ м*рамъ: строго приказывалось народу нос*щать церковь, гов*ть,—списки людей негов*вшихъ приказывалось присылать въ монастырскій приказъ, и попадавшимъ въ эти списки грозила опала безъ всякой пощады; предписывалось въ воскресенье и въ Господскіе праздники не работать, въ Филипповъ постъ³⁾ поститься и въ церковь ходить каждый день³⁾ и т. п.; въ въ тоже время, подь угрозою строгаго-же наказанія, запрещались всякія суев*рныя д*йствія: волхвованіе, чарод*янія, гаданія, а такіяе всякія игры, музыка, п*сни, пляски, переряшваніе, позоры и связанное съ народными игрищами пьянство. Все это изложено въ царской грамот*

¹⁾ Подр. опис. путей, въ Москов. 344. Предшественник!^Иоасифа, патрархъ Филаретъ по свидетельству Оларш же, заиретилъ и новяленіе на улицахъ упонивнутыхъ выше (стр. 105), до некоторой степени сближающихся со скоморохами «халдеевъ» • «Такъ какъ эти забавники пишеть Оларш-ириняли уже черезъ чуръ большів неу'овол, ста,в, и даже вредъ, своими потехами крестьянамъ, вообще простом, народу а 1 и оеременнымъ женщинамъ и такъ какъ отъ потентате огня ихъ была та^е не малая опасность, то бывнпй патр.архъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бWe по городу въ шутовскомъ наряде». (Тамъ же: 315.)

²⁾ Акты юридическіе изд. археографическою коммиссіею. 1838 г М ЗЧА

³⁾ Соловьевъ. Истор, Росс. XIII. 153.

отъ 1648 года. Привожу последовательно главнѣшія выдержки изъ этого весьма любопытнаго документа, отрывками котораго я уже раньше пользовался въ соотвѣствующихъ мѣстахъ настоящей статьи. Данная грамота рисуеъ намъ картину современныхъ Алексею Михайловичу народныхъ увеселеній и игрищъ, главными действующими лицами которыхъ являются скоморохи: «Ведомо намъ учинилось—вззачь царь въ своей грамотѣ—что въ Бѣлгородѣ и иныхъ городахъ и въ уѣздахъ мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти въ воскресные и въ Господскіе дни и великихъ Святыхъ, во время святаго ігшїа къ церквамъ Божшмъ не ходять, и умножилось въ людзѣхъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное басовское дМство, глумніе и скоморошество со всякими басовскими играми. И отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъкрестьянѣхъ учинилось многое неистовство: и многіе люди, забывъ Бога и православную крестьянскую вѣру, тѣмъ прелесникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелеще сходятся по вечеромъ и во всеобщныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ пісней, и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцовъ... (далѣе слѣдуетъ порицаніе кулачныхъ боевъ, качанія на качеляхъ, неречисленіе разныхъ чародМствъ и волхвованій), и медведи водять и съ собаками пляшуть, зерныо, и карты, и шахмоты, и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесаніе, и ноють бѣсовскія піснї... (слѣдуетъ порицаніе обычая скакать на доскахъ на Святой недѣлѣ, а затѣмъ говорится о святочныхъ увеселешяхъ:) сходятся мужсково и женсково полу многіе люди въ басовское сонмище, по дьявольской прелести, многое басовское дМство играютъ во всякій бѣсовскія игры— а въ навечери Роясества Христова и Васильева дни, и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличуть— Коледу. Таусень и Плугу (ср. выше стр. 182 указъ патріарха Филарета)... и сказки сказываютъ небыльные, и празнословіе съ смѣхотворешемъ и кощунашемъ, и души свои губять такими помроченными и беззаконными делами, и накладываютъ на себя личины и платье скоморошское, и межъ себя наряда басовскую кобылку водять

(ср. выше указъ патриарха Филарета): и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ... (Далее царь переходитъ къ участію скомороховъ въ свадьбахъ:) Да въ городскихъ же и въ уездныхъ людехъ у многихъ бывають на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими игры; и уклоняются православные крестьяне къ бесовскимъ прелестемъ и ко пьянству, и отцовъ духовныхъ... наказанія не слушаютъ». По изложеніи всбхъ этихъ безчинствъ и незаконныхъ дѣлъ, грамота предписываетъ, приказать людямъ, чтобы они отъ пьянства уклонились, «скомороховъ зъ м(д)омами и съ гусли и съ волынками и со всякими игры... въ домъ къ себе не призывали,... и медведей (не водили) и съ сучками не плясали, и никакихъ бесовскихъ дивъ не творили,... богомерзкихъ и скверныхъ песней (на свадьбахъ и по ночамъ на улицахъ и поляхъ) не пели, и сами не плясали и въ ладоши не били, и всякихъ бесовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ мягъ себя не делали, и на качелехъ ни на какихъ не качались,... и личинъ на себя никакихъ не накладывали, и кобылокъ бесовскихъ (не наряжали), и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не делали. А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бесовскіе сосуды, и тыбъ те бесовскіе велель вынимать и, изломавъ те бесовскіе игры, велель ясечь. А которые люди отъ того ото всего богомерзкаго дела не отстануть, и учнутъ впредь такова богомерзкаго дела держатся, и по нашему указу темъ людямъ велено делать наказанье: где такое безчynie объявится, или кто на кого такое безчynie скажутъ, и выбъ техъ велели бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія не отстануть, а вымутъ такіе богомерзкіе игры въ другіе, и выбъ техъ ослушниковъ велели бить батоги; а которые люди отъ того не отстануть, а объявятся въ такой винѣ въ третіе и въ четвертые, и техъ, по нашему указу, велено ссылатъ въ крайные города за опалу. Одноличнобъ есте нашу грамоту всякихъ чиновъ людямъ велели прочесть по многіе дни, чтобы о богомерзкихъ и о чародейныхъ играхъ всякихъ чиновъ людямъ городскимъ и уезднымъ были ведомы, и съ сей на-

шей грамоты списки слово въ слово разослали въ станы и въ волости, и велели тѢ списки ио торшкомъ прочитати многижды, чтобъ сей пашъ крепкой заказъ видомъ былъ вс!;мъ людемъ» ¹⁾). Такимъ почти дословнымъ спискомъ съ этой грамоты представляется известная память Верхотурскаго воеводы Рафа Всеволожскаго прикащику Арбатской слободы ²⁾).

Въ другой царской грамотѣ, Шуйскому воеводѢ Зм-Беву, отъ того-же года, повторяется сходное-же порицаніе святочныхъ игрищъ, несоблюденіе народомъ праздничныхъ дней, брань, пьянство, а даліе опять упоминается о скоморохахъ—дупгѢ всякихъ народныхъ увеселеній: «въ воскресные-ясь дни и въ господскіе праздники и богородичные, и въ среду и въ пятки, и посты играцы бѣсовскіе—скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ медведи ходять». Указъ этотъ, запрещающей вей перечисленныя въ немъ безчинныя дѣйствія, «веліно въ т4хъ городѣхъ по улицамъ и по торжкамъ и по крестцамъ, и по переулкамъ, прокликати бирючемъ по многіе дни», чтобы «всякихъ чиновъ люди» нышѢ и впредь поименованныхъ «неистовствъ» не творили. Это-же будетъ слушаться, «и тѣмъ людемъ за такія суяротивныя христіанскому закону за неистовства, быти насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказанье» ³⁾). Несколько л4тъ спустя (въ 1657 г.), ростовскій митрополитъ Іона счелъ нужнымъ особою «памятью» предписать, «чтобъ отнюдь скомороховъ и медв'Ьжьихъ поводчиковъ не было, и въ гусли-бѣ и въ домры и въ сурны И ВЪ ВСЛЫНКИ И ВО ВСЯКІЯ бѣсовскія игры не играли, и песней сатанинскихъ не пѣли и мірскіхп, людей не соблаяшяли: а буде... поводчики съ медведи учнутъ ходити и скомрахи въ гусли и въ домры И ВЪ сурны И ВЪ ВОЛЫНКИ И ВО ВСЯКІЯ бѣСОВСКІЯ игры играть, и сатанинскія пісней пѣть, и мірскіх'ь людей соблажнять, или мірскіе люди т!;хъ скомороховъ и медв'Ьясьихъ поводчиковъ съ медвѣйдами въ дома своя пускати, а ему, великому святителЕО про то відомо учинится, и

¹⁾ Ивановъ. Опис. госуд. арх. стар. д!;ль. 296 в сл.

²⁾ Акты истор. (арх. коим.) IV, Л» 35.

³⁾ Сахаровъ. Сказ. русс. пар. Прилож. къ народи, дневнику.

тѣмъ людемъ и скомрахомъ и медггѣкимъ поводчпкамъ
быть отъ него святителя въ великомъ смѣренїи и на-
казанїи безъ пощады и во отлученїи отъ церкви»

И такъ грамоты и указы XVII века, запреіцавшїе
поименованные выше «безчинства» и «неистовства», по
царскому повеленїю энергически распространялись и
неоднократно прочитывались передъ народомъ въ горо-
дахъ и селахъ; заключавшїяся въ нихъ запреіченїя под-
креплялись угрозами строгихъ наказанїи, которыя и
приводились въ йсполненїе надъ ослушниками. «Нака-
занїе безъ пощады», «великая опала и ясестокое наказа-
нїе», «битье кнутомъ» и «битье батогами», а главное—
ненависть самого юнаго царя Алексея Михайловича къ
скоморохамъ, конечно небезъизвѣстная властямъ и руко-
водившая дМствїямїи послѣднихъ, все это не могло не
оказать сильнаго влїявія на участь преследуемыхъ цар-
скими указами, преимущественно бродячихъ скомороховъ,
главныхъ зачинщиковъ «безчинствъ и неистовствъ».

*Около средты X VII ель ка прохожге, бродячи ва-
тагами (въ качестве особаго, резко отличающагося отъ про-
чихъ, презираемаго всеми сословія) «веселые молодцы» по-
степенно сходятъ со сцены, а оседлые болт или мешье
перерождаются въ музыкантовъ и сценическихъ дея-
телей на ндтїишїи западно-европейскїи ладъ.*

Скоморохъ съ этого времени становится отясившею свой
векъ, историческою личностью, хотя все отрасли его по-
тешной деятельности продолжались и ныне ясїть и практи-
коваться въ народе:

скоморохъ-пѣвецъ,

древнейшїи *представитель народной поти* (домра-
чей, гусельникъ), певецъ миоическихъ, богатырскихъ и
историческихъ песенъ, уступаетъ место представителямъ
зарождающагося съ конца XVI века русскаго литератур-
ная стиха; но живая память о немъ и по ныне сохра-

¹⁾ Акты (арх. эксп.). IV, № 98.

йяется въ народ*, на севере—въ лице сказителя былинъ, а на юге—въ образе певца кобзаря или бандуриста;

скоморохъ-гудецъ

(гусельникъ, домрачей, волынщикъ, сурначей), *пгрокъ для плясокъ*, превратился въ музыканта-инструменталиста (оркестроваго или солиста), меняющаго гусли или домры на инструменты современнаго западно-европейскаго оркестра; въ народе же преемниками его являются оставившіеся приблизительно на прежней элементарной степени развитія, бродячіе или оседлые народные музыканты, частью профессиональные, частью непрофессиональные, изъ среды местнаго населенія: дудари, гудочники, ныне уже почти окончательно вытесненные скрипачами, балалаечниками, лирниками, игроками на гармоникахъ («итальянкахъ») и др. Я уже заметилъ раньше (стр. 19), что у Белоруссовъ простонародный скрипачъ до сихъ поръ именуется «скомороха»;

скоморохъ-плясунъ

превратился въ балетнаго танцора, оставивъ въ свою очередь несомненные слѣды своего искусства въ народныхъ разгульныхъ, разудалыхъ пляскахъ;

скоморохъ-глумословецъ и смѣхотворецъ,

исполнитель «позоровъ», превратился въ театральнаго актера; но воспоминаніе о первобытномъ виде скоморошескихъ глумовъ и позоровъ уцелело до сихъ поръ въ формѣ святочныхъ потехъ и шутокъ, творимыхъ ряженными «окрутниками», а равно и въ формѣ потешныхъ сценъ и фарсовъ, шутокъ и прибаутокъ, импровизируемыхъ и разыгрываемыхъ балаганными лицедеями и потешниками изъ народа, въ формѣ кукольной комедій, райка, медвежьей комедій и т. п., въ которыхъ бьетъ ключемъ народный юморъ, не стесняющійся при этомъ и въ употребленіи крепкихъ словецъ,—представленій, едва-ли во многомъ отличающихся отъсоответствующихъ «позоровъ» старинныхъ скомороховъ, за исключеніемъ разве недопускае-

маго нынѣ въ прежней безпредѣльной мерѣ цинизма и безстыдства.

Вспомнимъ, что, начиная съ конца ХУ и въ теченій ХVI и ХVII вековъ, при царскомъ дворѣ* народные поташники: бахари, домрачеи, гусельники постепенно вытесняются игроками на органахъ, скрипкахъ, цимбалахъ и прочихъ прибывающихъ изъ Западной Европы инструментахъ, а равно и трубными хорами (въ ХVII вѣж'ѣ); вспомнимъ, что у московскихъ вельможъ еще въ первой половинѣ ХVII столѣтія мы встречаемъ дворовыхъ шутовъ-скомороховъ или «веселыхъ» игроковъ, пѣвцовъ, плясуновъ, а во второй половинѣ того же века, подъ вліяшемъ проникающихъ въ это время въ Россію все более и более многочисленныхъ иноземныхъ музыкальныхъ поташниковъ. и даже иноземныхъ музыкально-театральныхъ представлений, эти дворовые «веселые» заменяются дворовыми же людьми—актерами, танцовщиками и оркестровыми (на современный западно-европейскій ладъ) музыкантами, сначала подвизающимися на музыкальномъ и музыкально-театральномъ поприщѣ!; вместе съ прїѣзжими немецкими артистами и, разумеется, подчиняющимися вліянію послѣднихъ, но съ теченіемъ времени постепенно приобретающими некоторую самостоятельность, въ качестве представителей зарояющагося русскаго сценическаго и музыкальнаго искусства.

Какъ-бы ни было грубо и элементарно искусство скомороховъ, но не должно упускать изъ виду, что оно представляло единственную, соответствовавшую вкусамъ народа, въ теченій многихъ вековъ, форму развлеченія и утѣхи, заменявшую ему вполне новейшую литературу, новѣйшія сценическія зрелища. Скоморохи, какъ показано выше, были древнейшими въ Россіи представителями народнаго эпоса, народной сцены; они же, вместе съ темъ, были и единственными представителями светской музыки въ Россіи, а потому повторяю, что вся первая многовековая эпоха исторіи русской светской музыки до середины ХVII века можетъ быть названа эпохой скомороховъ. О томъ, ка-

ковъ былъ характеръ и стиль музыки скомороховъ, мы можемъ делать одни лишь предположенія, такъ какъ письменныхъ памятниковъ они намъ не оставили, да и оставить не могли: они, конечно, нотныхъ знаковъ не знали и, следовательно, песенъ своихъ не записывали. Предположительныя заключенія о мелодіяхъ последнихъ можно строить по песнямъ преемниковъ скомороховъ—сказителей былинь и бандуристовъ относительно «великой», а также по практикуемымъ еще въ народе играмъ (на инструментахъ) и песнямъ плясовымъ и разгульнымъ—относительно «веселой» ихъ игры. Къ этому вопросу я возвращусь въ другой статьѣ.

461

4-

4
Историческое

БОЖЕСТВА ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. С. Фаминцына.

Сиб. Вып. I 1884 г. цѣна 3 руб.

Вып. II готовится къ печати.